

Василий Головачев

Мир приключений (сборник)

«ЭКСМО»

Головачев В. В.

Мир приключений (сборник) / В. В. Головачев — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-21258-3

Блестящие фантастические миниатюры от автора четырех десятков романов! Их герои путешествуют во времени и пространстве, переносятся в глубины Космоса и в отдаленные уголки нашей родной планеты, вступают в контакт с чужим разумом и исследуют параллельные миры... В сборнике «Мир приключений», как в зеркале, отражаются все грани таланта мэтра отечественной фантастики! Содержание: Стародавние времена • Беглец • Камертон • Эволюция • Дерево • Цунами (катастрофа) • Фуор • Покупка • Хроники выхода • Мальчишка из 22-го • Двое в пустыне • Мера вещей • Операция «терпение» • Волейбол-3000 • Думайте, думайте • Невыключенный • Приговоренные к свету • Неперемещенный • Ultima ratio • Переворот • Глюк • Кто следующий? Живу, пока мне интересно • Край света • Ухо, горло, глаз • Смотрим пирамид • Вторая сторона медали • Подземная птица • Ликвор Я вас предупредил • Не берите в руки меч • Приключения Дениса Молодцова • Я вас предупредил

ISBN 978-5-699-21258-3

© Головачев В. В.

© Эксмо

Содержание

Стародавние времена	5
Беглец	5
Камертон	11
Эволюция	16
Весьма средний палеолит	16
Средние века нашей эры	16
Средние годы двадцатого века	16
Середина двадцать шестого столетия	17
Еще пару средних тысяч лет спустя	17
Дерево	18
Цунами	24
Фуор	31
Покупка	37
Хроники выхода	39
Часть I	39
Часть II	42
Мальчишка из 22-го	45
Двое в пустыне	50
Мера вещей	57
Операция «Терпение»	73
Волейбол-3000	77
Думайте, думайте...	90
Невыключенный	90
Приговоренные к свету	100
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Василий Головачев

Мир приключений

Стародавние времена

Беглец

Вертолет снизился до четырехсот метров и, накренившись, пошел по кругу.

– Видите желтое пятно? – прокричал пилот Березину. – Это и есть Драконья пустошь. Посередине – Клык Дракона.

Клык представлял собой совершенно гладкий каменный палец диаметром около полу-сотни метров и высотой чуть выше двухсот. Палец был окружен обширным песчаным оазисом, который с трех сторон охватывала тайга, а с четвертой ограждали пологие, израненные фиолетово-бурыми тенями бока Салаирского горного кряжа.

– Давай вниз, – показал рукой Березин.

Пилот утопил штурвал, и вертолет провалился вниз, взревев мотором у самой вершины скалы.

С двухсотметровой высоты Драконья пустошь выглядела бесконечной пустыней, ровной и гладкой на удивление. Ни камня, ни кустика Березин на ней не заметил, несмотря на свой двенадцатикратный бинокль. Негреющий желток солнца над горизонтом и белесый пустой небосвод довершали картину мертвого спокойствия, царившего в природе.

Счетчик Гейгера и дублирующий дозиметр Березин включил еще в воздухе, но они молчали – повышенной радиации над Драконьей пустошью не оказалось. Но что-то же было, раз его, эксперта Центра по изучению быстропеременных явлений природы при Академии наук России, послали сюда в командировку при полном отсутствии финансирования.

– Ты случайно не знаток местных легенд? – спросил Березин, подходя к краю площадки.

– Вообще-то не знаток, но слышал одну... Местные алтайцы говорят – дурная здесь земля. Зверь вокруг пустоши не живет, люди тоже почему-то не селятся. По преданию, в этих краях обосновался дракон, дыханием своим иссушающий сердца и уносящий людей в ад...

– Поэтично... и загадочно. Радиоактивности нет, обычный фон, а это очень странно, если учесть одно обстоятельство: два дня назад...

Два дня назад в районе Салаира разразилась магнитная буря с центром в зоне Драконьей пустоши, а спутники отметили здесь еще и источник радиации. Березин вылетел к Салаирскому кряжу сразу же, как только в Центр пришла телеграмма, но выходит, пока он собирался, источник радиации исчез, а буря стихла. Чудеса...

– Очень странно... – повторил Березин задумчиво.

Пилот выглянул из кабины. На лице его, хмуром от природы, отразилось вдруг беспокойство.

– Ничего не чувствуешь? Мне почему-то хочется смотаться отсюда, и побыстрей.

От этих слов Березину стало не по себе, пришло ощущение неуютности, дискомфорта, и ему внезапно показалось, что в спину ему пристально смотрит кто-то чужой и страшный...

Впечатление было таким острым и реальным, что он невольно попятился к вертолету, озираясь и чувствуя, как потеют ладони. На многие десятки километров вокруг не было ни единой души, кроме них двоих, но ощущение взгляда не исчезало, усиливалось и наконец стало непереносимым.

– А, ч-черт, поехали!

Березин ретировался под сомнительную защиту вертолета, влез в кабину и захлопнул дверцу.

– Что, и тебя проняло? – пробормотал пилот.

Вертолет взмыл в воздух, мелькнули под ним и ушли вниз отвесные бока скалы, сменились желто-оранжевой, ровной как стол поверхностью песков. Клык Дракона отдалился...

– Давай сядем поближе к нему, на песок, – предложил Березин, все еще глядя на таинственную скалу, странный каприз природы, воздвигшей идеальный обелиск в центре песчаного массива. Уж не работа ли это человеческих рук? Но кто, когда сделал это и, главное, зачем?

Пилот отрицательно качнул головой:

– На песок нельзя.

Спустя несколько минут вертолет завис над узенькой полоской земли возле стены леса и спружинил на полозья.

Только теперь Березин обратил внимание на то, что лес, начинавшийся всего в сотне шагов, был какой-то странный – сплошной сухостой. Корявые стволы переплелись безлиственными ветвями, создавая мертвую серую полосу вдоль песчаного пляжа насколько хватало глаз. Живой зеленый лес начинался за этой полосой не сразу, а как бы по мере отдаления от пустоши, вытягивающей из него всю воду.

Березин с недоумением разглядывал колючую поросль высохшего кедрового стланика, подумал: не пролетала ли здесь когда-нибудь стая саранчи? – но пилот окликнул его, и он поспешил на зов.

– Смотри. – Пилот подобрал камень, забросил на недалекую песчаную гладь. Камень упал и исчез из глаз, словно нырнул не в песок, а в воду. – Зыбун.

– Что?! – удивился Березин. – Зыбучие пески? То-то я смотрю, песок слишком гладкий – ни барханов, ни ряби... Зыбун! На все два десятка километров?

– Факт. Когда начинается ветер, песок аж течет, сам видел, я над этими местами пять лет без малого летаю. Ну что, будем брать пробы?

– Непременно будем. А завтра заберем помощника, перевезем палатку и все необходимые вещи, и я начну копать тут один целую неделю. Не забудь забрать.

Березин энергично принялся за работу.

А через полчаса, когда он взял необходимые пробы грунта, сделал замеры и собрался отнести приборы к вертолету, горизонт вдаль над центром мерцающей золотом песчаной плещи вспыхнул вдруг лиловым пламенем, песчаная равнина встала дыбом, и спустя несколько секунд жаркий ревущий вихрь обрушился на лес.

Воздушная волна отбросила Березина неглубоко в заросли колючего кустарника. Пока он выбирался, царапая тело острыми сучьями, рев ослаб, как бы отдалился. Теперь он напоминал шум водопада, слышимого с недалекого расстояния.

– Жив? – окликнул Березин пилота.

– Очень может быть, что и нет, – мрачно отозвался тот, невидимый из-за плотной желтой пелены пыли.

Березин пробрался на голос, зажимая нос платком, обошел смутно видимую тушу вертолета и сел рядом.

– Что это было?.. Ох и запах, чуешь?

– Еще бы! – Пилот закашлялся. – Вертолет вот повалило, винт помяло, придется теперь попотеть, пока поставим на полозья да винт починим. А рвануло как раз в районе Клыка, недаром меня тянуло выбраться оттуда.

– Метеорит? Или испытания баллистической?

– Почему испытания? У наших «воjak», случается, и сами ракеты летают. – Пилот снова закашлялся, прикрывая рот ладонью. – К чему гадать? Подождем, пока осядет пыль, поставим вертолет и слетаем туда. Ты эксперт, тебе и карты в руки.

Желтая мгла рассеялась настолько, что стали видны лес, пустыня и зеленоватое небо. В той стороне, где прогремел неожиданный взрыв, все еще гроыхало и в небо ввинчивался черный с синим столб дыма, подсвеченный снизу оранжевым. Дым с глухим ворчанием распухал в плотное облако, расплывавшееся, в свою очередь, по пустыне.

– Чему там гореть? – пробормотал пилот, глядя на тучу из-под козырька ладони. – Ведь пески одни... и куда-то подевался этот чертов Драконий Клык...

Березин постоял рядом, напрягая зрение, потом вспомнил о бинокле, кинулся было в кабину и неожиданно заметил невысоко над песком летящее по воздуху черное пятно. Оно медленно, плавно плыло сквозь марево, заметно снижаясь на ходу, и было в его очертаниях что-то необычное, притягивающее взор.

Не сговариваясь, они бросились к тому месту, где должно было приземлиться пятно, и, еще не добежав, Березин решил, что это... человек, одетый в черный комбинезон.

Плыл он в очень неестественной позе метрах в трех от земли, словно ничего не весил, и пролетел бы мимо, если бы пилот, отломивший на бегу длинный сук, не остановил неуклонное скольжение незнакомца. Тело человека медленно обернулось вокруг конца ветки и вдруг тяжело рухнуло на землю, будто оборвав те невидимые нити, которые поддерживали его в воздухе.

Березин осторожно обошел тело, нагнулся, всматриваясь в лицо незнакомца, и едва не отшатнулся. Лицо упавшего, несомненно, принадлежало не человеку. Наметанный глаз эксперта отметил и безупречные овалы глаз, открытых, но темных, без зрачков и проблеска мысли, и прямой, едва выступавший нос, и слишком маленький рот, и чрезвычайно густые брови... Похож на человека, но не больше, чем кукла или робот. Впрочем, откуда здесь, в районе Салаира, роботы?

– Чудной какой-то, – буркнул пилот, встречая взгляд Березина. – Кукла, что ли?

И тут с глаз незнакомца исчезла темная пелена. Они стали прозрачными, наполнились желтым «электрическим» сиянием. Незнакомец неуловимо быстро изменил позу, точно перевернулся из положения «сидя» в положение «лежа», некоторое время не сводил своих чудных глаз с облака пыли и дыма на горизонте, потом непонятная гримаса исказила его правильное лицо, и низкий, чуть ли не уходящий в инфразвук, голос медленно произнес:

– Кажется, это была последняя ошибка...

В этом голосе было столько вполне человеческой горечи, что Березин проглотил вертевшиеся на языке вопросы и молча стоял рядом, мучаясь от сознания своей беспомощности и непонимания ситуации. Выручил пилот.

– Кто вы? – спросил он хрипло.

Незнакомец повернул голову, оглядел обоих равнодушно, но голос снова выдал его душевные муки, потому что в нем звучала непередаваемая тоска и боль:

– Можете называть меня Последним. Я землянин, но предыдущий. Веселенькая ситуация, не правда ли?

– Ситуация, конечно, ого... – обрел дар речи Березин. – Но на человека вы... как бы это сказать... не очень-то...

Незнакомец с проблеском интереса оглядел Березина, пилота и внезапно улыбнулся. Во всяком случае, гримасу его можно было оценить как улыбку.

– Представляю, как я выгляжу. Я же сказал, что я – человек, землянин – и только. И я действительно Последний...

Прилетевший из пустыни словно погас, неожиданно лег, вернее, перетек в лежачее положение и продолжал уже лежа, значительно тише:

– Кроме того, я беглец.

Березин посмотрел на растерявшегося пилота, лихорадочно соображая, что делать дальше. Обстановка складывалась неординарная, даже исключительная, и хотя он и был подготовлен к неожиданностям – год работы экспертом в Центре приучил его ко всему, – такого поворота событий не ожидал.

– Что предлагаешь делать? – быстро спросил он, отводя пилота в сторону и понижая голос.

– Его бы надо в столицу, – робко предложил пилот. – Может, успеем спасти...

– Не успеете, – сказал сзади Последний, обладавший отменным слухом. – Время моей жизни истекает, я успею лишь ответить на ваши вопросы и объяснить, кто я такой. Если вы этого хотите. Остальное уже не имеет значения.

Березин слушал Последнего с неопределенным чувством – нечто среднее между иронией, изумлением и скепсисом. Поверить до конца в происходящее он не мог, не мог и решить, как относиться к пришельцу. Хотя пришельцем Последний не был.

По словам его, двести миллионов лет назад на Земле существовала цивилизация, по какой-то причине (по какой – Последний уточнить не захотел) исчезнувшая в веках. Лишь немногие, в том числе и он сам, успели бежать в будущее от неизвестного катаклизма, найдя миллионы лет спустя новую цивилизацию, современную, молодую, горячую и... небезопасную.

– Да, небезопасную, – повторил Последний. – К сожалению, у нас не было выбора. Вы, люди, – диэнерги! Вы излучаете сразу два вида энергий: разрушения и созидания! Вам неведомо, что источниками энергии являются ваши эмоции: энергии разрушения – зло и ненависть, созидания – доброта и гуманизм. Источник один – эмоции, но виды излучений разнятся так же, как ваши машины для разрушения отличаются от машин для созидания, строительства. Вы даже не подозреваете, что обладаете исполинской силой, способной творить вселенные! И тратите эту силу поистине с безумной щедростью, но главное – абсолютно бесполезно, даже не замечая ее существования. Кроме редких случайных проявлений – телепатии, например, ясновидения, телекинеза... Взамен над чувствами начинает преобладать трезвый расчет, и появляются на свет атомные бомбы, напалм и генераторы смерти...

Беглец из прошлого замолчал.

– Почему же наша цивилизация такая плохая? – спросил задетый Березин, когда молчание затянулось. – Только из-за совершенствования орудий истребления?

– В последнее время наши... назовем их приборами... стали фиксировать нарастающую волну бессмысленных трат энергий разрушения, а мы достаточно опытны, чтобы понимать, к чему это может привести.

– К чему же?

– Вы становитесь равнодушными... к природе, к себе... к разуму вообще. Равнодушие – худшая из бед! Природа не терпит пустоты, и, не встречая сопротивления, гипертрофически растет безликая энергия равнодушия, которую слишком просто обратить в энергию разрушения... к чему пришли и мы за двести миллионов лет до вашего рождения. Моим коллегам-беглецам повезло больше, многие из них прошли инверсию времени благополучно, выбрав другие отрезки вашей истории. Я же ошибся, ошибся дважды... – Голос Последнего понизился до шепота. – Уже само бегство было ошибкой, трагической ошибкой, исправить которую я уже не могу.

– А взрыв? – не удержался пилот, не в пример Березину слушавший с жадным интересом и поверивший пришельцу сразу и безоговорочно.

– Инерция была слишком велика, когда я захотел остановиться, – прошептал едва слышно Последний, – и инвертор времени захлебнулся.

Через четверть часа им удалось поставить вертолет на полозья, и пилот снял переборку за сиденьями, куда они с превеликим трудом поместили Последнего: тело неожиданного беглеца из прошлого оказалось необычно тяжелым. Он не сопротивлялся, только сказал:

– Напрасно вы возитесь со мной, помочь мне не в силах ни один современный врач. Я не гуманоид, как вы считаете, хотя и похож на людей. Видимый мой облик, все эти «руки», «ноги», «голова» – порождение вашей фантазии, как и мой «русский» язык. Вы слышите не речь, а мысль! Вы, должно быть, и видите меня по-разному...

Березин не удивился, только кивнул, его уже трудно было чем-нибудь удивить, к тому же беспокоила одна идея.

– Излучение зла, – сказал он, кое-как усаживаясь рядом с Последним на пассажирское сиденье, – это, наверное, условность?

– Разумеется, термин относителен, – отозвался Последний. – Градации энергии эмоций вообще условны. Излучение имеет спектр, и каждая эмоция имеет свою полосу. Но какая ирония судьбы – вы, величайшие из творцов во Вселенной, не знаете своей огромной творческой силы!

– Да уж, силой бог нас не обидел! – пробормотал Березин, перед мысленным взором которого промелькнули картины человеческой деятельности. Подумал: одновременно это и страшная сила! Если, конечно, все это не розыгрыш или шутка гипнотизера... и не бред больного. Хотя на больного этот черный малый не похож. Знал бы он, сколько еще у человека злобы и ненависти, равнодушия и зависти, властолюбия и презрения! Может быть, и права эволюция, что не раскрыла нам сразу всего нашего могущества – наделали бы дел! Прежде надо научиться жить по справедливости и излучать в одном диапазоне – доброты и отзывчивости. Почему же к нам бегут из бездн прошлого? Что за парадокс? Неужели там жизнь хуже? Или они сами оказались бессильными перед своим собственным могуществом?

– А что это означает – энергии зла или доброты? – спросил Березин. – Можно ли ими управлять, дозировать?

Последний повозился в своем импровизированном кресле, помолчал с минуту.

Фыркал мотор, пилот, не вмешивающийся в беседу, несколько раз выскакивал из кабины и возился наверху. Наконец он запустил двигатель, и кабина задрожала от вибрации ротора.

Наконец раздался невыразительный голос (мысль!) беглеца:

– Пожалуй, я рискну дать вам знание вашей собственной радиации доброты, хуже от этого никому не станет, тем более мне. Но предупреждаю: знание это вы сможете использовать только для себя и не во вред другим. Любое иное применение станет фатальным.

Глаза Последнего налились желтым сиянием, у Березина внезапно закружилась голова, и он судорожно ухватился руками за какую-то перекладину впереди. И в это время тело беглеца из прошлого стало распухать и распадаться черным дымом. Дым заполнил кабину, перехватил дыхание.

Березин ударил ногой в дверцу и вывалился из кабины на землю, задыхаясь от кашля и нахлынувшей слабости. Отползая на четвереньках от вертолета, из которого, как из кратера вулкана, валил дым, он увидел по другую сторону отчаянно ругавшегося пилота, проворно отбегающего к пескам.

Двигатель вертолета продолжал работать, лопасти вращались и прибавали струи дыма к земле. Глаза начали слезиться, кашель выворачивал внутренности наизнанку, голова гудела, и Березин, судорожно загребая землю руками, отползал от вертолета все дальше и дальше, понимая, что Последний умер...

– И тут я потерял сознание окончательно. – Березин облизнул сухие губы и замолчал.

– Да-а, – пробурчал Богаев, избегая смотреть на пострадавшего. – Очень интересно... и очень правдоподобно. Однако вынужден тебя огорчить – все это тебе привиделось. Или почудилось, показалось, померещилось – выбирай любую формулировку.

– Расспросите пилота, он подтвердит.

– Пилот до сих пор не найден. – Богаев нахмурился, встал со стула, поправил сползающий с плеч халат и подошел к окну палаты. – Когда взорвался этот проклятый газовый мешок, вертолет ваш, очевидно, перевернуло, и двигатель быстро загорелся. А пилот свалился в зыбун. Его еще ищут, но и так понятно.

– Какой газовый мешок? – прошептал Березин. – Почему загорелся вертолет? Не может быть!

– К сожалению, может. Тебя подобрали спасатели в глубине сухого леса, ты еще легко отделался. Скажи спасибо, что МЧС сработало оперативно и по звонку из Бийска – там зарегистрировали взрыв – послало спасателей.

– Значит, на Салаире взорвался газовый мешок?..

– Подземные пустоты, заполненные газом. Наверное, раньше запросто просачивался в районе Драконьей пустоши понемногу, а когда мешок взорвался, волна газа окатила все вокруг пустоши на десятки километров. Отсюда и твои красочные галлюцинации – надыхался. «Излучение зла»... надо же придумать!

Березин посмотрел на свои забинтованные руки. Галлюцинации?! Ничего этого не было на самом деле?! Не было странного беглеца из страшно далекой эпохи, не было их разговора?.. И вдруг Березин вспомнил: «Я дам вам знание своей собственной радиации доброты»... Неужели и это – галлюцинации?..

– Разбинтуйте мне руки, – попросил Березин тихо.

– Зачем? – удивился Богаев, оборачиваясь.

– Разбинтуйте, пожалуйста.

– Ты с ума сошел! – Богаев с тревогой посмотрел в глаза Березину. – Зачем это тебе? Врач меня из окна выбросит, когда увидит! Несмотря на то, что ты мой подчиненный.

– Авось не выбросит, вы быстро.

Богаев помедлил, пожал плечами и стал неумело разбинтовывать руки пострадавшего, пропахшие антисептикой, в желтых пятнах ушибов, с узором царапин и ссадин.

– Ну и что дальше?

Березин тоже смотрел на свои руки, лицо его осунулось вдруг, стало строже и суровей.

А затем Богаев увидел, как руки эксперта посветлели, порезы, царапины и ушибы на них исчезли, словно с кожи смыли краску.

Березин без сил откинулся на подушку, полежал немного, отдыхая и весело глядя на побледневшего начальника. Потом неожиданно подмигнул ему и медленно воспарил над кроватью...

Камертон (Стихия)

Солнце зашло. Весь западный склон небосвода заняла медленно надвигающаяся фиолетовая пелена облаков. Ветер уже давно затянул свой пронзительный вокал. Резко похолодало.

Прохожих на мосту через Днепр в этот предвечерний час не было, но Ивонину это обстоятельство лишь доставляло удовольствие: он любил с работы и на работу ходить один, настраиваясь на рабочий или «отдыхательский» режим в одиночестве. К тому же впереди была встреча с Ингой, и он шел и улыбался.

День закончился удачно: начальник отдела не тревожил, предоставив Ивонину право самостоятельно решить проблему компоновки спецконструкции, главный специалист отдела сделал пару глубокомысленных замечаний и тоже «умыл руки», таким образом, Ивонин в спокойной обстановке нашел решение, и теперь предстояло расчетами доказать его осуществимость. Ну а за это Ивонин не тревожился, теоретически он был подкован неплохо, как отметил с долей иронии начальник на оперативке, намекая на почти никакой опыт Ивонина как молодого специалиста.

Окончательно стемнело. Сине-фиолетовая стена туч придавила город обреченностью непогоды. Ветер усилился, хотя дождя еще не было; на мосту он свирепствовал всюду, не опасаясь заблудиться на проспектах и улицах, в тупиках и двориках.

Ивонин поднял воротник плаща, прибавил шагу. Проводив взглядом переполненный троллейбус, он уловил сочувственный взгляд пожилой женщины и усмехнулся в душе: настроение, несмотря на непогоду, не ухудшалось. Для поэтической души Ивонина, как и для природы, плохой погоды не существовало.

На середине двухкилометрового пролета он вдруг почувствовал – не увидел или услышал, именно почувствовал, – что кто-то прячется в нише моста, на площадке, делавшей изгиб над опорой. Почему прячется? Потому что без причины никто сидеть у перил моста не станет, значит, прячется... или упал.

– Кто здесь? – негромко спросил Ивонин, останавливаясь.

Фонарь в этом месте только что погас, сгустив темноту. Страх Ивонин не ощущал, первый разряд по боксу неплохо гарантировал личную безопасность, но смутное беспокойство все же заставило его пристальнее взглянуться во мрак.

– Кто здесь? – повторил он громче. И вдруг ему показалось, что он... падает в бездонный колодец, зыбкие стены которого сложены из страха, боли, тоски и одиночества, – бесконечный колодец, пронизывающий вселенную человеческих трагедий. Станным образом он увидел, как неведомо где оползень уничтожает несколько зданий на окраине какого-то города, – и получил укол пронзительной боли в сердце; увидел, как волна цунами, подхватив стоящие в бухте корабли, понесла их на берег и разбила о скалы, – обруч жаркой боли сжал голову; увидел, как падает с обрыва в реку поезд с горящим тепловозом; потом промелькнули видения автобуса, несущегося в пропасть; заливаемый водой поселок; снежный буран, ломающий домики экспедиции; падающая со ступеней на полигоне ракета; полицейские, разгоняющие демонстрацию, танк, стреляющий по белым трубам близкого города, и тысяча других событий, каждое из которых затрагивало какой-нибудь нерв и превращало тело в сплошной распухающий ноющий нервный ком...

И вдруг все исчезло. Ивонин ощутил себя на мосту, ветер яростно бросал в лицо пригоршни неизвестно когда начавшегося ливня.

Одиноким автобус обдал парящим светом окон, и тут Ивонин увидел в углу ниши скорчившуюся фигуру. С минуту он приходил в себя, ни о чем не думая, даже не пытаясь

дознаться, кто прячется в нише. Удар реакции от страшной цепи галлюцинаций был довольно сильным, лишь проезжавшая мимо колонна грузовиков привела его в чувство.

Как нарочно, ртутный фонарь над ним в это время вспыхнул, напомнив астрономический термин «пульсар». Ивонин наконец смог разглядеть, кто перед ним. Это был худой, нескладный пожилой мужчина, на лице которого выделялись лихорадочно поблескивающие глаза и яркие, словно искусанные, губы. Одет он был в черную кожаную куртку, чрезвычайно потертую на сгибах, серые бесформенные брюки, натянувшиеся на острых коленях, и тяжелые армейские ботинки с проржавевшими насквозь пряжками. Шею незнакомца укутывал лиловый шарф, тем не менее он дрожал так, что это было заметно даже на расстоянии.

Ивонин встретил его взгляд и ахнул: столько в этом взгляде было неистовой боли, тоски и отрешенности...

– Сердце? – подскочил к незнакомцу Ивонин, нагнулся. – Давайте помогу.

– Двадцать тысяч... – прошептал незнакомец невразумительно. – Восемь баллов... за три минуты...

Ивонин беспомощно оглянулся. В обе стороны мост был пуст, струи дождя превратили его в зыбкий хребет какого-то доисторического чудовища. Только сумасшедший мог решиться идти через мост пешком в такую погоду.

«У него бред, – подумал Ивонин, – и, как назло, ни одной машины. А может, все это чудится? Мне, а не ему?»

– Сейчас, – продолжал шептать обладатель кожаной куртки. – Сейчас пройдет... не волнуйтесь. – Болезненная улыбка исказила его губы, глаза постепенно обрели смысл, прояснились, боль стала покидать их. – Не надо искать машину, – продолжал он уже более внятно. – Ни один врач не в силах помочь мне, уж поверьте, Игорь.

– Откуда вы меня знаете? – хмуро удивился Ивонин.

Незнакомец сделал неопределенный жест. Улыбка его исчезла. Он ухватился за перила, медленно разогнулся и оказался на голову выше Ивонина. Со смешанным чувством жалости и недоумения тот отвел глаза от нелепого костюма незнакомца, потом снова посмотрел на его лицо. Страшно было видеть, как крупная дрожь колотит его тело, не затрагивая головы.

– Наденьте мой плащ, – решился молодой человек. – И пойдете отсюда, а то промокнете окончательно. Я вас провожу.

– Не стоит. – Незнакомец отвел руку Ивонина и сморщился. Глаза его снова остекленели на минуту, так что Ивонин почувствовал раздражение и смутное недовольство собой. «Псих какой-то, – подумал он, вытирая лицо ладонью, – или наркоман... а я пристал со своей благотворительностью...»

– Так помочь вам? – почти грубо сказал он, хотя тут же смягчил тон. – Далеко идти?

Незнакомца стало корчить, судорога исказила лицо до неузнаваемости, оно стало страшным, как у эпилептика.

– О, черт! – Ивонин обхватил согнувшееся, бившееся крупной дрожью тело, не зная, что предпринять, беспомощно оглянулся. По мосту промчался желтый «Москвич», но водитель не заметил их возни, а может, не захотел остановиться. Инженер чувствовал в этот момент себя так глупо, что первой его мыслью было плюнуть и уйти. Но тут незнакомец снова забормотал:

– Еще волна... и еще семь тысяч... Иранское нагорье... три города полностью... не держите меня, не держите... мне легче.

Ивонин отпустил странного больного, тот с усилием разогнулся. Лицо у него стало серым, как бетон моста.

– Идите, – выдохнул он сквозь стиснутые зубы. – Я знаю, вы спешите, Игорь, идите, я сейчас справлюсь с приступом сам.

Инженер, наверно, выглядел довольно обескураженно, потому что незнакомец снова усмехнулся через силу.

– Зовите меня Михаилом, – сказал он. – Я не псих и не наркоман, и болезнь моя не входит в арсенал излечивающихся. Ни одна клиника мира не способна вылечить того, на ком отражается любое явление природы, чья нервная система способна ощущать зарождение циклона в Тихом океане и лесной пожар в джунглях Мадагаскара, вспышку на Солнце и падение вулканической бомбы... к сожалению, не только вулканической.

Мучительная гримаса перекосила губы Михаила, он с заметным усилием преодолел свой новый приступ. Что он почувствовал сейчас, какое событие? Ивонин понял, что принял слова Михаила за правду, и разозлился. Но тот вдруг улыбнулся и проговорил:

– Только что в Джайлаусском ущелье произошел обвал, есть жертвы... Вы не верите, я вижу, но не обижаюсь, привык. В современную эпоху мне никто не верит. А я в самом деле реагирую на все, что происходит в мире, просто крупные явления природы, сопровождающиеся большим количеством жертв, «забивают» основной фон мелких событий. Иногда бывает так больно, что хочется покончить с собой, иногда организм «сочувствует» мне, и я теряю сознание... Если хотите проверить, засекайте время: только что на набережной грузовик наехал на тумбу и опрокинулся. А на проспекте Гагарина ветер повалил фургон на трамвайные рельсы, и трамвай врезался в него и загорелся. Завтра все это появится в газетах.

– Но это же страшно! – воскликнул Ивонин. – Это удивительно и страшно, если только это правда!

– Правда. – Улыбка у Михаила получилась совсем «человеческая», горькая и задумчивая. – Я ношу это в себе почти всю жизнь.

– И никто не знает этих ваших способностей?

– И сейчас никто, вернее, только вы. Раньше знали Кампанелла, Гострид, Абу-ль-Вефа, Соломон... Нас было трое, но наши товарищи не выдержали пытки жизнью, и теперь я совсем один, один вот уже около двух веков.

Ивонин недоверчиво посмотрел на голову Михаила без единого седого волоска. В глазах нового знакомого искрилась усмешка, он иногда во время разговора уходил куда-то в лабиринты своих чувств, в свою сверххранимую душу, которую пронизывали не видимые никем силовые линии бурлящей вокруг жизни. И каждое сотрясение отражалось на нем вспышкой боли! Как же он выдерживает?!

– Не знаю, – тихо и печально отозвался Михаил, хотя Ивонин и не задал вопроса вслух. – Для меня этот век самый жестокий, потому что во время войн я умираю тысячи раз... и воскресаю вновь. Не знаю зачем, но природа заложила в меня бессмертие. Может быть, скомпенсировав тем самым смертность остальных?... Вы снова не верите. А я помню сожженные Карфаген и Геркуланум, гибель Помпеи и Содом и Гоморру, провал尼亚гары – там сейчас знаменитый Ниагарский водопад, и сражения Второй мировой войны, Хатынь и Саласпилс, Хиросиму и Нагасаки, Вьетнам и Гренаду... Я помню вспышку сверхновой в тысяча пятьсот шестом году и пожар Москвы в тысяча восемьсот двенадцатом, гибель Атлантиды и землетрясение в Чили в тысяча двести девяностом... Очень редко встречаются те, кто выслушивает меня до конца, еще реже – кто верит. Да я и в самом деле привык к недоверию. Просто становится легче, когда есть с кем поделиться, тогда я отдыхаю.

– А вы не пробовали бороться? – невольно увлекся Ивонин.

– Пробовал не однажды. В шестнадцатом веке я стал ради этого алхимиком, в девятнадцатом – фармацевтом.

– А к врачам не обращались?

– Я уже говорил, врачи не помогут, хотя я, конечно же, обращался к ним за помощью. Никто не верит, зато тут же заносят меня в списки сумасшедших. Штамп мышления... Только великие умы верили мне, но и они помочь не сумели. Саварина как-то предположил, что помочь мне может лишь мой двойник по психонатуре, тот, кто умеет соперничать, принять

на себя груз боли... Я встречал людей, с которыми мне становилось легче, вот как с вами, но чтобы полностью убрать экстрасенсорность, как теперь говорят...

– Подождите, – остановил его Ивонин, у которого голова кругом пошла от обилия сведений и разыгравшейся фантазии. – А вы не пробовали убедить компетентные органы... в... ну, чтобы в районы бедствий вовремя успела помощь? Скажем, произошла где-то катастрофа, и вы тут же сообщаете о ней, чтобы спасатели...

Михаил поморщился.

– Пробовал и такую глупость, но... – Он безнадежно махнул рукой. – Давно... теперь смирился. Да и всем не поможешь.

– Ну не знаю... – не согласился Ивонин. Что-то в нем погасло. Жалость к собеседнику и интерес к разговору. «Что это я? – подумал он, вслушиваясь в гортанный голос Михаила. – Поверил? Конечно, в нем есть что-то заслуживающее доверия... и в то же время отталкивающее... вроде снисходительных интонаций и блеска превосходства в глазах. А может, так оно и есть – превосходство мудрости? Сколько же ему лет, если он помнит гибель Атлантиды? Тут он перехватил явно, не надо было всовывать мне Атлантиду. Шарлатан он, вот кто, увлекся собственным красноречием, чтобы взамен что-нибудь попросить... И я уши развесил, лопух...»

– И вы как все, – с горьким смешком прервал свою речь Михаил. – Шарлатан... Оливер Лодж назвал меня «камертоном событий». И лет мне ровно двадцать три тысячи сто пять.

«Пророк! – хмыкнул про себя Ивонин. – Михаил – пророк... „ангел“, так сказать... „камертон событий“... Обалдеть можно! Интересно, откуда он сбежал?»

Ивонин с сожалением посмотрел на часы, окончательно уверовав в свою гипотезу о сбежавшем больном.

– Извините, мне пора идти. Интересно было познакомиться. Так я ничем не могу вам помочь?

– Вы уже помогли, – пробормотал Михаил, щеку его дернул нервный тик. – Прощайте...

Он шагнул из ниши и растаял в шелестящей дождем темноте. Издалека, словно из-под моста, донесся голос:

– Спасибо за участие!

И все стихло, остался лишь шелест осеннего дождя, одевшего в блестящую под светом фонарей кольчугу асфальт тротуара.

Ивонин потоптался на месте, зачем-то заглянул через перила под мост, никого и ничего не увидел, выругался в душе и побрел на светлое зарево огня вдоль набережной, которое сулило сухое тепло и отдых. Его вдруг начала колотить дрожь, как и странного собеседника на мосту, и, словно отзвук жуткого колодца, в голове засела заноза боли. «Заболел! – с долей удивления подумал он. – Простудился и заболел, вот и все. Отсюда и сегодняшние приключения, встреча с „камертоном событий“... Бред собачий! По словам мамы, я всегда был излишне впечатлительной натурой, вот и нафантазировал...»

На встречу с Ингой он опоздал...

Ночь провел плохо.

Боль не отпускала, пульсирующая, скачущая, колющая боль.

Ивонин снова и снова вспоминал незнакомца на мосту, снова и снова анализировал его слова, поведение и утром вдруг с пугающей ясностью понял – он не просто простудился, а заразился от Михаила! Тот существовал наяву, а не в горячечном бреде сна.

«Подходящая психонатура, – горько думалось Ивонину. – Неужели все это мне не привиделось? Не сон, не бред, не галлюцинация? Что же делать? Если у „камертонного“ вируса большой инкубационный период, то, может быть, я успею посоветоваться с... с кем? Кто мне поверит?»

Приступ боли, зародившийся где-то в области сердца, свалил его на пол, и он отчетливо увидел стену урагана, поднявшую в воздух деревянные дома какого-то поселка...

«Так! – сказал сам себе Ивонин, лежа на полу и пытаясь унять боль мысленным усилием. – Человек слаб... Человек слаб, если у него нет друзей и он остался один... Но у меня-то они есть! Инга! Ребята в институте... они поверят. Правда, придется разговаривать с ними на расстоянии, чтобы и они не заразились, и мы поборемся! В первую очередь надо будет научиться определять географические координаты районов бедствий, но с этим я справлюсь, по географии когда-то пятерки были. Михаилу было труднее, у него не оказалось никого, кто хотя бы просто посочувствовал ему. Вот в чем его беда – отсутствие друзей! Вот в чем его трагедия! Плохо, что он опустил руки, отделил себя от всех, „закуклился“ в себе самом... бес- смертный эгоист! Попробую отыскать его, вместе с нами ему будет легче...»

Ивонин привстал, но жесткий приступ боли затуманил сознание – где-то далеко падал в океан горящий пассажирский самолет.

Ивонин, упорно цепляясь за стол, встал, пошатываясь пошел к телефону.

– Ничего! – выговорил он в три приема, кусая губы. – Мы еще посмотрим, кто кого! Я тоже – стихия!

Эволюция Микросага

Весьма средний палеолит

Бырр¹ созерцал переменную облачность и размышлял.

Размышлял он, к примеру, о том, что неплохо бы переехать в пещеру со всеми коммунальными удобствами, что ковры из меха ламы изрядно поизносились, что икра черная, равно как и белая, уже в рот не лезет без мамонтовки, что если ледниковый период продлится еще пару тысячелетий, то мамонты вымрут и придется избрать предметом охоты дичь помельче, может быть, даже крокодилов... и тут взгляд Бырра упал на дерево, в котором любой уважающий себя неандерталец узнал бы морозоустойчивый сорт яблони, и мысли Бырра привычно сменили маршрут, что довольно характерно для первобытного человека того времени.

«Яблоко хорошо после мамонтовки, – подумал Бырр. – Трезвеешь моментально, как от удара дубиной. Впрочем, если запечь его внутри мамонтового хобота, тоже ничего жарено...»

Недолго думая, древний джентльмен поднял с земли камень. После трех-четырех неудачных попыток он добыл-таки яблоко – будучи тоже первобытным, оно было зеленым и смертельно кислым – и тут же съел. Без мамонтовки. Эту изобретенную неизвестным неандертальцем жидкость он допил еще вчера.

Средние века нашей эры

Старый Митрофан внимательно оглядел из-под козырька руки горизонт, ограниченный сараем, стойлом, домом, лошадью, двумя свиньями и яблоней, и наметанным глазом зажиточного славянского фермера точно определил, что с юго-востока идет антициклон.

«Опять придется раньше времени яблоки убирать, – подумал Митрофан. – Ранние яблоки ценятся меньше, чем поздние, особенно промеж коллег, ну да пес с ними, а то вовсе без урожая останешься!..»

Чертыхнувшись в душе, старый Митрофан рысью побежал к яблоне, по пути припомнив, что его распрекрасная хозяйюшка Аксинья умеет отменно запекать поросят с яблочной начинкой.

Тетушка Аксинья доила корову, когда со двора послышался шум падения и вслед за тем визг обиженной свиньи. «Жакели твою в купорос!» – подумала Аксинья привычно, выглянула из сарая и увидела мужа, стоящего на четвереньках под яблоней и почесывающего заднюю часть тела. Опытным глазом определив причину шума, старуха сплюнула в сердцах:

– Лестницу возьми, старый пень! Вздумал лазать по деревьям, как белка! И корзину не забудь – не то яблоки побьешь, жакели твою в купорос!

Митрофан, поохав, покорно взял лестницу, приставил к яблоне, прицепил на тощую шею корзину и полез вверх. Лестница, конечно, многое решала в данный исторический момент.

Средние годы двадцатого века

Сидоров прищурился на солнце – рабочий день – великому сожалению, еще не кончился – и, громко икнув, полез в кабину фруктоуборочного комбайна.

¹ Перевод имени здесь не приводится ввиду полного его неприличия.

«Хороши нонче яблочки! – подумал он почти трезво. – Золотой ранет... рашель... антоновка, туды ее в качель!.. И-ик!»

Затарактел мотор, вибратор уперся в ствол яблони, и крупные желтые с багрянцем яблоки посыпались в приемные сетки комбайна.

Сидоров нагнулся, взял из-под картуза яблоко, понюхал, прослезился и с хрустом откусил...

Середина двадцать шестого столетия

Мутант хомо-многомыслящий-разумный-твердотопливный лениво просматривал исторические хроники древних веков цивилизации Земли, как вдруг его поразил вид одного растения, плоды которого отозвались в наследственной памяти странно манящим вкусовым ощущением. Мутант хомо-многомыслящий-разумный-твердотопливный (в дальнейшем будем называть его для краткости ХМЫРЬ) тут же почувствовал желание – что характерно для землян того будущего времени – съесть такой же плод. Он протянул руку с одним-единственным пальцем, предназначенным для нажимания кнопок, тронул сенсор кибер-исполнителя желаний. Тотчас же в стенке его универсальной персональной жилой ячейки открылось отверстие, и в рот скатилось сочное, только что синтезированное яблоко.

Все двадцать два глаза ХМЫРЯ зажмурились от удовольствия, и он подумал, что древние земляне, именовавшие когда-то себя людьми, пусть и имели всего два глаза и лишние конечности, все же умели чувствовать прекрасное желудком...

Еще пару средних тысяч лет спустя

Где-то в сто пятьдесят первом блоке десятой зоны седьмого сектора пятого уровня третьей спирали Всегалактический единый Мозг-анализатор (ВЕДЬМА) внезапно ощутил незапланированную эмоцию, что в общем-то было характерно и для других Галактических Мозгов этого типа окружающего метagalacticкого пространства.

В течение коротких трех тысяч лет, проанализировав эмоцию, ВЕДЬМА понял, что это одна из бесчисленного количества его звездных клеток, называемая когда-то Солнцем, вспомнила что-то приятно-грустное из своей истории. Перестроив логические и чувственные цепи, ВЕДЬМА подключил начальный сигнал этой звезды-клетки к общему каналу и всем своим многотысячепарсекковым телом ощутил мысль – нарушительницу покоя: эх, яблочка бы сейчас... да бокал мамонтовки... да чтоб ни о чем не думать...

Дерево

Гигантское лезвие взрыва вспоролло экран, пересекло пульт, разметало людей и ахнуло в противоположную стену ходовой рубки, расколов ее зигзагом щели...

В сознание они пришли тем не менее быстро: первым Диего Вирт, потом Грехов, последним Мишин. И только Саша Лех по прозвищу Мальчик-с-Пальчик не шевелился, раскинув по разбитому пульту большие руки.

Диего выкарабкался из-под аппаратной стойки, взлетел к потолку рубки – наступила невесомость, – приблизился к пульту и наклонился над Сашей. Через несколько секунд он повернул к остальным побледневшее лицо и прошептал одними губами:

– Мертв!

Никто из них не знал причины катастрофы, даже Мишин, единственный в экипаже спасательного шлюпа теоретик и практик мгновенной «струнной» связи. Работником Управления аварийно-спасательной службы он стал недавно. И вот первый же его полет в составе аварийного патруля начался катастрофой, причем, по иронии судьбы, пострадал сам спасательный шлюп.

Мишин подумал было, что приемная тахис-станция каким-то невероятным образом вышла из резонанса, что и послужило причиной аварии, но такое предположение нельзя было доказать, и он промолчал.

Маленький их кораблик был поврежден, что называется, надежно: киб-координатор не работал, навигационные системы тоже, лишь системы жизнеобеспечения еще кое-как дышали, снабжая рубку кислородом и крохами электричества. Через два с лишним часа прозрели уцелевшие экраны, но информации о положении шлюпа это не прибавило. Слева по носу шлюпа тускло светила волокнистая россыпь мрачных багровых звезд. Справа, совсем близко, пылало косматое оранжевое солнце. Несмотря на свой опыт, ни Диего Вирт, ни Габриэль Грехов не могли определить, куда вышвырнул их взбесившийся тахис-канал.

«Неклассическая ситуация, – подумал Грехов, с горечью сознавая свое бессилие. – Авария на спасательном модуле – нонсенс! Ирония судьбы. Что произошло на самом деле? Станция на Земле бросила нас по „струне“ всего лишь на сто пятьдесят миллионов километров, к Меркурию, а оказались мы здесь... неизвестно где, разбитыми чуть ли не вдребезги. Наверное, такие случаи бывали только в самом начале тахис-плаванья. Как же выпутываться из этого положения?»

И тут озарился пепельным светом центральный экран, и в его глубине выплыл горб близкой планеты...

Шлюп падал уже несколько часов.

Из разбитых блоков пульта Грехову удалось вдвоем с Мишиным собрать слабенюкую схему ручного управления, и тогда у всех затеплилась смутная надежда на спасение.

За это время они подробно рассмотрели планету: то, что она могла стать их могилой, не умаляло интереса. Планета представлялась мертвой. Безусловно, это первое впечатление было сугубо эмоциональным: растительность – они открыли степи и леса – уже жизнь! Однако люди невольно искали в безмолвных просторах степей намеки на жизнь разумную и не находили.

Шлюп заканчивал второй, и последний, виток.

Мишин попробовал включить аппаратуру экспресс-анализа, но попытки его не увенчались успехом. Зато он первым обнаружил странную деталь на поверхности планеты. Сначала Диего Вирт шутки ради предположил, что перед ним конец планетной оси вращения. Потом ему же показалось, что это искусственное сооружение, башня необычной формы. Но лишь опустившись до уровня запрещенной орбиты, на которой они уже не могли уберечь шлюп от

падения, даже если бы работал двигатель, люди поняли, что видят гигантское – около трех километров высотой! – дерево.

– Ущипните меня! – пробормотал Мишин. – Я сплю. Ей-богу, дерево! Или я на самом деле сплю?

– Эка невидаль – дерево, – пренебрежительно сказал Диего Вирт. – Лучше бы то была антенна даль-связи.

– Да вы что, ребята? Это же то самое Дерево спасателей! Помните историю с «Клинком солнца»?

– Сказки! – грубо ответил Диего по привычке не унывать в самых трудных ситуациях. – Давайте прощаться, что ли, шлюп уже падает.

Грехов в ответ мотнул головой, продолжая копаться в развороченном пульте. А через несколько минут, когда ждать больше как будто было нечего, Мишин вдруг сморщился и, стыдясь своего порыва, сунул Вирту жесткую темную ладонь. И почти сразу же Грехов крикнул:

– Держитесь!

Толчок включенного двигателя бросил людей в глубину кресел. Затем последовали толчки и еще...

Сначала Диего вытащил безвольное тело Мишина, с трудом ворочаясь в смятой, перекошенной рубке. Передохнул и полез в шлюп снова. Вынес Грехова и несколько минут ждал, пока пройдет боль в груди. Потом уже автоматически вернулся за мертвым пилотом. Саше Леху было все равно, где лежать.

Хотя шлюп был почти неуправляем и при посадке пропахал носом несколько сот метров, экипаж он спас. Люди отделались ушибами и ссадинами.

– Слава твоим создателям! – проговорил с улыбкой Диего, погладив с нежностью шероховатый бок шлюпа. – Запас прочности просто поразительный, почти как у человека, да, командир?

Грехов зашевелился, поднялся с трудом, упираясь кулаками в желтоватую почву, оглянулся на целый с виду шлюп и снова лег на спину, стал смотреть на открытое ими с орбиты дерево, наслаждаясь покоем и ощущением уходящей боли. Диего подошел и лег рядом, тоже глядя на дерево. По странной случайности они упали рядом, всего в полукilометре от этого оптического, а может быть, и материального, во что было трудно поверить, феномена. Очнувшийся Мишин сопел рядом, и все трое ни о чем не думали, просто лежали и смотрели на дерево.

– А дела-то наши дрянь, – сказал наконец Диего равнодушно.

– Не паникуй раньше времени, – отозвался Грехов невнятно.

– Да я и не паникую, просто констатирую факт. – Диего пожал плечами, что вызвало укол боли в спине, перевел взгляд на Мишина. Тот окончательно пришел в себя и сел, дыша тяжело, с хрипами. Нереальная прозрачность пленочного скафандра позволяла видеть его измученное, посеревшее лицо.

– Это вовсе не сказки, – проговорил Мишин, словно продолжая прерванный на орбите спор. – Можете смеяться или иронизировать, но это дерево, выполняющее желания. О нем постоянно толкуют пилоты галактических транспортников и даль-разведки. Одно время его даже пытались искать.

– Фольклор, – пробормотал Диего и сморщился: прикушенный язык мешал разговаривать. – Миф века. Шутка какого-то пилота, превратившаяся в легенду.

– Возвращение «Клинка солнца» не легенда. – Мишин тяжело встал. – У них полетел тахис-генератор, и если бы не дерево, выплывшее вдруг рядом... вспомните их ответ. Описание, кстати, сходится даже в деталях.

Он долго смотрел на дерево из-под козырька руки – больше всего оно походило на исполнинский одуванчик с чешуйчатым стволом, – потом пробормотал:

– Пойду пройдуся, посмотрю поближе, любопытно все-таки. – И, не дожидаясь ответа, побрел на холм, скрывающий основание ствола дерева.

Диего подождал, пока он скроется из виду, выключил радиосвязь и приблизил голову в шлеме к голове Грехова:

– Как ты думаешь, он понимает, что мы обречены? Или у него шок от удара?

– Не знаю, – глухо ответил Грехов, тоже отключив связь. – Что-то я тебя не пойму. Ты что же, смирился с положением?

– А ты знаешь способ, как отсюда выбраться?

– Пока нет, но... в нашем положении очень хочется верить в существование Дерева желаний.

– Вообще-то о дереве и я слышал немало всякого, причем от серьезных людей. Но когда оно оказывается рядом...

– Дерево и я вижу, а вот насчет желаний... Видишь ли, я привык полагаться прежде всего на свои собственные силы.

– Что-то я тебя не пойму, – поддразнивал командира Диего. – Уповать на собственные силы в таком положении трудно.

– В детстве я часто мечтал о волшебной палочке, выполняющей любые желания.

– Я тоже, – признался с улыбкой Диего.

Они одновременно посмотрели на неподвижное тело Саши Леха.

Через час Грехов, облазив модуль от кормы до носовых защитных экранов, вынужден был констатировать, что с ремонтом шлюпа собственными силами не справиться.

– Я хорошо знаю навигационное оборудование, – сказал он устало, – но почти ничего не смыслю в передатчике и двигателях. Ты, кажется, тоже?

– Я-то? – усмехнулся Диего Вирт. – Двигатели и передатчик, понимаешь ли, не входят в компетенцию врача. Но вот Мишин наверняка кое-что смыслит в тахис-аппаратуре, а значит, и в передатчике. Нам бы только сигнал подать, глядишь бы, и выкарабкались.

– Нам надо не только сигнал подать, но еще и успеть выполнить задание. Был бы жив Саша...

Диего посмотрел на командира как на сумасшедшего, но ничего не сказал.

– Кстати, где Михаил?

– Опять пошел к своему дереву.

– Надо его как-то отвлечь, а то свихнется мужик. Пошли-ка и мы посмотрим на это чудо, разомнемся хотя бы. Нам повезло, что планета такая спокойная.

Они медленно побрели на холм, ступая по короткой, очень жесткой серой траве. На лысой макушке холма задержались, глядя на одинокую человеческую фигурку, застывшую возле мощной колонны дерева. У обоих мелькнула одна и та же мысль, но оба запрятали ее поглубже: один – как заведомую чепуху, второй – как напрасную надежду. Спустившись в низину, молча остановились возле Мишина.

Поверхность дерева действительно напоминала кору – толстая, морщинисто-чешуйчатая, темно-коричневая, более светлая в разломах и трещинах. Ствол вздымался над ними исполинским пальцем, воткнувшимся в небо, крона была почти не видна – легкое серебристое облачко не то листвы, не то пуха.

– Ну и корень у него должен быть! – пробормотал Диего, которому стало не по себе. – А почему все-таки оно выросло здесь одно? Где другие такие деревья?

Грехов не ответил, потому что мысль, которую он только что прогнал, вернулась вновь.

– Миша, – позвал он, легонько тронув Мишина за плечо. – А как дерево исполняет желания? Какова процедура?

– Что? – очнулся Мишин. – А-а... да очень просто. – Он оживился. – По легенде – каждый человек должен загадать желание, но не высказывать его вслух, и если желания у всех совпадают, то это общее желание исполняется.

– «По легенде»! – фыркнул Диего. – А фактически? Как, например, спасся экипаж «Клинка солнца»?

– Они шли над Тубаном – альфой Дракона. Без генератора добирались бы к Солнцу около трехсот лет... Встретили дерево на одной из планет Тубана, сели. Ну, конечно, сомневались, спорили... а потом собрались вместе, и ... корабль вышел уже над Ураном, в Солнечной системе.

– Просто у них снова заработал генератор, – сказал Диего и хихикнул. – Квазизивые механизмы иногда начинают бастовать, а потом приходят в норму.

– Да нет, генератор так и не починили, списали потом.

– А что, если попробовать? – сказал вдруг Грехов.

– Ты серьезно?! – изумился Диего.

– Давайте и в самом деле попробуем, – взмолился Мишин. – Что мы теряем? Попытка не пытка...

– Чтобы потом был повод посмеяться друг над другом?

– Брось! – недовольно проговорил Грехов. – Можешь начинать смеяться, но минута веселья еще не пришла. Если есть хоть какой-то шанс, его надо использовать.

Они стояли молча несколько минут, стараясь не глядеть друг на друга. Наконец Грехов тихо сказал:

– Начнем, пожалуй.

Диего приподнял бровь:

– Как?

– Михаил уже предложил: думать о том, чего ты хочешь.

– А если наши желания не совпадут, тогда что?

– А ничего, останемся у разбитого корыта.

– Только желание должно быть очень сильным, – заторопился Мишин, хотел что-то добавить, но посмотрел на Диего Вирта и осекся.

– Давайте тогда уж сядем, – предложил Диего, пряча скептическую усмешку. – В ногах правды нет. Кто знает, сколько ждать придется... исполнения желаний.

Трое сели на небольшой бугор и обратили лица к дереву. Сидели так минуту, две, пять...

В Грехове боролись неверие в чудо и ожидание чуда. Он знал, что чудес не бывает, да и ситуация была далека от сказочной, но сдаваться не хотел. «Ну а если это все же пресловутое Дерево желаний? Способное сделать то, что мы считаем чудом? Полет человека без видимых приспособлений тоже когда-то казался чудом... разве все законы природы нами познаны? Может быть, спасение разумных существ – тоже закон, хотя он и требует чистоты помыслов. А раз так, главное теперь – не ошибиться!»

«Все же это дьявольски трудно – верить в исполнение желаний! – думал Диего Вирт, стараясь не шевелиться. – Вот когда необходима дисциплина мысли! Справимся ли мы? Вернее, справлюсь ли я?! Вдруг думаю не о том? Простит ли командир? Вернее, прощу ли я себе сам?! Господи, не дай ошибиться!..»

«Напрасно я втянул их в эту авантюру! – У Мишина так сильно затряслись губы, что он вынужден был закусить их до боли. – Сколько можно ждать? Неужели это все – досужий вымысел, сказки для взрослых детей? Или наши желания не совпадают?!»

Последняя мысль была непереносимой.

Они сидели и ждали, изнемогая от борьбы с собой, от слабости и неистовой надежды. А когда даже Мишин готов был сдаться, Грехов решил отступить, а Диего Вирт – вскочить на

ноги и послать этот неведомо кем спровоцированный спектакль ко всем чертям, они услышали сзади шорох быстрых шагов. Хорошо знакомых, словно крадущихся шагов.

Грехов рывком обернулся.

На голой вершине холма, в двух десятках метров, стоял живой и невредимый Саша Лех – в скафандре, с пилотской блямбой на груди – и разглядывал их с недоверием и тревожным изумлением.

– Черт вас возьми! Что это вы здесь делаете? Что тут вообще дееется? Шлюп урчит двигателями, киб орет о срочном вызове, а вы тут пикник устроили! Что случилось, командир? Где мы? Как сюда попали? Я что, уснул? Ничего не помню.

– Еще бы! – пробормотал Диего Вирт, на секунду теряя сознание.

– Ты задаешь слишком много вопросов, – ответил Грехов, тоже ощущая страшную слабость во всем теле. – Шлюп готов к старту?

– Естественно, ведь нас только что тестировали.

– Иди на место, мы сейчас придем.

– Ну и ну! – Саша еще несколько мгновений разглядывал коллег с теми же чувствами, затем послушно повернулся и скрылся из глаз.

– Я себя уже щипал... – прошептал Диего Вирт, кривя губы. – Но оказалось, что я не сплю. Хотя и не верю! Ничего этого на самом деле нет, я дома, на Земле, и снится мне сон, глупый, кстати, потому что в реальной ситуации мы бы поняли, что воскрешать надо было не Мальчика-с-Пальчика, надо было пожелать сразу оказаться на Земле. Ведь, несмотря на отремонтированный деревом модуль, мы все обречены, на своем слабеньком двигателе до Солнца нам не добраться. Я не прав?

Грехов покачал головой. Да, все они хотели, чтобы пилот остался жив. Конечно, они могли пожелать и другого, например, чтобы дерево дало им новый корабль, или передатчик, или то и другое сразу. Или действительно оказаться на Земле. Это были самые простые варианты спасения. Но это были варианты ИХ спасения! Себя спасти они могли, но Сашу не выручила бы никакая земная медицина, он был мертв много часов. Зато теперь их снова четверо, спасательный отряд в полном составе, дерево подарило им шлюп, и они готовы постоять за себя сами!

– Выход найдется, – сказал наконец Грехов. – Рад, что мы решили правильно. Был момент, когда я начал сомневаться...

– Во мне? – скривился Диего Вирт.

– В себе.

– А вы думаете, я не сомневался? – подал слабый голос Мишин. – Еще как сомневался! Но ребята... я за вас теперь... извините мою телячью нежность...

– Один за всех! – засмеялся Диего.

– Все за одного! – подхватил Грехов. – Кстати, как мы объясним ситуацию Саше?

– А никак. Станция на Земле бросила нас в тахис-туннель, а оказались мы уже здесь. И точка!

С вершины холма Грехов оглянулся... и ахнул! Дерево странно расплылось, затем засветилось нежным зеленым светом, вытянулось огненным языком, в котором замелькали вереницы фигур, конструкций, строений знакомой и незнакомой формы. Потом появились изображения людей, их четверка, и все растаяло. Пыльный смерч поднялся в небо, распался, и ветер развеял его по серым травяным равнинам.

– Мы забыли сказать ему спасибо, – пробормотал Мишин.

«Кто ты? – подумал Грехов, разглядывая пустое небо. – Существо или автоматическое устройство? Или корабль аварийно-спасательной службы иного разума? Только службы этической, начинающей операцию спасения с проверки моральных качеств спасаемых. Кто вы, при-

нявшие ответственность за всю Галактику, отвечающие за ее духовный баланс? Дерево ведь видели в разных концах Млечного Пути... Может быть, и нам когда-нибудь придется перенять у вас эстафету?.. А пока – спасибо! И до встречи...»

– Миссия дерева закончена, – сказал он негромко. – Наше спасение теперь в наших собственных руках. И не только наше. Не кажется ли вам, спасатели, что нашей помощи ждут?..

Цунами (Катастрофа)

Космотрон. Восемь часов сорок минут среднесолнечного времени...

Катастрофа произошла внезапно: исчезло защитное поле одной из секций гигантского ускорителя. Сверхплотный поток антипротонов проломил ослабевшие стенки магнитных ловушек и, минуя мишень, ушел в пространство. Лавина яростной энергии, сравнимая разве что с солнечным протуберанцем, но невидимая, устремилась под углом к плоскости эклиптики в направлении марсианской жилой зоны. Пятисоткилометровое двойное кольцо космотрона распалось, как игрушечное изделие из набора «Конструктор», породив вспышку жемчужного света. До ближайшей космостанции свет этот шел ровно семь минут.

*Аварийно-спасательная служба, станция
приема аварийных сигналов (СПАС-7).*

Восемь часов пятьдесят минут...

Шелгунов подогнал кресло по фигуре, подмигнул Стахову и подтянул к себе микрофон.

– Дежурство принял старший смены Шелгунов.

– Добро, – отозвался динамик, и весь объем экрана заняло смуглое черноглазое лицо Грехова, руководителя оперативной группы патруля. – Рапорт принял. Спокойного дежурства, Саша.

– Спасибо, Габриэль, желаю и тебе того же.

Шелгунов проверил связь с отсеками станции, дежурные энергетики и бортинженеры бодро сообщили о готовности аппаратуры к работе. Александр окинул взглядом черные квадраты пеленгационных экранов, покрытые координатной сеткой, и надел наушники. В течение четырех часов дежурства им предстояло вслушиваться в «тишину» космоса: такова была специфика работы дежурных смен станций СПАС.

– Юра, будь добр, погаси свет, – попросил Шелгунов.

Стахов улыбнулся и выключил светопанели.

...Но в то время как дежурные других станций по всей Солнечной системе обменивались шутками, проверяя связь друг с другом, и вели переключку оперативные группы патрулей, страшная радиоактивная лавина уже вспарывала космос, с каждой секундой приближаясь к густо заселенной людьми области Солнечной системы...

Фобос, станция специальной ТФ-связи

В восемь часов пятьдесят три минуты среднесолнечного времени дежурный диспетчер станции получил странный сигнал из обсерватории «Полюс», располагавшейся в девяти астрономических единицах от Солнца, над полюсом эклиптики. Автоматы обсерватории зафиксировали в направлении гаммы Треугольника вспышку света с необычным спектром. Диспетчер сверил время: ТФ-связь доносит вести практически мгновенно, свет же вспышки должен был достичь орбиты Марса только через двадцать две минуты.

– «Полюс», повторите информацию и дайте точные координаты вспышки, – попросил диспетчер.

Диспетчер, опытный инженер, в прошлом работник Управления аварийно-спасательной службы (УАСС), хмыкнул, переглянулся с помощником и связался с отделом УАСС на Земле.

Земля, Сахалин. Ночь...

Диего Вирт посмотрел на окошко универсальных часов: было восемь часов пятьдесят восемь минут среднесолнечного времени.

«Странно, – подумал он, вставая с постели. – На тревогу непохоже... Что там могло произойти? Неужели без меня нельзя обойтись?»

В кабине связи он появился уже одетым.

– Слушаю.

Томившийся ожиданием молодой диспетчер отдела встрепенулся и быстро проговорил:

– Получено сообщение от специальной-три с Фобоса. Обсерватория «Полюс» зафиксировала яркую вспышку в квадрате И-227 и замолчала. На дальнейшие вызовы не отвечает.

– Сигнал SOS?

– Нет, СПАС молчат.

– Кто передал?

– Ну, кто? Диспетчер на Фобосе. – Дежурный замешкался. – Сейчас...

Через несколько секунд, покраснев под взглядом Вирта, он сообщил:

– Диспетчер – Михаил Мишин.

– Мишин? – Диего Вирт сжал руку в кулак и легонько стукнул по другой руке. – Любопытно... Свяжитесь со всеми СПАС этой зоны, я буду через пять минут.

СПАС-7. Девять часов две минуты...

В зале царил обычная дежурная тишина. Шелгунов вдруг открыл глаза и прислушался. В соседнем кресле Стахов доказывал кому-то преимущества земной школы хоккея над школой союза внутренних планет, это отвлекало.

– Тихо! – приказал Шелгунов.

Тотчас же слабо свистнул пеленгатор и затлели алым светом индикаторы приема. Из-под пульта прозвучал требовательный гудок, и голос автомата произнес:

– Сигнал SOS! Квадрат И-227, координаты...

Шелгунов вдавил педаль, и по отсекам пронесся звон тревоги, прервав отдых свободных от вахт операторов.

Динамики донесли людям быстрый скрип, будто ножом по стеклу. Стахов, спохватившись, подключил дешифратор, и все услышали:

– Говорит «Полюс», антипротонная атака... говорит «Полюс», антипротонная атака...

– Патруль, слышишь меня? – позвал Шелгунов. – Сигнал SOS, квадрат И-227, координаты... Обсерватория «Полюс», антипротонная атака. Люди, видимо, погибли, сигнал передает робот. Позаботьтесь о защите.

– Принял, стартую, – лаконично отозвался Грехов.

– Откуда там антипротоны? – пробормотал Стахов. – Запрошу-ка я службу Солнца...

– Правильно, – кивнул Шелгунов. – А заодно физические центры и обсерватории.

Перед пультом неожиданно раскрылся видеом связи с базой, из диспетчерской на них взглянул начальник отдела УАСС Диего Вирт.

– Что у тебя?

– SOS, антипротонное облучение обсерватории «Полюс». Необходим информационный поиск: что за излучение, откуда? Вспышка на Солнце? Так служба Солнца не передавала никаких предупреждений...

Диего покосился на диспетчеров базы.

– Ответ получишь минуты через три. Я пока соединюсь со СПАС зоны Юпитера, СПАС внутренних планет ничего не слышали.

Видеом угас.

– Что же это? – тихо спросил Стахов.

База УАСС. Девять часов семь минут...

Диего Вирт крупными шагами быстро вошел в командный зал базы и с размаху бросил свое сильное тело в пустующее центральное кресло.

Стены зала напоминали соты, в каждой ячейке светился видеом, и один из них показывал искристую бездну. Звезды зигзагами исчерчивали ее, и Диего представил, какие эволюции выполняет спасательный модуль, повинувшись пилоту.

– Подойти к обсерватории вплотную не могу, – прохрипел искаженный расстоянием и перегрузками голос. – Защита течет, радиация вне всяких норм!

– Что с обсерваторией? – спросил Диего, нагибаясь к пульту.

– Обсерватории как таковой не существует, вижу только часть отсека обеспечения и блок главной антенны, остальное радиоактивная пыль!

– Габриэль, возвращайся, – приказал Диего Вирт. – К вам сейчас подойдет «панцирник», это его работа. Возьми еще один модуль и прочеши трассу прошедшего антипротонного луча. Возможно, отыщешь пострадавших. Координаты запроси у СПАС-7.

Щелчок переключателя.

– Внимание! Патрулю УАСС зон Юпитера, пояса астероидов, Марса и свободного пространства подготовить средства к перехвату антипротонного луча в точке с координатами... Готовность к старту три минуты!

Еще щелчок.

Диего подождал и вызвал секториат УАСС.

Земля, секториат УАСС.

Девять часов двенадцать минут...

Руководитель УАСС Солнечной системы Джаваир заканчивал ужин, когда в комнате властно прогудел сигнал вызова и рабочий видеом отразил Вирта.

Джаваир отставил в сторону стакан с соком и, стоя, выслушал сообщение начальника отдела о случившемся.

– Космотрон? – переспросил он. Тень недоумения появилась и исчезла в его узких непроницаемо черных глазах. – Ведомство Эйлера... Какие хозяйства затронет антипротонный луч?

– Коридор входа трансгалактических разведчиков, – начал перечислять Диего. – СПАС-7, рабочая зона завода безгравитационного литья... Детский полигон... Что еще? Сектор пассажирских сообщений примарсианской области... Это, пожалуй, наиболее серьезное. Натворит он там бед... если не задержим.

– Какие меры приняты?

– Начат монтаж силового экрана на пути луча.

- Сколько на это потребуется времени?
- Энергетическая масса луча велика, экран нужен мощный...
- Сколько?
- Два часа... может быть, полтора.
- А когда луч подойдет к сооружениям завода?
- Минут через сорок пять.

Джаваир опрокинул стакан, озадаченно посмотрел на лужицу рубиново-красного сока на столе и спрятал руку за спину.

- Космотрон уцелел?
- Нет, вспышка света, и... все.
- А ученые доказывали, что космотрон безопасен, как стандартный вычислитель... Как же так получилось? Чего мы не учли?
- Не знаю. Космотрон работал почти год – и ничего. Может, стечение обстоятельств...
- М-да. – Джаваир задумался. – На СПАС, кажется, имеется собственный реактор?
- Имеется. Вы хотите?... – осторожно начал Диего Вирт.
- Взорвать станцию. Пожертвовав СПАС, мы если и не остановим, то хотя бы ослабим силу радиоактивной лавины. Сделайте необходимые расчеты.

Земля, секторият УАСС.

Девять часов восемнадцать минут...

Джаваир навис над пультом видеоселектора, пробежал глазами по экранам и негромко проговорил:

– Составьте объявление по всем ТФ-станциям: кораблям в зоне с координатами... покинуть зону с немедленным отлетом в порты назначения! Правительству и техническому совету Марса принять срочные меры по эвакуации заселенных зон в районах по вектору двести двадцать семь! К зонам приближается радиоактивное облако! Сектору УВСС марсианской зоны обеспечить безопасность транспортных линий при изменении графика сообщений.

Джаваир закончил диктовать и обернулся к собравшимся по тревоге начальникам отделов.

– Всех, кто не участвует в операции, прошу вернуться к исполнению непосредственных обязанностей. Вам, Эйлер, в течение двух суток выяснить причины катастрофы! Взрыв космотрона уже погубил двадцать шесть человек, и я не знаю, конец ли это. Найдите...

– Вас вызывают по коду Совета Мира, – обратился к руководителю УАСС диспетчер, очень смущенный тем, что пришлось его перебить.

Джаваир медленно повернулся...

Венера, орбитальная станция, зал Совета Мира. Двадцать две минуты десятого...

– Я уже в курсе, – сказал председатель Совета Мира Молчанов, пристально рассматривая Джаваира. – Вам потребуется какая-нибудь дополнительная помощь?

– Нет, – помедлив, ответил Джаваир. – Все, что надо, делается.

Молчанов сжал губы, и властное лицо его пошло морщинами.

– Причины катастрофы неизвестны?

Джаваир покосился на стоявшего рядом долговязого Эйлера.

- Пока нет. О результатах расследования я доложу на Совете через двое суток.
- Надеюсь, ты понимаешь, чем грозит вторжение луча в примарсианскую зону? Луч надо остановить во что бы то ни стало!
- Джаваир не пошевелился.
- И вот еще что, – продолжал Молчанов. – Не допустите паники. Это будет пострашней самого взрыва.

СПАС-7. Двадцать пять минут десятого...

- Антенны поймали еще один сигнал SOS, и Шелгунов накричал на Стахова, перепутавшего в волнении каналы приема.
- В который раз перед ними в темноте видеомы возник Диэго Вирт.
- Вот что, Александр, луч выходит прямо вам в лоб.
 - Знаю, чепуха! – отмахнулся Шелгунов. – Станция может уйти из-под удара в любой момент. Каков диаметр луча?
 - Около сорока тысяч километров, радиант расхождения две секунды.
 - Уйдем, не беспокойся, сейчас дам команду.
 - Уйти-то вы уйдете... – Диэго покусал губу... – Конечно, уйдете. Но за вами завод БГЛ, детские площадки...
 - Знаю. Что же ты предлагаешь? Говори прямо.
 - Надо в нужный момент взорвать реактор СПАС. Взрыв создаст контрволну энергии, которая, по подсчетам, должна ослабить плотность антипротонного пучка в десять-двенадцать раз.
- Шелгунов оцупал каменное лицо Вирта серыми запавшими глазами.
- Так. И сколько времени в нашем распоряжении?
 - Около восемнадцати минут. За это время надо составить точную программу автоматам и эвакуировать персонал станции... Поспешите с эвакуацией, модуль за вами уже вышел.
 - У нас же есть свой.
 - Это для того, кто останется последним.
 - Тогда для меня.
 - Значит, для тебя.

БАЗА УАСС. Половина десятого...

- Диэго Вирт попросил помощника принести скафандр и, не отвечая на его изумленный взгляд, остался стоять посреди зала.
- Шелгунов, видимый в одном из видеомы, что-то высчитывал на станционном компьютере, приглаживая время от времени свои волнистые волосы. Потом принялся разбирать пульт управления.
- Акутагава! – позвал Диэго Вирт, поворачиваясь к боковому видеому. – Что вы там копаетесь? Скоро сделаете?
 - Половину закончили, – отозвался голос руководителя монтажа поглощающего экрана.
 - Не торопите его, Диэго, – сказал присутствующий в зале Джаваир. – Он и так делает все возможное.
- Шелгунов оторвался от работы и обратился к Вирту:
- Я уже вижу луч: хвостатая звезда по оси локатора. Пожалуй, пора уходить, автоматы теперь сделают все сами.
- Диэго открыл рот, собираясь ответить, и в это время короткий грохот донесся из динамик, мелькнуло удивленное лицо Шелгунова, и связь со СПАС-7 прервалась.

СПАС-7. Девять часов тридцать три минуты...

Шелгунов закончил вычисления, вспорол по диагонали панель управления и, достав ультразвуковую насадку, начал перепаивать схему командных цепей. Боковым зрением он видел в объеме экрана зал базы и нетерпеливого Вирта, но он и сам знал, что время не ждет, и работал быстро, как только умел.

Через две минуты закончил пайку, отбросил насадку и собрал блоки пульта. Осталось лишь скорректировать положение станции по последним данным патрульных кораблей и дать команду исполнительным автоматам на подрыв реактора. После этого ему следовало покинуть СПАС.

И в этот момент пол командного пульта станции вздыбился, накренился, звенящий гул прилетел из недр причального отсека. Шелгунов выпал из кресла, но успел схватиться за стойку пульта и удержался. Пол выровнялся, гул стих, и в наступившей тишине координатор станции сообщил:

– Разрушены второй и третий причальные отсеки, оторван переходный биммер. Причина – автоматический старт спасательного модуля.

– В нем же никого нет! – удивился Шелгунов, еще не осознавая последствий происшествия.

– На модуле не были выключены системы безопасности, сторожевой робот отметил приближение опасности, и модуль стартовал...

БАЗА УАСС. Тридцать пять минут десятого...

– Ну что там? – Диего Вирт бросил взгляд на часы и почти подбежал к цепочке видеомов селектора.

– У нас все в порядке, – сухо ответил старший диспетчер. – Очевидно, что-то случилось на самой СПАС.

В зал, широко шагая, вошел напарник Шелгунова по смене Стахов, за ним весь обслуживающий СПАС-7 персонал.

– Есть связь! – радостно воскликнул помощник Диего. Видеом оперативной связи раскрылся и показал помещение командного пункта станции. Шелгунов сидел в кресле со свежей царапиной на щеке, но казался невозмутимым.

– Извини, Диего, – сказал он. – Как говорится, пришла беда – отворяй ворота. Мне не на чем уйти со станции. Модуль... э-э... модуль поврежден. А в скафандре я все равно не успею выбраться с оси луча.

Даже в этот жестокий миг Шелгунов не мог заставить себя взвалить бремя вины на совершенную кем-то другим ошибку – включенные на модуле системы безопасности, – на этого неизвестного ему человека.

– Саша! – ахнул Стахов, бледнея.

– Корабль патруля мне, – бросил Диего через плечо, направляясь к двери. – Без экипажа.

– Не успеешь, – пробормотал помощник, но Диего уже не было в зале. Прошуршали по коридору шаги, вздохнул шлюз. Потом колебание прошло по цилиндрическому телу базы. Диего Вирт стартовал.

СПАС-7. Девять часов сорок минут...

Шелгунов пристально смотрел на экран локатора, испускавший белое призрачное сияние.

– Осталось восемь минут, – сказал появившийся в видеоме Джаваир. Шелгунов оторвался от созерцания бездны, криво усмехнулся и принялся за проверку правильности подключения систем.

Джаваир пожевал губами, радуясь самообладанию Шелгунова и одновременно чувствуя горечь от сознания собственного бессилия. К СПАС-7 стартовал еще один патрульный модуль – Грехова, но он уже явно не успевал. Оставалось уповать на оперативность и реакцию Диего, в данной ситуации не помог бы даже господь бог, если бы он существовал. «Если все сойдет благополучно, – подумал руководитель УАСС, – сниму с должности! Начальник отдела, а рискует как неопытный стажер!.. Впрочем, на его месте я поступил бы точно так же...»

Джаваир старался не думать, что произойдет, если Диего Вирт не успеет прийти на помощь, поэтому он принялся убеждать Шелгунова отвернуть станцию с пути луча.

Шелгунов покачал головой, поколебался, потом выключил связь, зарастил скафандр и стал ждать, когда откроется аварийный люк и в зал ввалится Диего Вирт, свирепый, как джинн, вырвавшийся из бутылки.

Фуор

На высоте сорока двух километров десантный шлюп воткнулся в мощное струйное течение, охватывающее кольцом всю планету по экватору. Удар горизонтального воздушного потока кинул его в крутое пикирование, и, хотя экипаж не пострадал, все же прошло какое-то время, прежде чем шкипер выровнял шлюп. Произошло это на высоте трех километров. Остановив кораблик в воздухе, шкипер Диего Вирт включил системы обзора.

Под ними простиралась черная равнина с разбросанными кое-где по ней глыбами льда! А может быть, стекла – с высоты не очень-то разберешься в материале необычных образований. Каждая глыба занимала площадь от одного до четырех десятков квадратных километров и соединялась с соседними странного вида отростками, напоминающими известняковые натёки или трубы. Равнина уходила за горизонт, мрачная, выжженная, усыпанная пеплом и сажей, и лишь полупрозрачные молочно-голубые айсберги, игравшие в гранях холодным огнем, да веселое белое око светила вносили некоторое разнообразие в этот угрюмый пейзаж.

– Везде одна и та же картина, – сказал невозмутимый, собранный Денисов. – Все черное и фиолетовое и кое-где белое с голубым – потухший ад!

– Не знаю, потухший ли, – с сомнением покачал головой Эллини. – Температура поверхности плато под нами плюс сто сорок по Цельсию. И ледяные поля?

– Не знаю, ледяные ли, – в тон ему отозвался Диего Вирт. – Насколько мне известно, самый тугоплавкий из льдов, тритиевый, плавится при температуре плюс четыре градуса, а тут сто сорок!

– Значит, это не лед. Может быть, в самом деле стекло? Нужен анализ. Смотрите, отростки тянутся от одного ледяного массива к другому, как паутинные нити. Что это может означать?

– Филипп, сообщи главному, – сказал шкипер диспетчеру связи на корабле-матке, – идем на посадку. Никаких признаков «Ра» в этом районе пока не видно. До захода светила около трех часов, так что успеем сделать общегеологическую характеристику, радиолокационный зондаж материка и убраться отсюда до вечернего урагана. Зонды на поиски «Ра» высылай по пеленгу немедленно.

Крейсер управления аварийно-спасательной службы «Слава» продолжал накручивать на планету очередной виток, изредка выстреливая в черноту космоса автоматические зонды и десантные шлюпы, принимая вернувшиеся из очередной экспедиции.

Пошла вторая неделя поисков пропавшего в этом районе трансгалактического разведчика «Ра» со ста двадцатью шестью членами экипажа, вторая неделя разведки вблизи огромной желтой звезды, известной на Земле как фуор ипсилон Кормы Корабля.

– Данные земной астрономической службы подтверждаются, – проговорил начальник экспертной группы Сажин. – В атмосфере звезды аномально высокое содержание лития. Звезда молода, и совершенно непонятно, каким образом она приобрела эту единственную планету.

– Да еще почти на круговой орбите, – добавил командир «Славы» Чащин. – Будь у нее эллиптическая орбита с большим эксцентриситетом, можно было бы предположить, что планета захвачена звездой при прохождении возле старой системы, но круговая орбита...

– Уточнили, когда произошла вспышка? – спросил Джаваир, думая о чем-то своем и разглядывая покрасневший в объеме экрана шар звезды, окутанный колоссальными космами протуберанцев. Ответ он знал заранее, просто хотел услышать это из уст ученого.

– Почти два года назад, – сказал Сажин. – Точнее – двадцать два месяца шестнадцать дней.

– То есть практически в то же время, когда замолчал и «Ра». – Чашин встретил взгляд Джаваира и понял его мысль. – А периода вспышек? – спросил он.

– Периода как такового нет, – с досадой произнес Сажин. – Процессы в атмосферах фуоров еще полностью не изучены, фуоры вспыхивают неожиданно, могут раз в год, могут раз в десять лет. По последним данным, до очередной вспышки нашего фуора осталось около двух недель.

– Понятно, – буркнул Джаваир. – Продолжаем работу по плану, информации недостаточно для определенных выводов. «Ра» не мог быть уничтожен вспышкой звезды, аппаратуру он имел не хуже нашей, и команда заранее узнала бы о вспышке, как и мы с вами. Хотя, конечно, не исключено, что я ошибаюсь. И все же, кроме пылевых облаков в радиусе трехсот астрономических единиц от звезды, мы имеем еще и загадочную планету, которая здесь не должна была находиться и в силу этого обстоятельства наверняка заинтересовала экипаж «Ра».

– Вполне вероятно, что загадки планеты связаны с тайной исчезновения разведчиков, – пробормотал Сажин. – Так?

– Именно так. В связи с чем исследования планеты придется вести ускоренными темпами, необходимо бросить на нее всю автоматику. За две недели до очередной вспышки мы должны, соблюдая максимальную осторожность, определить истину и найти пропавших без вести. Или... установить причины их гибели.

– Диэго на приеме, – доложил диспетчер связи крейсера. – Они там открыли странный лед...

– Так что же это за вещество? – медленно проговорил Диэго Вирт, приблизив к поверхности одного из стеклянно-ледяных «айсбергов» пластину шлема.

В полупрозрачной глубине он увидел какие-то голубоватые смутные тени, серебристые жилы, пятна, мерцающие искры, узоры неведомых цветов. Глядя на них, Диэго не мог отделаться от ощущения, что внутри «льда» течет своя, таинственная, неправдоподобная, сказочная жизнь.

– Лазер его не режет, плазма не берет, аннигилятору оно не поддается, – начал перечислять Эллини. – Анализу оно тоже не поддается... Нет, это не вещество, скорее какое-то неизвестное силовое поле.

– Но ведь приборы не отмечают никаких электромагнитных и гравитационных аномалий.

– Ну и что же? Значит, это поле не порождает известных науке эффектов. Почему это тебя удивляет?

– Так и прикажешь докладывать на крейсер? Мол, неизвестное науке поле, ни одного параметра определить не удастся?

Эллини пожал плечами:

– Командир группы не я.

– Пора домой, – позвал товарищей Денисов, томившийся в шлюпе. – Зонды зарегистрировали фронт сухой грозы, движется в нашем направлении.

Диэго оглянулся на ртутно блестящую пирамиду шлюпа, махнул рукой:

– Еще пару минут, Слава. Пройдемся к перемычке, соединяющей эти горы, интересно взглянуть поближе.

Перемычка вблизи напоминала обросшую известняковыми наростами прозрачную трубу диаметром около четырех метров. Диэго прошелся вдоль нее, касаясь рукой в перчатке. Показалось ему, что внутри трубы движутся какие-то объемные фигуры, но так быстро, что глаза не успевают фиксировать их даже на мгновение... Он постоял немного, напрягая зрение, но понимание процессов, происходящих внутри трубы, ускользало от сознания, и в конце концов Диэго с сожалением вынужден был констатировать: для изучения «айсбергов» нужна специальная экспедиция с соответствующим оборудованием, а не поисковая группа. Он оглянулся на черные бугры и рытвины бесконечной равнины: все тот же потухший ад... потухший...

ад... Что-то было в этом словосочетании, отзвук какого-то былого воспоминания... Ах да, ну конечно, во время вспышки звезды тут, вероятно, ад настоящий!

– Пошли, – сказал наконец начальник группы, обернувшись к низкому светилу, над которым уже копилась грозная тьма черного урагана. – Продолжим съемку сверху.

Сажин ворвался в кабину Джаваира под утро, воплощая в себе чудом бежавшего из-под стражи пленника.

– Вот! – Он высыпал на стол пачку объемных фотоснимков. – Вчера Чащин с тоски предложил заложить все снимки в комп, чтобы тот нашел хоть какую-нибудь закономерность в расположении этих чертовых связанных друг с другом «айсбергов». Закономерности не нашлось, зато компьютер отобрал очень интересные кадры, полюбуйся... Извини, Доминик, разбудил?

Джаваир сел на магнитокойке, помял лицо ладонями, усмехнулся на последнюю реплику начальника экспертной группы и взял снимки. На первом из них располагалась глыба «льда», формой напоминавшая... пропавший космолет! На втором – тот же «айсберг» в другом ракурсе. Остальные голографии повторяли первые две.

– «Ра»! – пробормотал Джаваир, окончательно просыпаясь. – Ты думаешь...

– Похоже, – кивнул Сажин. – Глыба напоминает космолет до умопомрачения, по размерам же она в три с лишним раза больше.

– Та-ак. Неужели совпадение, каприз природы?

– Не знаю, не бывает таких совпадений, начисто опровергающих теорию вероятности.

– Не преувеличивай. И все же... Ладно, я сейчас оденусь и приду в рубку. Кто там внизу ближе всех к тому району?

– Группа Вирта.

– Свяжитесь с ним, пусть посмотрит.

В рубке Джаваир появился через четверть часа.

Объем экрана часто перекрывался полосами помех, внизу бесновался электрический ураган, поэтому казалось, что Диего Вирт смеется.

– Хорошо, – послышался сквозь водопад помех его слабый голос. – Проверим. Можно начинать прямо сейчас? Мы хотели возвращаться.

Джаваир заколебался: приходилось рисковать экипажем десантолета, но времени до очередной вспышки фуора оставалось совсем немного – меньше двух недель, к тому же ураганные ветры по всей планете не прекращались теперь и днем из-за усилившейся солнечной активности, поэтому риск в общем-то был оправдан.

– Начинайте, но из шлюпа не вылезать ни под каким предлогом! Используйте только дистанционную технику. Через пару часов пришлю смену. Все.

На малой скорости, покачиваясь под боковыми ударами ветра, шлюп обогнул километровую, льдисто мерцающую в полутьме гору, по очертаниям напоминавшую земной разведкрейсер, развернулся и пошел на посадку.

– Глазам не верится! – сказал в тишине кабины Эллина.

– «Если на клетке слона прочтешь надпись „Буйвол“, не верь глазам своим», – процитировал Козьму Пруткова образованный Денисов. – Кстати, что-то не вижу я перемычки, соединяющей эту гору с соседними «айсбергами».

– Мы только что прошли над ней, – буркнул Диего Вирт, сросшийся с пультом в одно целое. – Просто она почти совсем прозрачна. Вдобавок в этой черной круговерти немудрено потерять ориентацию.

Шлюп, содрогаясь, постоял в воздухе и спружинил на посадочную гармонику в полусотне метров от странной горы.

– Запускай зонд, – скомандовал Денисов Эллина. – Выходить будем, шкипер?

– Ты же слышал распоряжение начальства.

– Соблюдение СРАМ? СРАМ!²

– Отставить пререкания! Если под слоем этой полупрозрачной гадости, которую ничто не берет, покоится космолет... не вляпаться бы! Понятно?

– Так точно, енерал! – вытянулся Денисов, как мог, в кресле и скафандре. – Прикажете ползком? Осторожность в нашем деле еще никому не вредила, – добавил он фразу из лексикона начальника экспедиции.

– Словоблуд, – проворчал Диего.

– Рады стараться, вашбродь!

Полусфера зонда взмыла в небо по крутой параболе и пропала в черном смерче. На экране медленно проступила сияющая вершина горы.

– Ниже!

Зонд послушно пошел вниз.

– Еще ниже. Сканирование... Ничего не видите?

Часть поверхности горы под зондом вдруг потемнела, перестала светиться, впечатление было такое, будто из сияющих глубин «айсберга» всплывает какая-то спрутоподобная черная масса. Темнота в этом месте сгустилась до полного мрака, превратилась в дыру, и в тот же миг передача с зонда оборвалась.

– Дьявольщина! – выругался Денисов. – Что за фокусы? Шкип, я не виноват, честное слово, автомат вырубился сам.

– Выпускай второй, потом... – Диего не договорил.

– Смотрите! – крикнул обычно более сдержанный Эллина.

Прямо перед шлюпом в стене горы проявилось вдруг круглое темное окно, выросло до размеров десантного корабля, сгустило цвет. Пульт и экраны кабины странно исказились, потом вспучился пол, волна искривления обожала рубку. Мягкая и неодолимая сила стала плющить десантолет, складывать его вдвое, втрое...

«Старт!» – хотел скомандовать координатору шлюпа Диего, а потом ему показалось, что «ледяная» гора выстрелила по ним черным сгустком смолы...

– Со вторым и третьим шлюпами то же самое, – угрюмо доложил Чащин. – На связь не выходят. Зонд облетел ту странную гору сто раз – никаких следов пребывания шлюпов!

– Зато на самой горе появились новые ледяные натеки, – сказал Сажин. – Предвижу вопрос: да, возможно, это наши зонды и шлюпы, но, может быть, и нет. Времени на обдумывание ситуации у меня нет. У вас тоже.

Джаваир с минуту рассматривал изображение, переданное зондом: километровый голубовато-белый пик, похожий по форме на земной космолет, и прилепившиеся сбоку три пятидесятиметровые скалы.

– Как прикажете классифицировать случившееся? – Начальник экспедиции поднял худое, резкое, как нефритовая маска, лицо. – Как нападение? Нечто, чему мы даже не подобрали название, пожирает звездолет и десантные шлюпы и в память об этом вырачивает их скульптурные изображения? Так, что ли?

– Факт исчезновения шлюпов налицо, – сказал Чащин. – И, судя по всему, кроме как внутри «айсбергов», быть им негде. Вот только почему они там не видны? И как это проверить? Каким способом разбить эту «ледяную» корку?

² СРАМ – аббревиатура слов: сведение риска к абсолютному минимуму; особая программа для экипажей спасательных модулей.

– По-вашему, они замурованы? – иронически приподнял бровь Сажин. – Так сказать, заморожены в «айсберг»? Впрочем, извините мой скепсис, я тоже не вижу совершенно никакого выхода, кроме разрушения «ледяной» корки.

– Прошу внимания, – раздался в зале голос бортинженера крейсера. – Фуор увеличил выход жесткой компоненты в излучении. Вспышка по прогнозу через восемь-десять часов.

Джаваир не пошевелился, только закрыл глаза. Молчал Сажин, молчали шестнадцать человек экипажа спасательного корабля. Наконец начальник экспедиции очнулся от раздумья, заметил взгляды своих подчиненных и встал.

– Прошу подготовиться к посадке в район исчезновения шлюпов. Группе риска – готовность ноль. Иные мнения есть?

– Иных быть не должно, – с облегчением проворчал Чашин. – В случае чего стартуем в джамп-режиме прямо с поверхности, у меня опыт в этом деле немалый. Правда, надеюсь, до этого не дойдет.

Джаваир очень хорошо понял смысл его последней фразы: старт крейсера с поверхности планеты в джамп-режиме был бы равен природному катаклизму типа мощнейшего извержения вулкана Кракатау на Земле много лет назад.

Крейсер опускался, величественный и строгий, окутанный многоцветной радугой защитного поля. В десятке метров от черного обожженного холма он выбросил веер ослепительного бирюзового огня – холм расплылся алым озерцом и застыл. Ветер тут же бросил на гладкую поверхность вновь образованного зеркала посадочной площадки поток сажи. Крейсер фыркнул ледяным облаком жидкого азота, подождал минуту и беззвучно опустился в центр озерца.

– Давайте попробуем ударить по горе ходовым ФГ,³ – предложил Чашин, сбежавший перед посадкой из экспедиционного зала в ходовую рубку. – Пару выхлопов на минимуме тяги. Проверим на прочность. Аннигиляторы пасуют перед этим веществом. А лучше бы шваркнуть по горе из информационно-топологических преобразователей! Не впусую же мы их везли сюда.

– Какие мы грозные! – усмехнулся через силу Джаваир. – И откуда это в человеке? Бей-круши, ломать – не строить, пиф-паф, ой-ой-ой! Без анализа, без расчета последствий, без самого естественного в данной ситуации вопроса – зачем? Ползет из леса что-то непонятное – а давайте-ка ударим по нему из аннигилятора, чтобы надежно! Стена перед нами – трахнем по ней из носовой противометеоритки! Кричит кто-то страшным голосом в горах – шандарахнем по горам из гравипушки! На всякий случай, чтобы не кричало.

– Я этого не предлагал, – заявил озадаченный речью начальника экспедиции Чашин. – И никогда не был сторонником штурма и натиска, всем это известно. А если нет времени на размышления? Через несколько часов здесь будет Страшный Суд, найдем ли мы после этого своих ребят?

– И все же подождем, подождем. – Джаваир вздохнул. – Не обижайся, в данном случае не о тебе речь. Сначала пошлем поисковые группы, может быть, мы ошибаемся в оценках и шлюпы где-то рядом, провалились в ущелья или ямы. Поищем часа два обычными средствами. Потом пошлем группу риска, вооруженную... как на войну.

– Боюсь, обычными средствами все-таки не обойтись, – сказал задумчиво-мрачный Сажин. – Придется использовать более мощные инструменты. В том числе и наши излучатели.

Но люди не успели выслать десантолеты и выйти из крейсера. От исполинской сверкающей горы потянулся вдруг к кораблю радужный рукав, превращаясь в глотку колоссального удава. Пилот успел накрыть крейсер коконом аварийной защиты, а в следующий миг корабль оказался внутри ярко освещенного голубого пузыря.

³ ФГ – генератор фазового прокола пространства.

Спустя несколько минут, в течение которых члены экспедиции приходили в себя, в одном месте пузыря открылось темное отверстие, и на оплавленную скалу ступил в скафандре Диего Вирт. За ним Денисов, мужчина в скафандре Даль-разведки и... нет, не человек, не землянин: иные пропорции тела, поза, одежда – гуманоид – да, но не человек.

– Бог ты мой! – прошептал Сажин. – Кто это с ними? Что происходит?

Никто ему не ответил.

Первым в экспедиционный зал вошел рослый рыжеватый молодой человек в командирском комбинезоне.

– Виктор Торанц, – представился он, пожимая руку Джаваиру. – Командир разведгала «Ра». А это Итин-Ис-Сорм. – Он повернулся к подошедшему следом существу. – Представитель цивилизации итинов, заведующий станциями внешней защиты.

Рука у итина оказалась вполне человеческой, пятипалой, жесткой и сильной. Он не казался смущенным или настороженным, наоборот, во взгляде его читалось понимание происходящего и едва заметное ироническое простодушие.

– Вы, очевидно, уже объяснились с нашими разведчиками, но мы в неведении, – сказал Джаваир. – Объясните все в двух словах. Почему вы не выходили на связь почти два года? Впрочем, расскажете потом, надо торопиться. Через пять часов фуор вспыхнет, и к этому времени мы должны быть за пределами системы.

– Торопиться не надо, – вмешался Диего Вирт, улыбаясь. – И не обязательно быть за пределами системы во время вспышки. Мы находимся под защитой векторно-временного континуума – так это переводится с языка итинов. Таинственные «ледяные» горы и поля на самом деле – временно-пространственные объемы, в которых время течет под углом к потолку времени в космосе. Универсальная защита от любых катаклизмов, в том числе и от вспышек сверхновых. Итины включают ее, как только прогнозы предсказывают год беспокойного Солнца. Командир, рассказывай дальше сам.

Торанц кивнул.

– Мы виноваты лишь в том, что не сразу уяснили разницу во времени: для нас внутри мира итинов прошло всего два месяца. Да и никого это не интересовало, мы были заняты контактом. Итины вышли на нас сами, когда мы произвели посадку на планете «айсбергов».

– Значит, каждый «айсберг» – область с иным ходом времени? – спросил заинтригованный Сажин, будучи скептиком по должности и ученым до мозга костей. – А перемычки?

– Туннели между закапсулированными районами. Сами понимаете, чтобы охватить временным полем всю планету, нужна колоссальная энергия, а ее у итинов не так уж и много, вот и приходится экономить, векторизовать лишь города и производственные центры. Советую дать сообщение на Землю, пока есть время до вспышки, пусть высылают экспедицию Комиссии по контактам, иначе управление снова пошлет сюда спасательную экспедицию. Дело серьезное, хотя и мы кое-что успели сделать.

Стоящий все это время совершенно неподвижно представитель цивилизации итинов вдруг пошевелился, по-птичьи быстро повернул голову к Чащину и спросил на чистом русском языке, почти без акцента:

– Что это вы заскучали, коллега Чащин?

Все остолбенели. Диего Вирт, успевший оценить умственные способности итинов, тихонько засмеялся. Лишь Джаваир, переживший беспощадные минуты взвешивания решения, но умевший держать себя в руках, остался бесстрастным. Он поглядывал на хмуρο удивленного Чащина, хмыкнул и сказал серьезно:

– Командир Чащин обижен тем, что ему не дали продемонстрировать всю мощь крейсера для пробивания дырки в вашей защите. Но он отходчив. А мы все искренне рады познакомиться с вами!

Итин-Ис-Сорм улыбнулся: он умел ценить юмор.

Покупка

Совсем ненаучная фантастика

Константин шел по рынку и ради смеха приценивался ко всему, что видел глаз. Удачно доведенная до логического конца операция с соседскими цветами позволяла ему чувствовать себя хозяином положения до двух часов дня включительно и сулила не только пиво, на что он рассчитывал вначале, но и заграничную жидкость под названием «Гавана-клуб», что в переводе означало примерно то же, что и самогон.

Подойдя к краю шеренги «кустарей», изготавливавших вручную всякую всячину от сапожных гвоздей до средства от насморка, он заметил странную личность в непонятном одеянии, державшую в руках блестящую штуковину с рычагом. «Личность» была на вид худа и невзрачна, многодневная, но редкая щетина не могла скрыть под собой горную складчатость лица, громадные черные брови прятали в пропастях глазниц темные омуты глаз. «Леший! – решил про себя Константин. – И не боится при народе!..»

– Привет, – сказал Константин «лешему», удовольствовавшись осмотром, и потрогал рычаг штуковины. – И как же эта твоя хреновина работает?

– Отвали, – прогундосил «леший», презрительно окидывая Константина взглядом. – Твоих средств не хватит, брандахлыст.

Константин от такого обращения оторопел, но так как он не знал значения слова «брандахлыст», то ограничился только коротким:

– Сам дурак! У меня, может, целый капитал – одиннадцать рублей под кепкой! А ты – средств не хватит!

– Инда другое дело, – изменился в тоне «леший». – А работает она проще пареной репы: нажал тут, и весь сказ. Бери, за рупь отдам.

– Тю! – обалдел Константин. – Ты же брехал – «средств не хватит»! Рекфеллюр косо-глазый!

– А че с хорошего-то человека денгу драть, – совсем ласково прошлепал губами «леший». – Бери, дешевле грибов.

Константин хмыкнул, сдвинул кепку на затылок и с некоторым трудом подсчитал в уме предлагаемый убыток. Без рубля закусь выходила не ахти какая: если брать заморский «Клуб», то на кильку хватало. «А, сатана его задери! – уговорил он себя. – Возьму! Женку удивлю и соседу пузатому покажу – знай наших!»

– На, хрен старый, – достал он железный рубль и протянул продавцу. – На зуб спробуй, может, фальшивый.

«Леший» рубль на зуб пробовать не стал и тут же сгинул, будто его и не было.

– Во дает! – крикнул Константин, шибко почесал темя и с трудом выпрямился, держа на весу тяжелую штуковину с рычагом. – Мать честная, да в ей же пуда четыре! А на вид не больше трех!

Кое-как дотащив покупку до скверика, Константин опустил ее на скамейку и вытер лицо кепкой.

– Ух и зараза! Бросить, что ли? На кой ляд она мне?! Купил, называется!..

Он со злости хрюкнул штуковину кулаком и минут десять сидел рядом, отдыхал, курил и ругал себя самыми последними словами, которые почему-то всегда приходят на язык первыми. С одной стороны, железяка ему была абсолютно не нужна, и тащить ее в деревню, трястись в автобусе, а потом еще и пешком пилить три версты было глупо, тем более что ничего путящего

из нее сделать было нельзя, кроме разве что подставки под самогонный аппарат. С другой стороны, Константину до слез и спазм в животе было жаль потраченного рубля.

«Эх, мать честная! – горько думал он, вспоминая странного продавца. – Уговорил, леший его задери! Что ж это я у него купил? Даже не спросил, зачем тут палка пристроена... И старик чудной попался, за रुपь отдал... я бы ни в жисть не отдал!»

Константин с досады треснул шутовину ногой и вдруг заметил на ее боку какую-то надпись. Нагнувшись, разобрал:

«МАДЭ ИН ПРИШЕЛЬЦЫ! МАШИНА ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ, ЗНАЧИТ, ЖЕЛАНИЙ!»

Охнув от неожиданности, Константин зажмурился, покрутил головой, снова посмотрел на покупку. Надпись не исчезла. Константин дважды прочитал ее, шевеля губами, потом попытался вспомнить, как в книгах описываются избавления от галлюцинаций и наваждений. Вспомнил. Надавил пальцем на глаз и чуть не заорал от боли. Подумал: «Во пишут, ядрена штукатурка! Ослепнуть можно!»

Он перевернул шутовину на другой бок и увидел еще одну табличку с такой же – по части грамоты – надписью:

«ЗАГАДСТВО ЖЕЛАНИЕ И ДВИНУТЬ РЫЧАГ ДО УПОР. ТУТ ЖЕ И ПОЛУЧАТЬ ЕСТЬ!»

– Так! – сказал Константин севшим голосом и по привычке добавил пару выражений на древнеславянском. – Точно – пришелец! Похож, как вылитый! У сына где-то и книжка валяется про таких индюков залетных... Желания, значить, выполняет...

Ему стало жарко, и он скинул рубаху, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих.

– Тогда мы ему загадаем! Такое загадаем – удивится!

Думал он, однако, долго, мучился. Перед мысленным взором появлялись то грузовая машина с прицепом, то четырехкомнатная квартира в городе с мусоросборником, то ящик «Столичной», то цветной телевизор за четвертак, то красавица соседка. Наконец он остановил свой выбор на соседке.

«А мужа – на Колыму!» – решил он и рванул рычаг.

* * *

Очнулся он почему-то на клумбе. Была ночь. Где-то выла собака, напоминая заезжего гастролера, знакомо пахло дымом, этилмеркаптаном, свиарником и цветами. Где-то на оклице выли дурными голосами «Веселые ребята». Рядом в круге фонарного света топтались чьи-то ноги. Как сквозь вату, доносился голос ненавистного соседа:

– Живой, Костик?

«Неужели уже с Колымы вернулся? – вяло подумал Константин. – Эх, надо было дальше отправить, на Луну или на Марс!»

Он с трудом встал, пощупал голову и обнаружил на затылке громадную пульсирующую шишку.

– Извини, Костик, – виновато сказал сосед, пряча за спину лом. – Думал, воры за цветами лезут, не разглядел в темноте...

– Это все «леший», – тупо проговорил Константин, потрогал шишку и пожалел, что не успел выпить пол-литра до того, как очнулся.

Хроники выхода

Часть I

И наступила темнота...

Предыстория проблемы

Земля, век XX

...

В результате появления космологической теории Большого Взрыва, постулирующей взрывообразный характер возникновения Вселенной, возникла интересная проблема, проблема скорее философского плана, чем физического: если можно считать доказанным, что квазары – осколки догорающей праматерии, разлетевшиеся после взрыва Вселенной на гигантские расстояния, то существует ли «заквазарное» пространство? Можно ли сказать, что квазары характеризуют собой пусть условные, но границы Вселенной?..

Проблема. Земля, век XXI

...Решение проблемы привело бы к радикальному изменению представлений об эволюции Вселенной. Появление астрономических инструментов на базе планетарных орбит Солнечной системы позволяет обнаруживать объекты на расстояниях вплоть до ста миллиардов световых лет, практически же объектов на таких расстояниях не наблюдается. Значит ли это, что на дальностях в двадцать миллиардов световых лет (здесь удалось зафиксировать самый удаленный наблюдаемый квазар – Неможетбыть-99) мы обзреваем «границы Вселенной»? К сожалению, аппаратов, способных проверить сущность сказанного экспериментально, земная техника пока не имеет...

Предпосылки решения. Земля, век XXII

...В результате разработки теории мгновенной передачи информации на основе торсионных полей и суперструнных технологий появилась принципиальная возможность создания аппаратов, способных достичь любых самых отдаленных точек космоса за ничтожно малые промежутки времени.

Перед стартом

В три часа ночи Капитан проснулся.

В комнате было тихо и темно, лишь слабо фосфоресцировал циферблат универсальных часов на потолке. На невидимом ложе соседней кровати спал Штурман, посапывая и сбросив с себя невесомое воздушное одеяло.

Капитан привстал, чувствуя, как прогибается под локтями силовое поле кровати, тронул товарища за руку.

– Цель экспедиции, быстро! – хрипло рявкнул он.

– «Достичь границ Вселенной и посмотреть...» – забормотал Штурман, не открывая глаз, потом проснулся, погрозил давящемуся смехом Капитану кулаком и повернулся на другой бок. Он был весьма уравновешенным человеком.

«Достичь границ Вселенной и посмотреть, что там, за ними, – повторил про себя Капитан. – То есть за пределами... А заодно исследовать топологическую структуру космоса, если говорить просто и не слишком научно. Интересно все же, что нас ждет там?..»

С этой мыслью он уснул.

Старт

В восемь часов по среднесолнечному времени с Луны стартовал в сторону северного галактического полюса первый трансметagalактический космолет «Пионер» с двумя членами экипажа на борту. Целью экспедиции была проверка гипотезы ученых-космологов о конечности Космоса, иными словами – разведка границ Вселенной.

Выслушав напутствия, Капитан произнес блестящую речь, состоящую из трех слов: «Спасибо! Мы оправдаем...» – и скрылся в космолете. Штурман, продемонстрировав мужественную улыбку камикадзе, молча последовал за ним.

В рубке он ответил на все вопросы диспетчера дальних космических экспедиций, вопросительно посмотрел на спутника. Капитан показал ему большой палец.

– Поехали, – согласился Штурман, давая команду компьютеру корабля на запуск двигателя.

Начало пути

Первый «суперструнный» прыжок космолет сделал за пределы Галактики, и разведчики долго любовались великолепной спиралью Млечного Пути, занимавшей весь объем главного экрана.

Второй прыжок вынес их за пределы местного скопления галактик, откуда родная звездная спираль выглядела уже слабеньким пятнышком света размером с человеческий зрачок.

– Не потеряться бы... – сказал молчавший со времени старта Штурман, продолжая заниматься анализом поступавших данных.

– А Балбес на что? – отвечивал Капитан, напоминая Штурману, что космолет ведет интеллект-компьютер по имени Балбес.

Однако Штурман почему-то пожал плечами, и на лицо его упала тень сомнения.

День второй

И третий, и пятый, и двадцать пятый прыжки в режиме «струнного кенгуру» ничего не меняли в окружающем их пространстве.

Все так же со всех сторон светили слабенькие светлячки далеких галактик и их скоплений, складываясь в ячеисто-волоконистую структуру на экранах, все так же горел впереди «путеводной звездой» квазар Неожетбыть-99, олицетворявший для науки Земли видимую в телескопы границу Вселенной.

После двадцать шестого прыжка квазар отвалил в сторону, и космолетчики принялись за исследования окружающего мира и проверку систем корабля.

Анализ параметров пути показал, что корабль преодолел около восемнадцати миллиардов световых лет и действительно прошел вблизи квазизвездного источника, известного под названием Неможесть-99 – догорающего со времени рождения Вселенной клочка праматерии. Только на момент прохождения выглядел он уже как обыкновенное скопление потухших и затухающих звезд.

Отпраздновав событие звоном бокалов с тонизирующим напитком, космолетчики направили бег корабля в густую тьму «завселенского» пространства. Позади скоплений галактик знакомый Космос. Впереди людей ждала «аморфная фигура Ее Величества Неизвестности»...

Куда дальше?

Очнувшись от суточного небытия, Капитан пощупал тяжелую после гипноса голову и встретил взгляд спутника, выражающий мрачный вопрос: куда теперь?

Выключив защиту, он дал команду Балбесу, и экраны прозрели.

– Гадство! – сказал Штурман.

– Ничего не понимаю, – почесал затылок Капитан. – А ты?

Их со всех сторон окружала полная тьма! Ни одного лучика света, ни одной самой крохотной звездочки! Ничего. Мрак!

– Тринадцатый день одно и то же... – пробормотал Капитан, по привычке включая бортовой исследовательский комплекс.

Но и с помощью приборов не удалось определить, где находится космолет. Здесь не существовало таких понятий, как «верх» и «низ», «вперед» и «назад», «далеко» и «близко».казалось, весь корабль плотно обернут в черную, непроницаемую для света материю. Балбес также не мог дать сколько-нибудь толковых рекомендаций, как выбираться из этого странного угольного мешка, в котором не существовало расстояний и линейных мер.

Не верилось даже, что за тонкими стенками космолета вакуум, но экспресс-анализ дал ответ: пространство существенно не изменилось, вокруг все тот же виртуальный континуум, заполненный реликтовым излучением. Правда, плотность энергетического потока со всех сторон стала ничтожно малой, сверхчувствительные датчики выбрасывали на табло почти одни нули.

Сутки исследователи ничего не предпринимали. Не разговаривали. Думали. Потом Капитан снова включил двигатели.

– Будем прыгать, пока куда-нибудь не припрыгаем или пока не кончится энергия. Иного пути нет.

Штурман был с ним полностью согласен, ведь ничего лучше он тоже предложить не мог.

Надежда

Совершив сто тридцать первый прыжок, отчаявшиеся космолетчики с угасающей надеждой обшаривали глазами черноту обзорных экранов. Вдруг Штурман отбросил свою обычную угрюмую флегматичность и проговорил:

– Ущипни меня, Саша, я сплю.

Капитан проследил за его взглядом и, так как не запрещал себе говорить вслух все, что думает, произнес более длинную тираду, смысл которой, однако же, сводился к словам: «... твою мать! Ура!»

Слева по носу космолета появилась маленькая искорка света. Она была почти не видна, находилась далеко за пределами человеческого зрения, лишь автоматы смогли разглядеть ее и отобразить на экране. Но если свет от этой звездочки все-таки дошел в эту область пространства, значит, впереди сияла жизнь? Звезды, галактики, туманности? Иная Вселенная?..

– Звезда! – пропел Капитан от избытка чувств. – Да здравствует жизнь! Да здравствуют герои вроде нас! За это непременно надо выпить!

Штурман в ответ достал бокалы.

День недоумения

После тринадцатого прыжка с момента обнаружения искры света Капитан остановил внепространственное движение космолета, с тревогой посмотрев на счетчик запасов энергии.

Звезда увеличилась, но уж очень странной была эта звезда. Спектр ее не укладывался в рамки ни одной из теорий звездного излучения.

Сначала Штурман мрачно пошутил, что они попали в антимир.

Потом Капитан, вдохновленный примером товарища, в шутку предложил, что это «белая дыра» – канал выхода в иную Вселенную через «горловину максимона» из той, откуда они вылетели.

Но никто из них не предполагал истинного положения вещей.

Змея, кусающая себя за хвост

Сделав еще один прыжок, они наконец увидели, что это такое.

Перед ними, ясно видимая в черноте космического (космического ли?!) пространства, висела исполинская, горящая ровным желто-оранжевым пламенем... свеча!

– Сто тысяч парсеков! – пробормотал Штурман, дикими глазами разглядывая визирные метки экрана и глотая валидол. – Капитан, погляди: длина пламени – сто тысяч парсеков! Представляешь?!

Капитан не представлял, он просто смотрел на экран, открыв рот.

Ствол свечи был витой, на нем застыли капли расплавленного стеарина, основание же свечи терялось во мраке. Она горела ровно, невозмутимо, почти бездымно, словно стояла на столе средневекового горожанина оставшейся далеко позади Земли, а не висела в космосе, превосходя размерами любую Галактику!

– Батюшки-светы! – пробормотал Капитан, озаренный догадкой. – Это куда же нас занесло? Уж не вывернуло ли обратно на Землю-матушку?! Из макромира в микромир?!

Развить мысль он не успел.

Откуда-то из мрака «засвечного» пространства придвинулись к свече исполинские человеческие губы, дунули на нее – и наступила полная темнота!..

Часть II

Новое реликтовое излучение

Вторая попытка

Возвращения «Пионера» с двумя членами экипажа на борту ждали три года, пытаюсь отыскать космолет всеми доступными землянам методами. Однако все попытки оказались напрасными. «Пионер» канул в Великую тьму «загалактического» пространства и не вернулся. Надежда на его возвращение сохранялась, но и ученые, и друзья космолетчиков, их родные и близкие понимали, что с каждым новым днем шансов остается все меньше. Космос во мно-

гом оставался загадочным и опасным даже для таких хорошо подготовленных и защищенных кораблей, как «Пионер».

И все же наука не остановилась на достигнутом, «сверхструнный» транспорт постепенно совершенствовался, аварийных ситуаций с выходами новых космолетов из «внепространства» внутри планет и звезд становилось все меньше, и наконец появился корабль, способный пересечь всю Вселенную за один прыжок. После чего правительство Земли решило повторить попытку вырваться «за пределы Космоса».

Монтаж второго трансметagalактического корабля «Преодолеватель» был закончен через три с половиной года после пропажи первого «запредельного» космолета. Накопление необходимых запасов энергии для мгновенного скачка сквозь пространство подошло к концу. В целях безопасности старт корабля с двумя членами экипажа – Капитаном-2 и Штурманом-2 был намечен из точки пространства, удаленной от Солнца и ближайших населенных звездных систем не менее чем на двадцать световых лет, в направлении на южный галактический полюс и состоялся без пышных церемоний и проводов. В памяти был еще свеж старт первого «абсолютника», за которым наблюдали миллиарды ликующих людей.

В рубке «Преодолевателя» тем не менее царило приподнятое настроение. Попрощавшись со всеми провожающими, космолетчики беседовали о перспективах «струнного» космоплавания и о цели полета.

– Кого же не интересует, что там, за границами Вселенной, – говорил Капитан-2, расхаживая по прозрачному полу рубки. – Какие формы бытия, с какими законами? Есть ли там такие же звезды и планеты, как у нас? С какими существами нам придется столкнуться? Или ты думаешь, что там, за границами, ничего нет?

– Если Вселенная замкнута сама на себя – по последним модным гипотезам, то нас просто вывернет в другую часть космоса, – отвечал Штурман-2. – А еще надо учесть, что мы увидим границы мира там, где они были двадцать миллиардов лет назад. Волнуешься? – внезапно спросил он, прерывая речь. В ослепительно белом защитном балахоне он напоминал сразу парус и облако.

– Волнуюсь, – вздохнул Капитан-2, затянутый в серое защитное облачение и похожий на скульптурное изображение добродушия, – но верю в успех. Пошли полюбуемся на корабль?

Они свободно пронзили стену рубки – через окно активного выхода – и зависли над стокилометровым телом корабля, глядя на гигантское жемчужное зарево Млечного Пути. Скафандры давно отошли в прошлое, личные энергококоны надежно защищали людей в вакууме.

– Пора, – произнес наконец Капитан-2. – Нам выпала нелегкая задача – повторить подвиг первых абсолютников.

– И к тому же вернуться, – добавил Штурман-2, сжал плечо друга и перенесся в рубку «Преодолевателя», где ждал их команд инк по имени Умапалата.

Старт. Ноль часов, ноль минут, ноль секунд

В Центре управления дальними космическими экспедициями, расположенном по традиции на Луне, был слышен голос инка:

– Всем аппаратам покинуть зону старта! Отсчет контроля – с момента выхода из зоны всех групп. Повторю: всем аппаратам...

Координатор экспедиции наблюдал за стартом корабля не из ЦУПа, а непосредственно с поверхности Луны: через цепь трансляторов изображение происходящего проектировалось в небе спутника Земли в объеме и цвете. Впечатление было такое, будто трансметagalактический корабль «Преодолеватель» завис над ними в томительном падении...

Во время контроля земной космолет представлял собой гигантский костер, разгул световых волн от фиолетового до вишневого цвета. Языки «пламени» бороздили черный бархат

пространства, изгибались, опадали и снова уносились прочь на многие тысячи километров. Потом разом свечение угасло, наступила полная темнота.

Координатор послал мысленный предупредительный сигнал, включая следящие комплексы Солнечной системы. В воздухе Луны, созданном еще сто лет назад, прозвучала длинная звенящая нота... словно осыпался иней напряжения с проводов тревожной тишины. И почти сразу вслед за звуком в небе распахнулся черный провал и поглотил земной корабль: ни вспышки, ни грохота. До дрожи реальная холодная пасть пространства... Прыжок «Преодолевателя» к границам Вселенной начался.

– Прощайте, ребята, – пробормотал Координатор. – Ни пуха вам, ни пера...

– Когда-то они вернуться? – прошептал за его спиной Помощник. – Когда мы наконец узнаем...

Договорить он не успел.

Финиш. Ноль часов, ноль минут, три секунды

Зуммер тревоги прозвучал неожиданно громко и заставил замереть толпы людей, наблюдавших за стартом «Преодолевателя» на пространствах Луны.

Координатор перенесся в ЦУП, выслушал сообщение, адресованное только ему как руководителю эксперимента, и оглядел обступивших его работников ЦУПа.

– Во всем контролируемом объеме Галактики, – сказал он почти беззвучно, – приборы отметили внезапное нарастание потока микроволнового излучения, по характеристикам близкого к реликтовому.

Повторив эти слова еще раз немного громче, он бросился бежать к выходу из зала ЦУПа, забыв, что может попасть в любую точку здания мгновенным волевым усилием.

В зале приборного контроля его ждали встревоженные, недоумевающие по поводу случившегося ученые.

– Зарегистрирован ливень неизвестных ранее элементарных частиц, – сообщил один из них. – Излучение изотропно, характеристики близки к параметрам реликтового...

– Я знаю, – перебил его Координатор, сжал лицо в ладонях.

Было страшно представить, что его тело уже пронизывает поток неизвестного излучения, неся гибель и разрушение клеткам мозга, всему организму. Однако он заставил себя собраться и собрать мечущиеся мысли воедино.

Что, собственно, случилось? Откуда появилось излучение? Неужели это связано со стартом «Преодолевателя»? Что же он обнаружил там, за границами Вселенной? Какие законы нарушил своим появлением? Какие устои мироздания?..

– Микросканирование! – внезапно проговорил Координатор. – Включите ультраскопы, посмотрим, что представляют собой носители излучения, что это за «элементарные» частицы.

Стена перед Координатором исчезла, открыв окно в лабораторию ЦУПа.

– Сейчас проведем сканирование, – отреагировал молодой начальник лаборатории, поворачивая голову к панели гравитонного микроскопа. Над панелью возник белесый шарик видеопередачи и развернулся в объемное изображение.

– Увеличение кратно миллиарду, – продолжал начальник лаборатории. – Любое излучение – это волна и одновременно поток частиц. Вот эти частицы...

Изображение приобрело глубину и четкость. И все увидели трансметagalактический корабль «Преодолеватель». Он ушел за пределы Вселенной и вернулся.

Мириады мириад «Преодолевателей» заполнили космос «новым реликтовым» излучением...

Мальчишка из 22-го

Пушку привезли под вечер, когда старшина Агабаб Джавахишвили забеспокоился и собрался послать Курченко к комбату справиться – оставаться ли им на высоте или возвращаться в расположение батареи.

Новенькое стомиллиметровое орудие с трудом уместилось в естественном каменном окопчике, и пришлось сдать его назад, за нагромождение известняковых глыб, испятнанных сухим мхом.

Черная от грязи и копоти «тридцатьчетверка», разворачиваясь, задела пушкой скалу, и пожилой, промасленный до костей танкист зло и неслышно заорал что-то в люк.

– Нервничает, – философски заметил Антон Осинин, передвинув автомат на грудь, чтобы удобнее было лежать. – А чего, спрашивается, нервничать? Пешком не топать, как нашему брату.

– Мели, Емеля... – Коренастый, заросший до бровей Сандро Куцов потянулся всем телом и встал. – Нашел кому завидовать. Ты везде себе укрытие найдешь, а он сидит как в консервной банке, и лупят по нему все кому не лень... Пошли поможем ему, разлегся тут.

Осинин лениво повернул голову и посмотрел на суетившийся у пушки расчет лейтенанта Белова. Самого лейтенанта еще не было, и командовал расчетом старшина Джавахишвили, которого никто никогда не называл по фамилии, даже комбат. Агабаб да Агабаб, в крайнем случае старшина Агабаб. А исполнилось старшине всего девятнадцать лет.

– Да-а-а, – пробормотал Осинин, – ежели такая дура по танку плюнет... Эй, дядя Сандро, а пулемет?

– Никуда не денется, не отставай.

До позднего вечера они устанавливали и маскировали пушку, выбирали позицию для пулеметчиков и рыли окопы. Лейтенант пришел, когда совсем стемнело. Был он не то чтобы юн, но достаточно молод, хотя до войны успел жениться и закончить институт, а за глаза его звали Профессором. Но то была не насмешка, а дань его знаниям, не раз приводившим в удивление бывалых солдат.

Он быстро оглядел усталых бойцов, освещенных пламенем костра, кивнул «вольно», похвалил за работу и отозвал в сторонку старшину.

Докладом Агабаба Белов остался доволен, насколько это было возможно в его положении. Пушку установили так, что вход и выход из ложины, похожей на ущелье, виден был как на ладони. Кроме того, слева и справа вставали крутобокие каменистые холмы, заросшие сосняком, а впереди склон был завален глыбами известняка. Танки подойти близко не смогут, а против пехоты у них имелись «станкач» и лучшие пулеметчики полка. Правда, смущало одно обстоятельство: вся батарея занимала позицию в пяти километрах отсюда, на берегу речки Ключевой, а они поставлены здесь были только на страх и риск комбата, узнавшего от разведчиков, что через расположение его батареи немцы наметили танковую атаку. Сведения эти впоследствии как будто не подтвердились, но комбат представил, что будет с батареей, если внезапно пойдут танки, и решил подготовить артзасадку в наиболее выгодном для атаки фашистов месте обороны. Белов знал об этом все, и тем не менее его не покидала тревога.

Агабаб понял его несколько прямолинейно. Сверкнув рысьим глазом, он стал перечислять достоинства позиции, нарочно усиливая свой природный грузинский акцент: он знал, что лейтенанту нравится его «русская» речь.

Издали они походили друг на друга, как братья: тонкие, гибкие, перетянутые в талии ремнями до скрипа, – но насколько Агабаб был смугл и черноволос, настолько лейтенант светился соломенно-белой головой, как одуванчик в поле.

– Ну вот что, – сказал он, прищурясь, внимательно выслушав доводы старшины. – Ты за упокой раньше времени не пой, не к тому я тебе все рассказал, понял?

– Так точно, – виновато ответил Агабаб, вытягиваясь. – Нервничаю я, а? Может, сделать ложную позицию, для самолетов?

– Вот и займись. – Белов присел на снарядный ящик и достал планшет.

Агабаб постоял немного рядом и отошел.

– Курченко, Помозков, Осинин, срубите сухую сосну, очистите от сучьев и сделайте ложную позицию на соседнем холме.

– Темно уже... – начал было Осинин, но осекся, встретив тяжелый взгляд Куцова.

– Сержант, как позиция? – спросил Белов, искоса поглядывая на него.

– Да так, ничего, – неопределенно ответил Куцов, докуривая папиросу.

Под утро почти не спавший Белов спустился к пулеметчикам и наметанным глазом окинул и умело вырытый окоп, и ход сообщения, оценил и правильность выбора сектора обстрела. Хозяйская обстоятельность сержанта, спавшего чутко, вполуха, была ему по душе.

Куцову недавно исполнилось пятьдесят. В полку его звали просто – дядя Сандро, молодые бойцы слушались беспрекословно. Славился он не только медвежьей силой, но и неожиданной для его громоздкого тела реакцией и ловкостью. Говорили, что в прошлом он не то знаменитый охотник, не то не менее знаменитый борец. Но главное, конечно, было не в этом: от него исходила та спокойная внутренняя сила и уверенность, которая подчиняет даже таких острых на язык и одновременно ленивых людей, как Антон Осинин.

– Не спишь, дядя Сандро? – тихо спросил Белов, закуривая, и, опустившись на корточки, протянул вторую папиросу Куцову.

Тот взял папиросу короткими толстыми пальцами, размял и высунул голову из окопа.

– Гудят, гады, на левом крыле гудят... А нас не скоро снимут отсюда, лейтенант? Похоже, отдыхать сюда прислали... неизвестно за какие заслуги.

Белов докурил папиросу и вдавил окурочок в землю.

– Боюсь, отдыхать не придется, старшина, – сказал он, выпрямился и вернулся к оружию.

– Слухай, дядя Сандро, – раздался из окопа голос проснувшегося Осинина. – На фига надо было такую здоровенную пушку в засаду ставить? У ней же скорострельность – что у меня чих. Два раза выстрелит – и кранты, засекут.

Куцов помолчал, глядя, как загораются легким золотом верхушки сосен на дальних холмах.

– Готовь гранаты, парень. Может быть, и нам придется поиграть с танками в кошки-мышки.

– А мы так не договаривались, – протянул обескураженно Осинин.

В пять утра расчет был готов к стрельбе.

Белов прищурился на Помозкова, который вдруг затрясся в нервном ознобе, подмигнул ему:

– Тебя можно использовать вместо вибратора в лабораторных опытах, Толя.

– Не дрейфь, Помозок. – Курченко шлепнул подносчика по спине широкой ладонью. – Открой-ка лучше ящик с бронебойными.

– Туман не помешает? – пробормотал Агабаб, протирая окуляры дальномера.

Белов хотел ответить, но не успел.

Совсем рядом вдруг прозвучал треск, словно рухнуло дерево. А потом из-за кустов к пушке вышел юноша, почти мальчик, в новенькой гимнастерке с погонями сержанта и в зала-таных на коленях галифе.

Оглянувшись, Осинин издал сиплый возглас и вскинул автомат. Куцов резко пригнул ствол вниз: человек без оружия.

Несколько мгновений солдаты и юный незнакомец стояли, взглядывая друг в друга. Потом лейтенант вышел из-за щита пушки и отрывисто спросил:

– Кто такой? Как сюда попал?

Лицо сержанта побледнело, странным прерывающимся голосом он медленно проговорил:

– Я отстал от своих... разрешите... остаться с вами?

– А где оружие? – все так же резко спросил Белов.

Незнакомец на секунду замешкался, стал вдруг краснеть.

– У меня нет... оружия.

– Как это нет?! Бросил?!

– У меня... не было. – Незнакомец опустил голову, у него горели уши.

– Во дает! – сказал Осинин и покосился на Куцова. – Говорит вроде по-русски, а акцент фрицевский. Может быть, это фашист переодетый? Разведчик? Ну-ка, руки вверх, Ганс, или как там тебя!

– Я не разведчик, – не оборачиваясь в его сторону, сказал странный сержант. – Меня зовут Дан.

Белов хмыкнул. Поведение юноши казалось лишенным элементарного правдоподобия. Кто он? Немецкий разведчик? Не похоже. Стал бы разведчик краснеть и молотить чепуху... Парнишка, случайно переодетый в форму сержанта? Убежал от мамы на войну? Тоже не очень похоже...

– Курченко, обыщи его, – велел Белов, наблюдая за действиями незнакомца. Тот вздернул голову, но обыскать дал себя безропотно.

Курченко покачал головой:

– Гол как сокол. В карманах ничего.

– Так, – усмехнулся лейтенант. – Приключений захотелось? Сколько тебе лет?

Дан смутился, снова краснея, мучительно, до слез.

– Восемнадцать...

– Что-то мало верится. Придется доставить тебя... – Белов не договорил.

– Танк! – крикнул Куцов из своего укрытия.

В дальнем конце ложины показалась тупорылая пятнистая машина и с ревом покатила вперед.

– Ложись! – рявкнул лейтенант. – Помозков, возьми его под свое командование, пусть подает снаряды. Бронебойным – заряжай!.. Да, как твоя фамилия, мальй? Уж больно знакомая физия у тебя...

– Белов моя фамилия, – отозвался новоявленный помощник, неумело отползая за ящики со снарядами.

– Не нравится мне все это... – пробормотал Куцов и положил на бруствер тяжелые руки.

– Мне тоже, – протянул Осинин, думая о своем. – Что, у него на морде написано, что он свой? Сомневаюсь я. А лейтенант ему сразу поверил, видал? Он, конечно, ученый и все такое прочее... а ну как ошибся? Возьмет этот приبلудный да подаст сигнал фрицам...

– Помолчи, – буркнул Куцов. – И без твоего нытья на душе муторно...

Первый «тигр» был разведкой. Он остановился, поворочал башней, выискивая цели на гребнях холмов, никого не обнаружил и тихонько пополз дальше, останавливаясь через каждые полсотни метров.

– Нервничают фрицы, – усмехнулся Белов, поглядывая на однофамильца и все больше убеждаясь, что не нюхал пороха этот парень. – Чуют свою смерть.

Старшина сделал глотательное движение и расстегнул ворот гимнастерки. Поймав взгляд лейтенанта, криво улыбнулся:

– Понимаешь, всегда перед боем горло пересыхает.

– Ты мне каждый раз говоришь об этом, – засмеялся Белов. – Ничего, сейчас твоей мандраж как рукой снимет. «Тигра» пока не трогай, пойдут колонной – ударим сначала по хвосту, а этот никуда не денется.

Агабаб кивнул и припал к окуляру.

«Тигр» разведки прошел в конец лощины, поворочал башней и остановился. До него было всего метров сто, и стоял он боком, так что у старшины даже руки похолодели от желания дернуть за спуск.

– Хорош зверинец! – прошептал Белов, считая начавшие выползать из-за холма танки. – Тут тебе и «тигры», и «пантеры», и «фердинанды»... Хорошую атаку наметили фашисты... Сначала замыкающего, Агабаб, потом эту сумасшедшую зверюгу впереди.

Старшина пошевелил лопатками и выстрелил.

Первым же выстрелом они с ходу проломили борт «пантере», замыкающей колонну. Следующими тремя подожгли злополучного «тигра» в авангарде и вторую самоходку. Остальные круто развернулись и стали расползаться по лощине, отплевываясь огнем и дымом.

– Беглым – огонь! – лейтенант махнул рукой и бросился к подноскику, который вдруг схватился за голову и упал. – Давай снаряд, пацан.

– Кажется, и наша очередь пришла, – спокойно заметил Сандро Куцов, глядя на замелькавшие на склоне соседнего холма зеленые мундиры.

Осколками близкого разрыва убило Курченко и ранило Агабаба. Белов, отброшенный взрывной волной на разбитые в щепу снарядные ящики, с трудом поднялся и поковылял к пушке.

– Снаряды! Огонь, старшина!

– Не могу, руку перебило! – простонал Агабаб. – Где же обещанная подмога, командир? Что они, не слышат?..

– Ползи к реке, доберись до комбата...

– А ты?

– Пока живы пулеметчики, жив и я. – лейтенант оглядел панораму боя, и яростно-ликующая усмешка искривила его измазанное землей, пороховой гарью и кровью лицо.

В лощине горело девять танков, но в дыму ползали еще столько же, и все стреляли сюда, и только удачно выбранная позиция не позволяла им расправиться с пушкой сразу.

– Уходи, старшина, а я еще задержусь. Забери с собой однофамильца. Эй, Дан Белов, за старшиной, живо!

– Не пойду! – прокричал испачканный чьей-то кровью и пятнами гари молодой сержант, добавил торопливо: – Пошли вместе, дед.

лейтенант не расслышал последней фразы, он почувствовал толчок в спину и снова упал. Показалось, что он плывет в невесомости. Боли не было, только спине стало горячо, словно заалела гимнастерка. Склонилось над ним лицо странного парнишки, кого-то смутно напомнимшего, но у Белова уже не осталось сил вспоминать кого.

– Ты еще... здесь? – прошептал он, пытаясь подняться. – Жив? Помоги встать... ноги не слушаются... но у нас еще есть снаряды... Где Агабаб?

– Убит.

– Пулеметчики?

– Убиты.

Сердце отозвалось болью. Дан усадил его, испачкав руки в крови. Мальчишка словно повзрослел за минуту, сказал строго и просто:

– Я пришел за тобой, дед. Я не однофамилец, я твой правнук. Нас ждут там, пошли.

– Бред! – Белов сильно закашлялся кровавой пеной. – Откуда же ты свалился... такой?

– Не бред, Александр Иванович. У меня слишком мало времени на объяснения. А чтобы ты поверил...

Дан распахнул гимнастерку, под ней оказался сверкающий живым ртутным огнем костюм, обтягивающий тело, тяжелый на вид ремень с выпуклой пряжкой, в центре которой горели цифры: 1943.

– Это аппаратура перемещения во времени, настроена на возвращение двоих.

Рядом ударила автоматная очередь, Дан заторопился:

– Мы обнаружили в архивах твои работы, дед, о квантах времени и принципе обмена причинности. Идеи эти верны, ты обогнал эпоху на два столетия, и ты очень нужен там, где я живу, в двадцать втором веке. Ты... ты гений, дед!

Белов не двигался целую минуту, полузакрыв глаза.

– А почему ты решил прийти именно сейчас? Зачем нужно так рисковать? Тебя же могут убить...

– Я просил, чтобы послали именно меня. «Завтра» для тебя... не будет. Прошу тебя, поторопись.

Белов снова задумался на бесконечно долгую минуту, пытаясь представить тот самый век, век грядущий, в котором живет его правнук; он поверил ему сразу.

Дан выглянул из-за пушки. Танки не стреляли, по склону холма двигалась редкая цепочка зеленых фигур. Пулемет Куцова молчал.

Потом Белов зашевелился и медленно, напрягаясь, встал. Дан подставил ему плечо, но лейтенант покачал головой.

– Возвращайся один, правнук. Человечество без меня как-нибудь обойдется – там, у вас, но не обойдется здесь. У долга нет альтернативы, как и у совести. Я не имею права... уходить. Ты поймешь меня потом... К тому же у нас еще есть снаряды. Пока я жив, они не пройдут! Прощай...

– Это твое окончательное решение? – высоким звенящим голосом спросил Дан.

Лейтенант не ответил, нагибаясь к прицелу и стараясь не упасть. Он держался только потому, что рядом был мальчишка из двадцать второго века, который был обязан уйти живым, потому что не должны гибнуть дети, тем более дети будущего, ради спасения одного человека, кем бы он ни был!

– Уходи же!

– Я остаюсь. – Голос Дана дрогнул. – У нас еще есть снаряды, дед.

Они успели выстрелить. И еще раз. И еще...

Двое в пустыне

Космической троллейбус задержался: впереди стояла желтая машина ремонтников, и двое угрюмых парней в спецовках не торопясь что-то подстукивали наверху в стыках проводов. Через минуту тронулись, а я вдруг перестал воспринимать действительность. Знакомое чувство повторения виденного охватило меня. Такое бывало и раньше: вдруг ни с того ни с сего начинает казаться, что тебе знакома та ситуация, которую ты только что пережил. Так и сейчас: все во мне напряглось, воспоминание рождается мучительно долго и безнадежно – такое уже было... такое или почти такое... но где и когда?

Едва осознавая себя, я сошел на следующей остановке, и тут это произошло...

Удар тишины! Встряска всего организма от чего-то непонятного, неподвижного и тем не менее яростно динамичного... Словно вихрь промчался надо мной и внутри меня, очистил от шелухи мыслей и чувств, и вот я уже стою онемевший, растерянный, в странном мире, где разлиты покой, тишина и неподвижность...

Нет-нет, я находился все там же: остановка «Проспект Героев», справа – стена десятиэтажного дома почти километровой длины, прозванного в быту «Китайской стеной», слева – высотный серый дом из сплошного унылого бетона, рядом почта, гастроном... Все то же и совсем не то! Ни людей, ни звуков их торопливой жизни! Застыли коробки троллейбусов и автобусов, пустые, как скорлупа съеденных орехов, совершенно обезлюдели тротуары, бульвары, подъезды, дороги. Ни одного пешехода, ни одной живой души! И над всем этим мертвым спокойствием разлит странный розовый небосвод, струящийся ровный, без теней, свет на опустевший жилой массив...

Первым инстинктивным движением моим был шаг назад, в салон троллейбуса, но скрип и шорох пустой, накренившейся под моей тяжестью машины не отрезвил меня, а, наоборот, заставил сделать еще несколько нелепых движений: я выпрыгнул обратно, зажмурил глаза, надавил до боли на глазные яблоки, открыл и увидел тот же знакомый и одновременно чужой до жути пейзаж и закричал:

– Лю-ю-ди-и!..

– ...Уди-уди-уди-ди-и... – ответило долгое эхо.

И снова молчание, ни стука, ни гула моторов, ни шелеста шагов...

Как всегда, я просыпаюсь уже после того, как полностью постигаю всю глубину своего одиночества. Оно бьет по нервам так сильно, что я просыпаюсь в страхе и долго не могу прийти в себя, смотрю на смутно белеющий во тьме потолок и успокаиваю сердце по методу раджа-йоги. Потом, качая головой, произношу мысленно сакраментальную фразу: «Приснится же чепуха, господи! О толкователи снов, где вы?»

Однако с некоторых пор я перестал быть уверенным в том, что это чепуха. Сон мой – с опустевшим городом – донимает меня уже вторую неделю аккуратно через день. И если первые мои реакции на сон были еще более или менее положительными: любопытство не позволяло заниматься глубоким самоанализом, то в конце второй недели я стал досматривать сон с ужасом, не делая попыток рассмотреть подробности, как раньше, не умея отстраняться от тоски, страха и жуткого ощущения ирреальности происходящего, засасывающего в бездну небытия. Ребята на работе, врачи-исследователи, как и я сам, посоветовали обратиться к психиатру, благо, что в институте их пруд пруди и все знакомы. И я согласился, хотя как врач-невропатолог всегда был высокого мнения о своей нервной системе – был уверен, что друзья не отправят меня на Игрень – известное в нашем городе место, где расположена психолечебница.

Я было совсем уже собрался на консультацию к психиатрам, их лаборатория находилась рядом, за стеной, как начальство в лице заведующего лабораторией нервных заболеваний Пан-

телеева послало меня в командировку, и я решил понаблюдать за собой в иной обстановке: кто знает, может быть, от перемены местожительства исчезнут и мои сны?

Командировки, честно говоря, я не люблю, и если и терплю их, так это лишь за новые, неизвестные мне ранее и потому полные таинственного смысла и романтики дороги – след юношеского увлечения романтической литературой и туризмом...

Ехать нужно было в Кмиенск, во Всесоюзную лабораторию иглоукалывания и электропунктуры, куда я ездил до этого случая всего два раза, причем оба раза на автобусах – восемь часов качки и тряски, чем не тренажер для космонавтов? На сей раз автобус отпадал: он отправлялся на следующий день в семь утра, а мне нужно было в тот же день в девять утра быть в лаборатории. Пришлось ехать по железной дороге, вечером, с пересадкой в Черницах, чему я даже обрадовался, забыв ироническое напутствие Пантелеева, который почему-то всегда разговаривал со мной, как со студентом, а не научным сотрудником с полугодовым стажем.

Как я оказался на вокзале – не помню, увлекся, наверное, самоанализом, помогающим иногда коротать время в общественном транспорте. В кассе мне еще раз объяснили, что ехать надо с пересадкой: до Черниц на электричке, а дальше на любом проходящем до Кмиенска. Меня это вполне устраивало, и я приготовился к трем удовольствиям, доступным каждому командированному: созерцанию пейзажей за окном вагона, чтению книг или журналов, до которых дома просто не доходят руки, и случайным встречам.

Что касается встреч, то тут судьба уготовила мне именно то, чего я тщетно ждал последние два года. При посадке в электричку на перроне мелькнуло удивительно знакомое красивое девичье лицо. Я стремительно кинулся назад из вагона, по инерции оценил достоинства фигуры удалявшейся девушки, и тут меня как громом поразило – это была Алена. Девушка, с которой нас когда-то связывало нечто большее, чем знакомство. Лишь внезапный, неизвестно чем вызванный отъезд ее из города помешал мне предложить ей руку и сердце, и с тех пор я ждал встречи, исчерпав все возможности отыскать ее за пределами города. В одно мгновение регулятор моей жизни крутнулся с ускорением, исчезли спокойствие и уверенность, философское отношение к жизни, порядок в душе и здравый смысл.

Я успел заметить, что Алена садится в ту же электричку, и поблагодарил судьбу, не ведая, что приготовил мне его величество случай в лице Пантелеева.

Я мчался по вагонам так, словно гнался за собственной тенью. А заметив Алену в предпоследнем вагоне, остановился наконец и перевел дыхание.

«Остынь, ненормальный! – сказал во мне скептик оптимисту. – Прошло два года, тебе и ей уже по двадцать шесть, и если ты за это время не сумел найти пару, то ей-то необязательно ждать так долго. Будь уверен, у нее уже двое детей и лысый муж!»

«Почему лысый? – возмутился оптимист. – При чем тут лысый муж? Подойди к ней, дурак, это же Алена!»

«Ну да, как же, подойди, – насмешливо проговорил скептик. – Подойди давай. И что ты ей скажешь? „Привет, Аленушка? Как живешь? Как дети? Здоров ли лысый муж, холера его задави?!“

Ну да, ты искал ее, искал год, два, а потом? Потом смирился, успокоился. А если она не приехала сама, не дала о себе знать, значит, незачем было приезжать и писать. Ты забыт, давно и прочно, и не стоит напоминать ей о собственном существовании, приятного тут мало. Сиди спокойно, парень, твой шанс упущен два года назад, не стоит ворошить прошлое, любить можно только в настоящем...»

И я, совсем тихий и трезвый, сел неслышно на последнее сиденье вагона, чтобы не терять из виду ее милое лицо с челкой, со слегка оттопыренной в раздумье нижней губой, и смотрел, смотрел, все больше приходя к мысли, что она совершенно не изменилась. Или это шутки

памяти? Но нет, она и раньше носила такую прическу... и не красила губы... Я успел отвернуться, когда она подняла голову.

Нет, я никогда не был робким, но в данный момент, несмотря на мучительное желание прижаться щекой к ее нежной, хранящей теплоту моих и, может быть, чужих поцелуев щеке, обнять ее, зарыться лицом в разлив каштановых волос, я лишь судорожно сжимал в окаменевших руках «дипломат», мял душу в болезненный ком и всем телом чувствовал ее недоступную близость, рожденную пропастью времени и неизвестности.

А потом она встала и вышла через вторую дверь. Ноги сами вынесли меня в проход, но в голове пискнула задавленная эмоциями здравая мысль: «А командировка?» – и я смирился.

Наверное, я представлял собой довольно жалкое зрелище, потому что вошедший в вагон пожилой дядя внезапно предложил мне закурить. Я посмотрел сквозь него, и он куда-то испарился вместе с сигаретами и брюшком. Двери электрички захлопнулись, и я понял, что упустил этот последний шанс обрести ту, первую и единственную, о которой не устают писать поэты, а двадцатилетние мужики вроде меня вспоминают не раз и не два, но лишь в тех случаях, когда потеря бьет по сердцу до боли, до крови, до короткой, но звериной тоски...

Не помню, как я снова очутился на сиденье в вагоне. Мыслей не было, в голове царил фон серой, щемящей грусти, который пронзали чьи-то выкрики: «Кретин! Растяпа! Шляпа!» – и кое-что похлеще. Лишь сосредоточившись, понял, что оптимист во мне вопит победившему скептику, и приказал им обоим прекратить. Справиться с собой в момент эмоционального кризиса невероятно трудно, это я знаю как профессионал, но и тут я оказался на высоте, подтвердив собственное мнение о своей нервной системе. Горько усмехнувшись, я подумал, что могло бы случиться, если бы она – нервная система – была у меня ни к черту? О своих снах я в этот момент забыл начисто.

За окном бежала зубчатая кромка леса, пылал ало-розовый, в полнеба, закат, а я смотрел на все это великолепие природы и видел только лицо Алены, милое, уходящее, уплывающее, тонущее в розовом сиянии...

Через час, когда я более или менее успокоился, оказалось, что в вагоне, кроме меня, никого нет. Все вышли, и никто больше почему-то не входил. Правда, я и до этого не помнил, были ли в нем пассажиры. Впрочем, были. Я пожал плечами, устраиваясь поудобнее у окна, потом смутная мысль заставила меня посмотреть на часы. Шел двенадцатый час ночи! По всем, даже самым пессимистическим подсчетам, Черницы я уже проехал! Но ведь... но Черницы – конечная?!

Я бросился к дверям.

Электричка продолжала свой стремительный бег сквозь ночь, словно во всем мире не существовало ничего, кроме звящего гула рельс и перестука вагонных колес! Во всем мире только электричка и я! И ничего больше! Странное совпадение двухнедельных снов и реальности... Впрочем, почему я так уверен в реальности происходящего? А если это просто новый сон?!

Я выбежал в соседний вагон – пусто! Следующий – пусто, и дальше – никого, пусто, никого! И тогда я прислонился к косяку двери и засмеялся. Но смеялся недолго: смысл происходящего наконец дошел до меня во всей своей трагической нелепости. Я опомнился, сердце сжала холодная лапа тревоги. Дошел до двери тамбура, выглянул в окно. Там уже не было той зыбкой черноты, которая радовала меня час назад. Вместо мрака какой-то розовый отсвет ложился на мелькающие по сторонам кусты, деревья, на распаханное поле, на изгибы реки. Там, куда безудержно мчалась пустая электричка, разгорался странный – в двенадцать ночи! – розовый день.

Через несколько минут стало совсем светло, небо приобрело чистый розовый цвет, ни одно облачко не портило его безукоризненной чаши. Электропоезд проехал лес, вырвался на край долины, и в долине я увидел город. Город как город – многоэтажные дома, улицы в пау-

тине проводов, скверы, заводские трубы, но я сразу понял – это город из моих прежних снов, пустой город! И ждет он меня. И снова, как в тех снах, предчувствие грядущего одиночества погнало меня по вагонам в поисках хотя бы одной живой души.

В кабине машинистов никого не оказалось, а добежать до хвоста поезда я не успел. Электричка замедлила бег, колеса дробно простучали по стрелкам, приблизился двухэтажный, отражающий всеми стеклами чистый пламень неба вокзал. Двери открылись с шипением, я сошел.

Как и ожидалось, вокзал не встретил меня обычным шумом людской толпы, свистом тепловозов и вздохами громкоговорителей. У меня было такое ощущение, будто я с разбегу треснулся лбом о стену и оглох. Эхо моих шагов было единственным шумом, нарушившим покой вокзала. Впрочем... я замер... я услышал шаги, торопливые шаги одинокого человека. Метнулся обратно на перрон и увидел ее, Алену. Удивленное, слегка растерянное лицо, в глазах недоумение.

– Виктор, ты?

– Нет, – сказал я хрипло, отыскав сердце где-то в желудке. – То есть я. Ну здравствуй, Алена.

Она еще не поняла, что мы одни на вокзале, одни в городе, а может быть, и на Земле. Это понял пока лишь я один. И еще я понял, что мои недавние странные сны были только подготовкой к реальному событию, и событие это наконец произошло. Она же была занята встречей, остальное для нее отодвинулось на второй план... так, во всяком случае, я расшифровал ее взгляд. Надолго ли? Но возликовать мне помешала тишина.

– Ты так неожиданно уехал...

– Я?!

Она усмехнулась:

– Не я же. А я ждала, что напишешь... долго...

Я вдруг засмеялся против воли и тут же умолк. Оказывается, вопреки действительности, уехала не она, уехал я! Шутка? Или все это звенья цепи, приведшей нас сюда, в пустой город? И называется все это – умопомешательство? Мое?!

– Алена, – сказал я проникновенно. – Я не мог прийти раньше (а что еще можно сказать в данной ситуации? Выяснить отношения – кто из нас уезжал на самом деле – глупо). Но, как видишь, я все же нашел тебя (и это неправда, но кому-то из нас надо же взять ее на себя). Пошли?

– Куда? – спросила она доверчиво – это одно из главных ее достоинств, – протягивая руку.

Действительно, куда, подумал я, но вслух сказал:

– В город из сказки. В город, где мы будем только вдвоем.

Я вывел ее на привокзальную площадь, заполненную тишиной, как талой водой. Я делал вид, что пустой город сказочно красив и таинственен, что все идет по плану (чьему только, хотел бы я знать?), что впереди нас ждет море счастья и жизнь, полная радостных событий, а в сердце заползал удав тревоги, все громче звучал в душе голос стихийного протеста против этого затеянного неизвестно кем и неизвестно для чего безжалостного эксперимента, которому я уже придумал название: «Двое в пустыне», ибо что такое город, как не технологическая пустыня? Кстати, худшая из пустынь. И разве одиночество не есть пытка, даже если ты вдвоем с любимым человеком, который к тому же еще не понял всей трагедии случившегося?

Я все говорил и говорил, захлебываясь красноречием, чтобы отвлечь ее от дум, от размышлений, уберечь от того страха, который охватил меня с утроенной по сравнению с «сонными» страхами силой. Там я был одинок сам, один на один с собой, здесь мы были одиноки оба, помимо нашей воли, помимо нашего желания, и я уже страдал ее будущим страданием, которое вскоре поглотит все – и первую заинтересованность положением, и необычность встречи, и ощущение новизны. Я ведь знал, что не смогу заменить ей всех: друзей, подруг,

товарищей по работе и просто людей, почти четыре миллиарда людей Земли, тех, о ком не имеешь ни малейшего представления, пока тебя с кровью не оторвут от них и не бросят в пустыне... Робинзон Крузо смог прожить двадцать восемь лет в одиночестве только потому, что у него была надежда на возвращение к людям. У меня такой надежды не было, таков был замысел тех, кто посадил нас с Аленой в клетку пустого города. Почему я знал об этом? Знал, и точка. Словно родился с этим знанием.

– Здесь все наше, понимаешь? – говорил я. – Считай, что нам преподнесли такой свадебный подарок – пустой город и вообще весь мир. Не возражаешь? Здесь мы будем только вдвоем, никто нам не помешает, не бросит укоризненного взгляда, ты не представляешь, как здорово быть вдвоем! Ты и я, город и небо.

– Не дурачься, Виктор, – сказала она вдруг. Глаза ее расширились, недоумение плеснуло в них тяжелой волной. Пока лишь недоумение. – Что случилось, Виктор? Почему здесь никого нет? Тишина... как странно... Ты не шутишь? Мы действительно в пустом городе? Где мы?

– В пустыне! – воскликнул я тогда с отчаянием, уже ни на что не надеясь. Перед моим мысленным взором пронесли картины нашей будущей жизни. Одни в пустом городе... сначала любопытство, попытки приспособиться к жизни в бетонном раю, потом скука, жизнь воспоминаниями... Что мы можем – одни? Чего мы стоим – только двое? Человек – существо общественное, кому же понадобилось убеждаться в противном? Пришельцам, коими забиты сборники фантастики? Соседям из «параллельного пространства»? Ну а если мы выдержим экзамен на одиночество? Что тогда? Ведь люди не раз доказывали, что способны на невероятное, казалось бы, терпение, не раз проявляли невероятную выдержку, силу воли. Что, если сможем и мы? Я же еще не проиграл такого варианта, не был готов, что же произойдет в этом случае?

Я остановился. Что-то происходило во мне помимо воли, прояснялось, словно проявлялась фотопленка и на ней проступали заснятые ранее кадры. Словно кто-то неведомый – не разобрать, друг или враг – оставил во мне след, таинственные письма, которые стали вдруг мне понятными.

По-видимому, то же самое происходило и с Аленой.

– Как... Адам и Ева? – с запинкой произнесла она. – Ты это хотел сказать, Виктор? Мы с тобой – Адам и Ева новой цивилизации? Отвели нам свободное пространство – живите, дышите, любите, рожайте детей, а мы посмотрим. Так?

– Аленка! – крикнул я с болью и ненавистью к тем, кто все это затеял. – Я-то тут при чем? Мы ведь действительно одни! Ты и я! И я тоже не знаю – почему. Верить?

Эхо подхватило мой голос, понесло по улицам и переулкам пустого города и вернулось уже нечеловеческим смехом, перебранкой чужих голосов, ползучим шепотом.

– Верните нас! – крикнул я снова, обращаясь к невидимым экспериментаторам, наблюдавшим за нами, я верил, что они существуют. – Верните хотя бы ее! – Я подтолкнул Алену вперед.

– Что ты делаешь? – гневно воскликнула девушка и схватила меня за руку. – Только вместе! Слышишь? – Это она мне. – Слышите? – Невидимым наблюдателям.

Она была так красива в этот момент, что я готов был на все – на бой с неясным, но всемогущим врагом, на пытку – на смерть, наконец! – лишь бы она была рядом со мной. Потерять ее в этот миг означало для меня покончить счеты с жизнью. И все же – пусть мы будем вдвоем – и со всеми, такой я сформулировал девиз, потому что только вдвоем мы не будем счастливы наверняка.

– Алена... – позвал я шепотом, протягивая к ней руки...

...Полумрак, белый потолок, тихое тиканье часов на буфете и шаги над головой. И сердце, занимающее полгруды...

Я приподнял гудящую голову над подушкой, бессмысленным взглядом окинул комнату.
– Алена... – машинально позвал я и осекся. – О боги!

Так это снова был сон? Сон, и больше ничего? До жути реальный, реальный до дрожи в руках, но все-таки сон? Но как же Алена? И командировка в Кмиенск?..

Я встал, прошепел босиком до кухни, по пути посмотрел на часы – четыре утра, – напился воды, словно только что действительно вернулся из путешествия по пустыне, где едва не умер от жажды, и, сказав вслух: «С ума можно сойти!» – рухнул на кровать. Но до утра так и не уснул. Сон выбил меня из колеи окончательно. Я пытался найти хоть какую-нибудь логическую нить в посетивших меня сновидениях, но ассоциации вводили меня то в глухой ночной лес, то в пески, то в палату умалишенных, где я отвечал на вопросы лечащего врача, моего однокашника, путаясь в самых элементарных вещах, так что в конце концов меня стала колотить дрожь, и я прямо с утра решил пойти к психиатру. Откладывать визит не имело смысла, тем более что командировка мне действительно предстояла.

У двери нашей лаборатории я встретил двоих врачей-практикантов, Сашу Круглова и Сашу Монахова, их интерн-сектор находился рядом с нашим отделением, за стеной.

– Привет интерн-шизикам, – шутливо приветствовал я их, останавливаясь, решив соблюдать хотя бы внешнюю бодрость при полном отсутствии внутренней. – Что это у вас вид похоронный?

– Кузя сдох, – угрюмо сказал Монахов, отличавшийся редким лаконизмом речи.

– Ах ты, несчастье какое! – посочувствовал я. Кузей звали нашего институтского кота. – Вероятно, от нехватки подруг.

– Нет, – сказал Саша Круглов, обладавший редким даром принимать шутки всерьез. – Понимаешь, мы испытываем... с шефом, конечно, новый генератор психополя, сначала на крысах пробовали, а потом на... В общем, Кузя взял и сдох.

– Не рассчитали дозировку излучения, – небрежно сказал я. – Вот и сдох ваш несчастный Кузя, царство ему небесное, хороший был кот. Экспериментаторы! А какова программа?

– Психомотив одиночества, – буркнул малообщительный Монахов.

– Пси... мотив чего? – тупо переспросил я.

– Одиночества, – терпеливо повторил Круглов. – Программа включает гипноиндукционное вступление, то есть подавление воли перцепиента, и волновую передачу, внушающую явление пассионарной психоизоляции и прорыв подсознания во сне.

– Ну конечно, – сказал я, шалея. – Одиночество... аккуратно через день.

– А ты откуда знаешь? – подозрительно посмотрел на меня Монахов. – Валька растрепалась?

Валькой была новенькая лаборантка в их секторе, часто забегавшая к нам.

– Ага... то есть нет. – Я постепенно отошел. – Стена, понимаешь ли, тонкая, вот в чем дело, друг ты мой ситный. Психомотив одиночества. – Я вдруг захохотал с облегчением. – Основатели цивилизации Виктор-Адам, Алена-Ева... пришельцы... ха-ха-ха... Параллельное измерение! Паршивцы!

Я хохотал до колик в животе, а оба Александра тревожно рассматривали меня, явно вспоминая классификацию шизоидов и решая, к какому классу сумасшедших отнести меня.

– На крысах? – спросил я слабым голосом, изнемогая. – Гениально! Молодцы практиканты! Психомотив одиночества проверять на крысах и кошках – это гениальная мысль! Кто автор?

– Шур, – помолчав, сказал Монахов, – чего это его так развеселило? – Он снова оценивающе посмотрел на меня. – Не понял я его намеков на тонкую стенку.

– Эх вы, юмористы. – Я вздохнул. – Дело в том, что вы чуть было не отправили меня по пути кота Кузи. Так-то, экспериментаторы! Генератор ваш стоит небось у самой стены, справа от входа?

- Стоит, – подтвердил Круглов. – Ну и что?
- Ну вот, а с другой стороны стены – мое рабочее место!

Через час я стал знаменитостью института номер один.

Меня замучили расспросами девушки, выясняя в основном, кто такая Алена, постоянно донимали ехидными репликами друзья. А потом начальство в лице Пантелеева и директора института послало меня под неусыпным надзором в командировку в Киев вместе с результатами анализов и записями на пленке моих ответов на все существующие психотесты. В Киевском институте экспериментальной медицины меня ждали академики-психиатры с новейшей медицинской и вычислительной техникой.

В поезде я помог какой-то девушке внести в купе чемодан, а когда случайно вскинул на нее взгляд – даже не удивился, просто не поверил: это была Алена.

Мы стояли, оба одинаково потрясенные, и молчали. А я вспомнил сон с пустым городом и пожалел, что кругом полным-полно пассажиров, что мы не в пустыне, вдвоем, только она и я.

Мера вещей

Шлюп медленно дрейфовал в струе кристаллического аммиака, выброшенного совсем недавно из глубин атмосферы Юпитера. Под ним образовалась сияющая, клочковатая, желто-оранжевая бездна, в которой угадывались колоссальные провалы, нагромождения облачных масс и кипение атмосферных течений. С высоты в сорок тысяч километров Юпитер не был ни полосатым, ни пятнистым – невероятный по размерам кипящий котел, в котором то и дело взлетали вверх ослепительно желтые султаны аммиака, оранжевые протуберанцы гелия и серебристые волокна водорода; котел, поражающий воображение и заставляющий человека жадно вглядываться в его пучины, испытывая суеверный страх и не менее суеверный восторг, и с особенной остротой воспринимать масштабы космических явлений, одним из которых был Юпитер – вторая неродившаяся звезда Солнечной системы.

Шлюп положило на бок, и Пановский очнулся. Последовал мысленный приказ, летающая лаборатория поползла вверх, на более безопасную орбиту, сопровождаемая перламутровым ручьем «тихого» электрического разряда, на зигзаге которого вполне уместилась бы земная Луна.

– Спокоен старик сегодня, – сказал Изотов, отрываясь от окуляров перископа. – Радиус Ю-поля в два раза короче, чем вчера, мы даже не дошли до верхней гелиопаузы. Рискнем?

Пановский отрицательно качнул головой.

– Пора возвращаться. Мы и так проболтались без малого пять часов, ловушки заполнены до отказа, записей хватит на неделю детального анализа.

Изотов хмыкнул, исподлобья взглянул на товарища, занимающего в данный момент кресло пилота. Пановскому шел сорок второй год, был он высок, жилист, смугл от вакуум-загара. Он начал работать над гигантской планетой двенадцать лет назад, когда закладывались первые Ю-станции на спутниках Юпитера, естественно, это был один из самых опытных Ю-физиков, знавший все внешние повадки исполина, участвовавший в трех экспедициях глубинного зондирования его атмосферы.

– Жаль, – пробормотал Изотов, думая о своем.

– Чего жаль? – не понял Пановский, поправляя на голове эмкан – бесконтактный шлем мыслеуправления. Шлюп продолжал ввинчиваться в гаснущее зарево разреженной водородной атмосферы Юпитера, направляясь к Амальтее, на которой располагалась Ю-станция «Корона-2».

– Жаль, говорю, что не удалось видеть КУ-объект. Вчера ребятам повезло больше.

Пановский поймал в визирные метки пульсирующий радиоогонек маяка станции, переключил управление на автоматику и повернулся к напарнику.

Изотов появился на Ю-станции недавно. Был он молод, настойчив, самолюбив и не успел еще растерять надежд открыть на Юпитере «древнюю цивилизацию», существование которой то ставилось под сомнение, то вспыхивало ненадолго сенсацией в научных и околонаучных кругах Солнечной системы.

– КУ-объект – фикция, – убежденно сказал Пановский, продолжая исподтишка изучать лицо молодого Ю-инженера. – Я летаю над Юпитером двенадцать лет и ни разу не видел ничего подобного.

– Значит, тебе просто не повезло. Ведь многие видели. Сабиров, например, Вульф, Генри Лисов...

– И никто из них не привез ни одной голографии.

Изотов вздохнул. Что правда, то правда: никто из ученых – будь то зеленые новички вроде него или опытные «зубры» – не смог запечатлеть КУ-объект на пленку и доставить снимки на

базу. На голограммах проявлялись лишь обычные облачные структуры верхней газовой оболочки Юпитера и ничего похожего на КУ-объект.

– Не вешай носа, – добродушно усмехнулся Пановский, видя, что напарник расстроен. – Повезет в другой раз, не со мной, видимо, я и в самом деле неудачник.

– Сотый, Сотый, – раздался в рубке знакомый голос диспетчера станции. – Срочно отвечайте, остался ли аппарат-резерв?

– Да, – коротко отозвался Пановский, бегло проглядев записи бортового компьютера. – Три ленты в видеокассете, дюжина кристаллов в приемнике «Омеги». В чем же дело?

– Немедленно возвращайтесь к южной тропической зоне, координаты... – Диспетчер продиктовал координаты. – Генри только что на главном оптическом наблюдал рождающийся КУ-объект! Вы ближе всех в этом районе...

Диспетчер еще не договорил, а Пановский уже успел перехватить управление автомата и бросить модуль в разворот.

– Что я говорил! – воскликнул Изотов, скорее изумленный, чем обрадованный поворотом событий.

Пановский не ответил, не веря в миражи и тем не менее признаваясь в душе, что вера в чудо не угасла в нем и по сей день.

Шлюп вышел точно по координатам над большой облачной спиралью. В непосредственной близости от короны Юпитера голоса диспетчера уже не было слышно, сложная система радиационных поясов планеты полностью забивала эфир помехами. Пановский осторожно повел шлюп к Южному полюсу, опасаясь приближаться к внутреннему кометно-метеоритному кольцу, возле которого плотность метеоритного вещества достигла критических величин. И тут они действительно увидели загадочный КУ-объект.

Из желто-коричневой мути аммиачно-водородных облаков высунулся ослепительно белый «цветок» на тонком стебле: по форме КУ-объект напоминал земную гвоздику. Стебель «гвоздики» продолжал расти, она увеличивалась в размерах, и наконец стало ясно, что это вполне реальное явление, отнюдь не галлюцинация и не радиолокационный призрак.

Пановский включил аппаратуру видеосъемки и дистанционного анализа, покосился на товарища:

– Ну и везет тебе, юноша! Честно говоря, я и сейчас не верю в его существование. Загипнотизировал ты меня своими фантазиями, да и Ю-поле, наверное, действует, потенциал уже давно выше нормы.

– «Если на клетке слона прочтешь надпись „Буйвол“, не верь глазам своим», – процитировал Козьму Пруткова Изотов. – Ю-поле тут ни при чем. Кстати, почему эту штуку назвали КУ-объектом?

– Первым его увидел и описал полгода назад Костя Уткин, неисправимый фантазер и выдумщик, отсюда и сокращение... Он пропал без вести после третьей встречи со своим открытием. Во всяком случае, сообщил по радио, что идет на сближение...

Изотов повернул голову, мгновение смотрел в серые непроницаемые глаза Пановского, словно пытаясь прочесть его мысли, потом расслабился и пожал плечами:

– Случайность, которая предостерегает каждого из нас. Посмотри на анализаторы: материал КУ-объекта – безобидное облако ледяных кристаллов. Разве что магнитное поле великовато для обычного облака... Давай подойдем поближе.

Пановский красноречиво постукал пальцем по лбу.

Шлюп проходил уже под краем «гвоздики», достигшей размеров земного Мадагаскара, и в этот момент что-то произошло.

Пановскому показалось, что КУ-объект взорвался! Шлюп вздрогнул, оборвалось пение приборов в рубке, ослепли экраны, наступила глубокая тишина. И в этой тишине раздался Голос! Глубокий, нечеловеческий Голос-вскрик – не звук – сенсорный импульс, ударивший

по нервам. Он пронизал оболочку шлюпа, прошел сквозь все его защитные экраны и сквозь тела людей и умчался в космос, в неизмеримую даль – бестелесная молния, сгусток мысли неведомого исполина. Это было последнее, о чем подумал Пановский. Хлынувшая в мозг тьма погасила сознание...

Зал связи Ю-станции «Корона-2» тонул в тусклом серо-желтом сиянии юпитерианского серпа: станция проходила над ночной стороной планеты. Гул переговоров отражался от стен зала, смешивался с гудками и тихими свистами аппаратуры и возвращался таинственным шепчущим эхом. Четыре виома отражали четыре таких же, как и этот, зала с группами людей у пультов.

В зал вошел высокий бледный человек с узким жестким лицом. На рукаве его куртки алел шеврон научного директора станции. У главного пульта расступились люди.

– Какие новости? – спросил, почти не разжимая губ, директор.

– Второй КУ-объект мы прозевали, – сказал смуглый до черноты Генри Лисов. – Вернее, не знали, где ждать. Третий успели захватить в начале образования. А потом – как отрезало, никаких следов. Видимо, существуют какие-то периоды активности КУ-объектов, когда они появляются довольно часто. За последние четыре дня – четыре появления! Но какова длительность периода – еще предстоит рассчитать, не хватает статистики.

– Самое интересное, что третий КУ-объект ничего не излучал, как первые два, – сказал седобородый Сабиров. – Но приборы обнаружили слабое волновое эхо в пространстве сразу после его выхода, я имею в виду приборы станции СПАС.

– Вы полагаете, что это был...

– Приемник, вернее, приемная антенна, если пользоваться земной терминологией. А первые два были передающими антеннами. После выхода их в эфир станция пространственного слежения за орбитами Урана и Плутона, а также станции СПАС этого сектора поймали «след» импульсов, направленных в сторону шарового звездного скопления омега Кентавра. Час назад расчетная группа закончила анализ импульсов. По оценкам машин – это одномоментные передачи огромных массивов информации.

– Итак, КУ-объекты суть аппараты юпитериан, – медленно проговорил Зимин. – Цивилизация на Юпитере – не миф! Вы хоть представляете себе важность сего фактора?!

Сабиров переглянулся с Генри Лисовым, но директор станции не ждал ответа.

– Три года мы возимся с легендой о цивилизации на Юпитере, полгода – с легендой о КУ-объектах, не подозревая, что они существуют реально... Кстати, почему их невозможно голографировать?

Генри Лисов помялся.

– Гипотез много, но дельной ни одной... Считается, что все дело в Ю-излучении, сбивающем настройку приборов, в результате чего человеческий глаз видит КУ-объект не там, где он есть на самом деле. Ни на одной из последних голограмм КУ-объектов нет! Визуально наблюдаемы, особенно вблизи, но запечатлеть не удастся, хоть плачь.

– Интересная загадка. Что ж, мы на пороге величайших открытий за всю историю космоплавания. Что?

Сабиров откашлялся.

– У меня иное мнение. Уже сто лет человечество изучает Юпитер, из них более полувека – активно, с помощью зондов и обитаемых станций. Множество экспедиций в атмосферу и на дно, тысячи потерянных зондов, гибель исследователей... Едва ли юпитериане не замечают нас, по-моему, это невозможно, но тогда их молчание говорит об одном – об отсутствии интереса с их стороны к нам. О каком контакте может идти речь? А если они нас просто не замечают, значит, отличаются по всем параметрам жизнедеятельности. Да и неудивительно: я до

сих пор не могу представить, как на этом газожидкостном шаре могла возникнуть жизнь! А уж разумная жизнь... – Сабилов махнул рукой.

– Да здравствует скептицизм! – улыбнулся нежнолицый Вульф. – Так, Баграт? Но факты – упрямая вещь. Вот насчет контакта я с тобой согласен.

– Вопросы ко мне есть? – спросил Зимин, переждав шум. – Прежде всего у заместителей. Я отбываю на Землю на неопределенный срок.

– Есть, – сказал Сабилов. – Что с ребятами?

– Для них встреча с КУ-объектом в момент излучения закончилась печально. По мнению экспертов, модуль попал в краевую зону излученного импульса. У обоих шок, общий паралич... Их отправили в медцентр на Курилах. Еще вопросы?

Вопросов больше не было.

– Тогда прошу всех вернуться к исполнению своих непосредственных обязанностей. Помните, что на нас ложится большая ответственность. Как бы ни был контакт с цивилизацией Юпитера далек, начинать его придется нам.

Зимин не спеша подошел к главному обзорному виому станции вплотную и с минуту смотрел молча на слабеющее дымное свечение юпитерианского серпа, пока от него не осталась лишь тонкая бледная полоска. И тогда стало заметно тусклое багровое мерцание в толще ночной атмосферы планеты – отблески небывалых по величине гроз, а может быть, и результат титанической работы ее обитателей.

– Вы напрасно не придаете этому значения, – сказал Старченко. – Это по-настоящему сенсационное открытие!

Наумов молча разглядывал переносицу заместителя, удивляясь его горячности и недалекости, а может быть, нежеланию вникнуть в суть дела. Сенсация... Неужели для него это лишь сенсация? Что это – максимализм молодости или неопытность? Или еще хуже – равнодушие? Но ведь для тех двоих...

Он перевел взгляд на молочно-белые губы реаниматоров, скрывающих в своем чреве ученых с Юпитера, пострадавших от неизвестного излучения. Вот уже месяц, как крупнейшие ученые Земли: невропатологи, нейрохирурги, нейрофизиологи, психологи, лингвисты, специалисты в области биоэнергетики и физики излучений – пытаются спасти этих людей, но все, что удалось пока сделать, – это предотвратить коллапс и паралич нервной системы космонавтов. Тела их с помощью специальных устройств жили, а мозг, пораженный чудовищной дозой излучения, не хотел просыпаться.

Гипотеза Наумова, высказанная им на консилиуме, породила сенсацию среди медиков, именно о ней и рассуждал Старченко. Гипотеза состояла в том, что передача юпитериан, предназначенная для неизвестного людям абонента в шаровом звездном скоплении омега Кентавра... была воспринята космонавтами на всех уровнях сознания и подсознания! Мозг ученых «захлебнулся» ливнем чужеродной информации, сфера сознания оказалась переполненной, а основная информация осела в глубинах неосознанной психики и привела к параличу двигательных центров, что не позволяло освободить память пострадавших обычными путями и почти не оставляло надежды на их излечение.

– Сенсация, – повторил Наумов глухо. – Это прежде всего боль и горе родных и близких... вот что это такое.

Он был молод, главный врач Симуширского медцентра нервных заболеваний. Небольшого роста, хрупкий, нервный, он не был красивым, лицо слегка портила угрюмая складка губ и неожиданно нежный «девичий» подбородок, но, когда он улыбался, а случалось такое нечасто, становилось понятно, за что его любят пациенты и персонал клиники.

– И все же, по сути дела, у нас в руках клад с тайнами Юпитера, – упорствовал Старченко. – Представь, какие знания мы получим, расшифровав «записанную» в их головах информацию!

– Не знаю. – Наумов отвернулся и подошел к пульту медицинского комплекса. Автоматы продолжали следить за состоянием пациентов, и красно-желтая гамма на панели пульта указывала на то, что пострадавшие находятся на грани жизни и смерти.

На панели замерцал синий огонек, на трехметровые кубы реаниматоров опустились плоские многосегментные зеркала следящих систем. Одновременно ожил виом над пультом, и взорам врачей предстали тела космонавтов, поддерживаемые невидимыми силовыми сетками. К рукам и ногам лежащих придвинулись белые шланги с присосами, на панели зажглась надпись: «Питание».

Головы космонавтов скрылись в сложных ажурных конструкциях энцефаловизоров, но Наумову показалось, будто он видит страдальческие гримасы на белых как мел лицах, и ему стало зябко и неуютно.

Тихий звон видеовызова заставил Старченко замолчать и подойти к дальней стене зала, за перегородку технических систем. Через минуту он вернулся.

– Снова эта женщина, Изотова. Просит пропустить к вам. Я сказал, что сейчас время процедур и ты занят.

– Впусти. – Наумов нахмурил тонкие черные брови. – Это не просто женщина, это его жена.

– Жена! – хмыкнул Старченко. – Да они давно не... – Врач наткнулся на холодный взгляд главного и поспешил скрыться за перегородкой. Белобрысый, высокий, широкоплечий, шумный, он являл собой полную противоположность Наумову, и тот иногда удивлялся в глубине души, как это они проработали вместе уже два года. В этот день Старченко был Наумову неприятен. Может быть, из-за того, что в его рассуждениях было рациональное зерно и Наумову не хотелось в этом признаться?..

Наумов вырастил из стены пару кресел и сел, продолжая наблюдать, как сменяются аппараты над телами людей.

Отчего же пришло острое чувство сострадания? Разве мало прошло перед ним пациентов? Разве мало он повидал смертей? В тех случаях его не однажды охватывали отчаяние и гнев – медицина слишком часто оказывалась бессильной, и люди умирали, несмотря на все ухищрения ее многосотлетнего опыта. Люди научились побеждать болезни, прежде считавшиеся неизлечимыми, выращивать новые органы тела взамен утративших жизнеспособность, но мозг – мозг оказался слишком хрупким и сложным, и даже самые тонкие и точные методы его лечения подчас не давали желаемого результата. Мозг во многом продолжал оставаться тайной, открытие новых его возможностей происходило медленно, и люди продолжали умирать, если он оказывался поврежденным, продолжали умирать, если ошибалась природа, продолжали умирать на операционных столах «под ножами» хирургов в результате их неосторожности или незнания...

Из-за перегородки шагнула в зал молодая женщина, высокая, гибкая, с лицом строгим, настороженным, на котором выделялись твердые, властные губы. Взгляд ее синих глаз сказал Наумову, что он имеет дело с натурой сильной и целеустремленной.

Такая, пожалуй, не станет ни плакать, ни жаловаться, подумал он с мрачным удовлетворением.

– Здравствуйте, Валентин.

Голос у нее был глубокого баритонального оттенка, который обычно называют грудным, такой же красивый и уверенный, как и весь ее облик.

– Здравствуйте, Лидия, – ответил Наумов, вставая навстречу. – Предупреждаю: нового ничего.

Изотова посмотрела в виом, губы ее дрогнули, раскрылись.

– Он?

– Слева, – кивнул Наумов.

Лидия едва заметно усмехнулась. Наумов понял: кому как не ей знать, с какой стороны лежит ее муж.

Они сели. Лидия еще с минуту смотрела на виом, потом повернулась к главному врачу медцентра:

– Я знаю, вы один из самых лучших нейрохирургов Системы... – Наумов сделал протестующий жест, но Лидия не обратила на это внимания. – Не надо меня успокаивать, ответьте прямо: есть надежда? Есть ли надежда, что Сережа будет жить?

Наумов с трудом выдержал прямой выпад синего взгляда.

– Прежде чем ответить, разрешите задать, в свою очередь, несколько вопросов. Как давно вы... не живете с Сергеем?

Она удивилась, прикусила губу.

– Неужели это необходимо для лечения?

– Да, – твердо ответил он.

– Я не живу с Сергеем почти два года.

– И вы...

– Я люблю его.

Сказано это было просто и естественно, Наумов не мог не поверить, но любовь – и полтора года друг без друга?..

– В чем причина ссоры?

– Он спортсмен.

Заметив удивление в глазах Наумова, она заторопилась:

– Он спортсмен во всем: в работе, в увлечении... в жизни вообще. Он ни в чем не хотел быть вторым, и в семье тоже. Правда, сейчас мне кажется, что он был прав.

– Понятно. И вы не встречались с ним... потом?

– Встречались. Потом он ушел к Юпитеру искать утраченную мужскую гордость. – В голосе женщины прозвучала горечь. – Он сильный человек, но... еще мальчик... Послушайте, ну это же не важно, в конце концов! Мы были нужны друг другу, независимо от... и я люблю его, разве этого мало? И хочу знать, он будет жить? Именно таким, каким я его знаю?

Наумов невольно посмотрел на виом, но тот уже погас: программа процедур закончилась.

– Знаете, Лида, положение осложнилось. Изотов и Пановский попали не под простой лучевой удар, а под удар информационный. Ну, вы, наверное, слышали об открытии цивилизации на Юпитере. Так вот, юпитериане послали в космос мощный импульс, содержащий некую закодированную информацию, и, оказавшись на пути луча, космонавты «поймали» импульс на себя, в результате чего информация «записалась» у них в мозгу почти на всех уровнях памяти. Мозг теперь заблокирован чужеродной информацией, и разблокировать его мы... в общем, пока не в состоянии.

– Но ведь вылечивается же синдром «денежного мешка» – болезнь мозга от переизбытка информации.

– Это абсолютно другой случай, так сказать, «космический синдром», шок от переизбытка сверхинформации, причем закодированной неизвестным образом. И тут есть еще одна сложность... – Наумов помолчал, обдумывая, как бы смягчить объяснение, но не придумал. – Сложность в том, что мы еще не разобрались, какие центры и уровни памяти «забиты» ненужным знанием. Может случиться, что в результате операции сотрутся те виды памяти, которые заведуют механизмом памяти наследственной, то есть сотрется «я» Сергея Изотова, это страшнее смерти.

– Что может быть страшнее смерти? – покачала головой Лидия. – Только сама смерть...

«Она права, – подумал Наумов. – Но что я могу сказать ей в ответ?» Кто-то заметил: «Если не знаешь, что сказать, говори правду». Иногда жестокость – единственное выражение доброты.

– Извините, что я так сразу... Все может закончиться хорошо. Мы будем бороться, это я вам обещаю.

– Спасибо. – Лидия встала, вызывающе-виноватым взглядом отвечая на взгляд Наумова. Юбка при движении распахнулась, открыв красивые стройные ноги. – Я верю, что вы спасете его.

Попрощалась и ушла.

«Его»!.. Эгоизм в самом чистом виде! О товарище мужа она даже не вспомнила, все заслонил любимый... Самый слепой из эгоизмов – эгоизм любви! Черт возьми, мне-то от этого не легче! Лгать другим мы разучились, зато продолжаем лгать себе, испытывая при этом величайшее наслаждение. Как врач, специалист, я не верю в их исцеление, но как человек надеюсь. А многое ли сделаешь, имея надежду и не имея уверенности? Обещание бороться за их жизни – не гарантия успеха...»

– Нас вызывает Петербург, – подошел Старченко. – Экспертный отдел академии.

Наумов кивнул, задумавшись. Красные огни индикаторов на пульте казались ему шипами, вонзающимися в незащищенное тело.

Южный циклон принес на Симушир туман и теплый дождь, продолжавшийся с перерывами три часа.

Наумов соединился с бюро погоды Южно-Сахалинска, и ему объяснили, что циклон пропущен на материк по глобальным соображениям Тихоокеанского центра изменения погоды.

– Потерпите еще часа три, – виновато сказал диспетчер, юный до неприличия. – Мы понимаем: медцентр и все такое прочее, но...

– Это не прочее, – сдерживаясь, перебил его Наумов. – Это здоровье пациентов, в медцентре их тысяча двести тридцать, и всякое изменение погоды в зоне Симушира несет им дополнительную, и причем отрицательную, нервную нагрузку! Понимаете?

Диспетчер покраснел, не зная, что ответить.

Наумов понимал, что тот не виноват, но оставлять это дело без внимания не хотел.

– Предупредили бы. Мы бы спланировали микроклимат. Дайте телекс главного синоптика, я поговорю с ним.

После разговора с главным конструктором погоды главврач несколько минут прохаживался по кабинету, поглядывая сквозь прозрачную стену на плотное покрывало тумана, скрывшее под собой бухту Броутона в виде полумесяца, пролив Дианы, сопки на северной оконечности острова. Лишь строгий конус вулкана Прево плавал над туманом, словно в невесомости, подчеркивая тишину и покой.

Симуширский центр нервных заболеваний представлял собой комплекс ажурных ветвящихся башен, собранных из отдельных блоков лечебных и процедурных палат. Он был построен десять лет назад на гребне кальдеры бывшего вулкана Уратман, образовавшего бухту Броутона, когда люди научились не только предсказывать землетрясения и вулканические извержения, но и управлять ими. С тех пор Симушир, имеющий на языке айнов еще одно название – Шаншири, что значит «гремящая, содрогающаяся земля», перестал будить Курилы эхом вулканических взрывов и превратился в заповедную зону медцентра.

Каждая палата клиники смотрела стенами на четыре стороны света и купалась в чистом морском воздухе. Кабинет главного врача венчал одну из башен и ничем не отличался от других блоков, кроме внутреннего инженерно-медицинского обеспечения.

Наумов вспомнил лицо диспетчера погоды и поморщился. Чувство неудовлетворенности не проходило, однако рабочий день только начинался, и в причинах хандры разобраться было некогда. Он сел за стол и вызвал по видеоселектору заведующих отделениями...

В четырнадцать часов дня кабинет быстро заполнился светилами медицины Земли и представителями Академии наук, причем «живых» людей было от силы пять-шесть человек, большинство присутствовало через виомы, хотя по внешнему виду невозможно было отличить «призрак» от реального человека.

Несколько минут ушло на знакомство, потом Старченко стоя сообщил всем о состоянии космонавтов. Глядя на его уверенное красивое лицо, Наумов подумал, что знает своего заместителя совсем плохо, только с внешней стороны. Странное дело: работают бок о бок полтора года, а друзьями не стали, правда, и врагами тоже... Откуда эта молчаливая договоренность не переступить рамки служебных отношений? Не потому ли, что оба представляют разные полюса характеров?..

Первым вопрос задал академик Зимин, научный директор Ю-станции «Корона-2», непосредственный руководитель пострадавших от излучения ученых. К удивлению Наумова, Зимин прибыл на Землю и явился в медцентр материально, а не визуально, и этот не совсем обычный поступок имел для главврача некий тревожный смысл.

Внешность Зимин имел впечатляющую: узкое лицо, сухое, с морщинами на лбу, похожими на шрамы, тонкие губы, выдающийся массивный подбородок, прямой нос и круглые, цепкие глаза – лицо человека, наделенного недюжинной силой воли, знающего, чего он добивается. Он был высок, худощав, жилист, силен. Наумов невольно сравнил широкую ладонь ученого со своей и вздохнул.

– Подтверждено ли предположение о «перезаписи» информации излученного с Юпитера импульса в мозг больных?

– К сожалению, да, – после некоторого колебания сказал Наумов.

– И как велик информационный запас?

– В мегабайтах? – спросил вдруг с иронией Старченко. – Или вам нужен наглядный пример?

Не ожидавший подобного выпада от заместителя, Наумов с любопытством посмотрел на Старченко. Парень явно рассердился.

– Мозг человека способен вместить все знания, накопленные опытом цивилизации, – продолжал молодой врач. – А у космонавтов заблокированы чуть ли не все уровни памяти, сознание и подсознание, так что запас чужой информации, «забившей» даже инстинкты, огромен!

Среди общего оживления Зимин остался бесстрастным и холодным, изучая Старченко, будто выбирал место для удара.

– Существует ли возможность «считывания» этой информации?

Старченко замялся и оглянулся на главного. Он помнил спор и помнил отношение Наумова к своим выводам.

Этого следовало ожидать, подумал Наумов. Было бы странно, если бы кто-нибудь не задал этого вопроса. Что ему ответить? Изложить свою точку зрения? Которой нет...

– Теоретически существует, – ответил он. – Но на практике последние пятьдесят лет никто с этим не сталкивался, потому что случай этот особого рода. – Наумов помолчал. – Существует так называемый метод психоинтеллектуальной генерации, основанный на перекачке криптогнозы, то есть информации, осевшей в глубинах неосознанной психики, из сферы подсознания в сферу сознания. Но, во-первых, этот метод применялся всего один раз и нет доказательств, что он себя оправдал, а во-вторых, может оказаться, что мы сотрем психоматрицу субъекта, что для моих пациентов равносильно смерти.

– Я понимаю. – Зимин пожал плечами. – Но поймите и вы: открыта цивилизация на Юпитере! Чужой разум! Это событие неизмеримо великого значения для всей науки Земли, для всего человечества. И появилась возможность узнать об этой цивилизации очень и очень многое, если верить вашим же словам. Представляете, что может в результате приобрести человек? Мы с вами?

– Ну, хорошо, предположим, мы «перепишем» всю информацию, – вмешался академик Чернышов. – Но сможем ли прочитать ее, расшифровать? Код записи может оказаться таким сложным, что расшифровать ее не удастся – вспомните роман Лема «Голос неба», – что тогда? Люди-то попали под луч случайно, информация предназначалась не нам.

Наумов благодарно посмотрел на старика.

Зимин усмехнулся, но глаза остались холодными и недобрými. Наумов ощущал его взгляд физически, как укол шпaги, и невольно напрягал мышцы живота. Он не знал, что ответить Зимину, доводы ученого не были абстракцией, они отзывались на его собственные мысли, были созвучны им. Не из-за этого ли хандра в душе? Предчувствие беды? Профессиональная этика врача запрещала колебаться, но, оказывается, он даже как врач не ощущал своей правоты. Не в этом ли причина раздвоенности и глухой досады?

– Кроме всего прочего, – продолжал Наумов, – существуют врачебная этика (давай, борись с собой, доказывай, что слова твои – сама истина, что только человеколюбие движет тобой, в то время как Зиминим... а что Зимин? Он ведь тоже, наверное, не для себя старается? Единственное, от чего воротит, – что он прикрывается выгодой для человечества. Банально и неоправданно, хотя и выгодно...) и принципы человеческой морали. Кто возьмет на себя ответственность за убийство людей даже во имя блага для всего человечества? И кто, в конце концов, разрешит нам сделать это? Родственники пострадавших? Их любимые и любящие? Да и не в них дело, поймите, мы не должны ставить на весы жизнь людей и самый ценный из материальных выигрышей – знание.

Наумов видел, что убеждает прежде всего самого себя, и, понимая это, не мог не чувствовать, что фальшивит, и эта фальшь, казалось ему, видна и остальным.

– Я не спорю, – негромко сказал Зимин. – Но в истории человечества известны примеры, когда рисковали жизнью во имя гораздо менее значимых целей.

– Да, но люди шли на это сами, – так же тихо сказал Чернышов. – И в этом их преимущество перед нами. За них никто не решал, не распоряжался судьбами. По-моему, прав Валентин, мы не должны решать вопросы жизни и смерти в отсутствие рискующих жизнью.

– Это тавтология. – В голосе Зимина зазвенел металл. – Пациенты не могут сказать за себя ни слова де-факто. Зачем эти выпренные слова?

– Коллеги, – вмешался Старченко, – мы отвлеклись от основной проблемы – как лечить больных. Давайте оставим в стороне моральные проблемы и правовые вопросы дела и вернемся к медицине.

– Правильно, – поддержал врача один из биофизиков. – Мы собрались, чтобы обсудить метод лечения, проблема чисто медицинская, не стоит привлекать для ее решения морально-этический кодекс.

Зимин хотел что-то добавить, но передумал.

Разговор перешел в русло медицины. Наумов больше не вмешивался в обсуждение предлагаемых методов лечения, хотя здесь присутствовали многие авторитеты в области изучения человеческого мозга. Он только командовал техникой кабинета, показывал палаты, записи, документы, аппаратуру центра, а в голове раздавалось: «Не все еще закончено в споре, не все аргументы исчерпаны. Зимин не остановится перед хрупкой, по его мнению, преградой этики, и, к сожалению, он не одинок в своем мнении. Но самое страшное – я не чувствую себя его противником. К тому же в любом случае способ лечения космонавтов небезопасен, и это плохо.

Это отвратительно, это главное, на что сделает упор сам Зимин и иже с ним, выйдя в высокие инстанции... А где найти контраргумент, я не знаю...»

В том, что Зимин обратится в арбитраж более высокого ранга, в Академию медицины, а может быть, и в Высший координационный совет Земли, Наумов не сомневался. Он хорошо понял ход мыслей ученого и доминанту его характера: добиваться конечного результата любыми средствами.

– Предстоит тяжелое объяснение в медсовете Академии, – сказал Чернышов, когда совещание закончилось и кабинет опустел. – Но я с вами, Валентин, можете располагать моим голосом.

– Вы не со мной, – пробормотал Наумов, – вы с ними. – Он мотнул головой в сторону включенного виома, показывающего реаниматоры.

– А я понимаю Зимина, – сказал Старченко, выключая аппаратуру. – Юпитер изучается более века, и сколько там погибло исследователей – не счесть. И вдруг появляется возможность за несколько минут раскрыть суть юпитерианской цивилизации!

– Я его тоже понимаю, – с горечью сказал Наумов и вспомнил лицо Лидии Изотовой. – Скачок вперед, к новым достижениям, к новым вершинам знаний, к великим открытиям... Почему бы нет? Но если бы при этом не надо было перешагивать через такую «малость», как две жизни.

В холле Управления аварийно-спасательной службы Наумов несколько минут разбирался в указателях, нашел нужный лифт и вскоре стоял перед дверью в отдел безопасности космических исследований. Дверь открылась, он вошел.

В кабинете начальника отдела находились двое: сам Молчанов, невысокий, худой, спокойный, с серыми внимательными глазами, и академик Зимин. Присутствие ученого неприятно поразило Наумова, однако он сделал вид, что ему все безразлично, и сел.

– Ну, я, наверное, больше не нужен, – сказал Зимин, вставая. – Всего доброго.

Во взгляде академика Наумов прочел странное сожаление, и в душе снова шевельнулся дремлющий удав тревоги. Однако взгляд Молчанова он выдержал, ждал, с чего начнет начальник отдела.

Тот щелкнул ногтем по сенсору видеоселектора и сказал «призраку» оперативного дежурного:

– Сима, я буду занят еще пятнадцать минут, все вопросы переключи пока на Ромашина. – После этих слов начальник отдела обратил не улыбочное свое лицо к гостю.

Они были знакомы давно, года три, по совместному увлечению спортом – прыжками с трамплина на лыжах, тем не менее с минуту присматривались друг к другу, словно встречаясь впервые.

– Ну что там, Валя? – спросил наконец Молчанов. – Что будем делать?

– А что надо делать? – удивился Наумов. – Если ты в курсе проблемы, повторяться я не буду.

– В общих чертах. – Молчанов бросил взгляд на дверь, за которой скрылся Зимин. – Что и говорить, открытие цивилизации на Юпитере – открытие века! Общечеловеческий стресс! Хотя ждали контакта давно и вроде бы привыкли к ожиданию. У меня и без того проблем хватало, а теперь и вовсе вздохнуть некогда.

Наумов иронически усмехнулся. Молчанов посмотрел на него оценивающе.

– Что, жалоба не по адресу? Ты прав, у кого из нас не хватает забот. А что, Валя, Изотов и Пановский действительно восприняли информацию юпитериан? – внезапно спросил он.

– В том-то и проблема! Чтобы вылечить их, надо «стереть» чужую информацию, иного выхода попросту нет. Не существует.

– Понимаю, не горячись. Ну а если, «стирая», одновременно записывать эту информацию в память машины?

– «Стирать» и «стирать и записывать» – суть два разных метода, причем последний увеличивает вероятность смертельного исхода. Мы рискуем убить людей!

– Как убить?

– Можем стереть человеческое «я», личность, что для пострадавших равносильно смертному приговору.

«Повторю в третий раз, – тоскливо подумал Наумов. – Последний ли? Каждому надо доказывать, каждого убеждать... в том числе и себя самого. Когда же настанет время мысленного сопереживания, сострадания, сочувствия? Когда не надо будет убеждать собеседника, ибо он и без слов почувствует твою растерянность и тоску?»

– Зимин говорил, что и обычное «стирание» может дать отрицательный результат.

– Может! – разозлился Наумов. – И все же риск на порядок меньше.

– Риск все равно остается. – Молчанов предупредительно поднял руку. – Погоди, не спеши доказывать обратное, побереги доказательства и красноречие для ВКС.

Наумов недоверчиво посмотрел в глаза начальника отдела.

– Так серьезно?

Молчанов почесал горбинку носа, утвердительно кивнул.

– Понимаешь, Валя, после открытия цивилизации на Юпитере над ним уже погибли двое исследователей... кроме твоих пациентов.

Наумов побледнел.

– Так что проблема несколько серьезней, чем ты себе представляешь. Открытие взбудоражило всю систему Ю-станций, ученые грезят контактом. Дальнейшее изучение планеты повлечет новые жертвы... и, возможно, та информация, которой обладают твои пациенты помимо своей воли, спасет не одну жизнь. Я понимаю. – Молчанов встал и прошелся по кабинету, остановился у окна. – Этико-моральная сторона любого действия ни для кого из нас не является отвлеченным понятием, но она не должна становиться самоцелью.

– Но я отвечаю за их жизнь. – Наумов тоже встал и подошел к окну. – Я врач и обязан думать о своих пациентах.

– А я обязан думать о живых, – тихо сказал Молчанов. – И здоровых.

В душе Наумова копились пустота, и холод, и странное ощущение вины. «За что? Перед кем? Будто и решения своего не менял, и аргументы не все исчерпал... но вот уверен ли в решении? Нет же, не уверен, иначе откуда взялись тоска и мука? Как это получается у Зимина: жизнь одних за счет жизни других?! Молчанов, по всему видно, тоже близок к его позиции... но не эгоизм же ими руководит, не холодный расчет – самые благие намерения... Стоп-стоп! Вспомни: „Дорога в ад вымощена благими намерениями!“ Господи, какой ценой иногда приходится расплачиваться за очевидное, самое простое и верное на первый взгляд решение! Кто способен оценить, что дороже: человеческая жизнь или знания, добытые ценой жизни? Нет, не так, страшнее: убить, чтобы спасти! Так? На войне когда-то тоже убивали врага, чтобы спасти друга... И это не то... при чем тут враг? Кто враг? Обстоятельства? Или я сам себе враг?»

Наумов взмок от усилий вылезти из болота рассуждений, в которое влез, пытаясь оправдать сразу двоих: себя и воображаемого оппонента, и вытер мокрый лоб ладонью.

– А ты как думал? – покосился на него Молчанов, словно зная, что творится в душе товарища. – Подчас принять решение труднее, чем его выполнить, и уж гораздо труднее, чем пожертвовать собой, поверь.

Наумов вдруг снова, уже в который раз, вспомнил Лидию Изотову. Она верила в него. И друзья и родственники ученых, кто бы ни приходил, тоже верили в него. А он? В кого верит он сам? В себя?

– На кого из начальства мне выйти в Совет?

Молчанов вернулся к столу, тронул сенсор координатора.

– К Банглину, наверное. Только не пори горячку, на твоём лице написано все, о чем ты думаешь. Таких, как Зимин, много, и в Совете они тоже найдутся. Он тут много наговорил, и я почти согласился с ним, но ты учти – кое в чем он прав! И рискованные полеты к Юпитеру – это ого-го какой аргумент! Ты не был над Юпитером? Много потерял, и наверстать будет трудно.

– А ты не встречался с близкими моих пациентов, – пробормотал Наумов. – У тебя не было такого, чтобы от твоего решения зависела жизнь человека?

Молчанов застыл, потом медленно разогнулся, упираясь кулаками в стол, и на мгновение утратил самоконтроль: лицо его стало несчастным и старым.

Наумов пожалел о сказанном, извинился, пробормотал слова прощания и направился к двери.

Юпитер кипел, увеличиваясь в размерах. Вот он закрыл собой боковые экраны, затем кормовые, рубку заполнил ровный глухой шум – фон радиопомех. Все предметы окрасились в чистый желтый цвет, настолько интенсивным было свечение верхней разреженной атмосферы планеты.

Бам-м-м!

Шлюп содрогнулся, под ним загудело и загрохотало, в носовом экране выпятился из сияющей клочковатой бездны странный золотой волдырь, распустился кружевным зонтом и медленно пополз в высоту, рассыпаясь на белые волокна толщиной с горный хребет. Одно из волокон настигло убегающий модуль, изображение в носовом экране покрылось черной сеткой трещин.

«Падаю! – раздался слабый, искаженный помехами голос. – Не могу... Прощайте!»

Экран погас. Наумов закрыл глаза и остался недвижим.

– Это их последняя передача, – донесся словно издалека голос Старченко. – Погибли все трое: Сабиров, Вульф и Горский. Показывать второй фильм?

Наумов отрицательно покачал головой.

– Не стоит. Оставь записи, может быть, я посмотрю их позже.

Старченко выключил проектор, потоптавшись, ушел. Наумов посмотрел на часы: девятый час вечера. Одиннадцатый по среднесолнечному, перевел он в уме. Где у них консультативный отдел? Кажется, в Петербурге, а там уже утро.

Он соединился с Центральным справочным бюро ВКС и через него с консультативным отделом Совета. Узнал телекс Банглина и с ходу хотел позвонить ему, однако еще с полчаса сидел в кабинете, постепенно заполнявшемся сумерками, и смотрел сквозь прозрачную стену на далекий черный конус пика Прево, врезанный в вишневый тускнеющий закат.

Над далеким Юпитером, в тщетных попытках постичь его суть, тайны бытия и молчаливое пренебрежение к роду человеческому, к попыткам контакта с обретенными братьями по Солнцу, продолжали гибнуть люди, первоклассные исследователи и сильные натуры. Зов тайны – сквозь боль собственных ошибок, сквозь ад мучительных сомнений в собственной правоте, сквозь слепую веру в совершенство разума и сквозь собственное несовершенство – вперед! И только сам человек способен оценить поражение, делающее его человечней.

Юпитер – лишь тысячная доля проблем, волнующих человечество, какой же ценой платит оно за прогресс в целом, если одна проблема требует гибели многих?! И как сделать так, чтобы не платить человеческими жизнями ради решения любых, самых грандиозных задач? Или совершенно не существует иной меры вещей?..

На пульте слабо пискнул вызов. Наумов повернул голову, но не двинулся с места. Сигнал повторился. Это звонила жена.

– Я тебя заждалась, Валентин, – с упреком сказала она. – Уже девять!

– Извини, Энн, – пробормотал Наумов. – Я скоро приду, только закончу один не очень приятный разговор.

– Ты плохо выглядишь. Что-нибудь случилось?

– Ничего, наверное, эффект освещения, у нас тут сумерки.

– Нет, случилось, я же вижу. Это из-за твоих новых подопечных Пановкина и Изотова?

– Пановского, – поправил он машинально. – Понимаешь, Энн... их надо срочно оперировать, а я... боюсь.

Она внимательно присмотрелась к нему и сказала решительно:

– Приходи скорей, слышишь? Обсудим все твои проблемы вдвоем.

Виом угас. Снова сумерки завладели кабинетом. Где-то в невидимых зарослях под зданием лечебного корпуса прокричала птица: не сплю, не сплю, не сплю... Оранжевая полоса на западе становилась тоньше и тусклее, в фиолетово-синем небе засияла белая черточка – капсула гидрометеоконтроля.

Наумов встал, прошелся, разминая ноги, и вдруг подумал: «А не трушу ли я на самом деле? И все мои переживания не что иное, как самый обыкновенный страх ответственности?»

Он стоял долго, уставившись на далекую звезду, потом очнулся и без дальнейших колебаний вызвал комиссию по этике.

Руслан Банглин был очень и очень стар, где-то под сто сорок лет. Морщинистое темное лицо с озерами холодных, прозрачных, будто заполненных льдом, глаз. Волос на длинной, огурцом, голове почти нет, шея скрывается под глухим воротником свитера. Он не удивился, увидев перед собой заведующего Симуширским медцентром.

– Слушаю вас, – сказал он хрипло, с едва слышным присвистом.

Протез гортани, подумал Наумов отрешенно. По долгу службы он имел встречи с председателем комиссии морали и этики, и каждый раз у него складывалось впечатление, будто он беспокоит этого страшно занятого властного человека по пустякам.

– Я, собственно, к вам по такому вопросу... – начал Наумов, не зная, как сформулировать этот свой проклятый вопрос.

– Пановский, Изотов, – подсказал Банглин.

Наумов не удивился: вездесущий Зимин успел побывать и здесь.

– Возникла проблема...

– Выбор метода оперирования, так?

– Дело в том, что нейрохирургическое вмешательство в мозг почти всегда чревато последствиями. Даже микролазерное и тонкое магнитное сканирование ведет к разрушению соседствующих с оперируемым участков мозга, и хотя в нормальной жизни, как правило, это не сказывается, однако природа зачем-то сконструировала запас клеток, который мы уничтожаем ничтоже сумняшеся. А что теряет человек в результате операции, не знает никто. В случае с космонавтами изложенный мной тезис звучит так: при «перезаписи» информации с мозга в машину вероятность гибели увеличивается по сравнению с методом простого «стирания». Я сделал расчет, по которому вероятности неблагоприятного исхода относятся как два к трем.

– Вектор ошибки?

– В «красной зоне». – Наумов невольно покраснел, но не опустил глаз. – Но зона сама по себе не определяет исхода операции из-за недостаточного...

Банглин кивком прервал его речь.

– Полно, Валентин, эмоции тут ни при чем. Вы сами понимаете, риск остается, а соотношение два к трем не слишком выразительно. Расскажите-ка лучше, как относятся к операции друзья и родственники пострадавших.

Наумов еле удержался, чтобы не пожать плечами. Он устал и был зол на себя за слабости. Мысль, что он попросту струсил перед операцией и пытается теперь переложить ответ-

ственность на чужие плечи, не покидала его, а звонок Банглину вообще стал казаться жестом отчаяния, какого он вообще в себе пока не ощущал.

– Пановский холост, – медленно начал он. – Отец его в дальней звездной и вернется не скоро. Мать... ну что мать, она как и все матери, сын ей нужен живой и здоровый. Она согласна на любую операцию, которая спасет сына. У Изотова отец и мать, две сестры... жена. Ситуация примерно та же. О жене и говорить не приходится, я уже разговаривать спокойно с ней не могу, так и кажется, что во всем виноват.

Банглин чуть заметно улыбнулся:

– Ясно. Охарактеризуйте каждого, в двух словах.

Наумов озадаченно пощипал подбородок.

– До этого случая я их не знал, сужу только с чужих слов.

– Этого достаточно.

– Тогда... Пановский. Ему сорок один год. Ю-физик. Начиная работать над Юпитером в числе первых исследователей на стационарных комплексах. Три экспедиции глубинного зондирования планеты, последняя едва не закончилась трагически, их вытащили в момент падения. Спокоен, малоразговорчив, необщителен, но всегда готов помочь товарищу... Извините за путаную речь, я волнуюсь, а последняя характеристика универсальная для всех космонавтов. Вот, пожалуй, все, что я о нем знаю.

Изотов молод, он почти мой ровесник, по специальности – инженер-молеетроник. Хороший спортсмен – мастер спорта по горным лыжам («Он спортсмен во всем, – вспомнил врач, – в работе, в увлечении... в жизни...»). Честолюбив, упрям, любит риск, излишне самонадеян...

В глазах Банглина зажглись иронические огоньки, но перебивать Наумова он не стал.

– С женой не живет два года, – продолжал врач. – Но у меня сложилось впечатление, что некоторым образом это устраивало обоих, хотя они и любят друг друга... любили.

– Интересное заключение.

Наумов нахмурился:

– Самого Изотова я не знаю, но с его женой...

«Стоп! – подумал он. – Что ты плетешь, приятель? Двусмысленность видна невооруженным глазом, следи за речью... Черт тебя дернул позвонить!»

– Я верю. – Банглин на несколько секунд задумался, мысль его ушла в дебри памяти, в прошлое. Наумов определил это интуитивно. – Мне кажется, вы преувеличиваете размеры проблемы. И недооцениваете себя. Я не чувствую в вас уверенности, профессиональной уверенности врача, не говоря уже об уверенности психологической, гражданской. Даже не зная всех событий, могу предположить, что вы задумались над шкалой общественных ценностей, так? Но и не имея понятия о существовании определенных нравственных норм, присущих обществу на данном этапе развития, норм врачебной этики, право врача решать – какой метод использовать для лечения больного, можно принять решение исходя из одного простого принципа, вы его знаете: мера всех вещей – человек! Человек – и никто и ничто другое! Да, было бы интересно раскрыть тайны Юпитера «одним ударом», и этот интерес общечеловечески понятен: кто бы мы были, не имей страсти к познанию? Любопытства? И все же пусть вас не смущают доказательства и примеры прошлого. К сожалению, кое-кто прав: как и сотни лет назад, человек иногда рискует жизнью во имя неоправданных целей, а тут – познание открытой внеземной цивилизации, случай беспрецедентный в истории человечества! Плюс к этому возможное предупреждение гибели исследователей. Поневоле задумаешься, я вас вполне понимаю. Ведь мы не отступим, нет? Да и куда отступать? За нами – мы сами. Вот и подумайте, разберитесь в себе, а когда придет уверенность, когда вы будете убеждены в своей правоте – позвоните мне, и мы вернемся к этой теме. Только времени у вас мало. Заседание Совета послезавтра, и к этому сроку вы должны быть готовы.

Наумов кивнул. Банглин помолчал, медля выключать связь, выжидательно глядя на врача. Наконец Наумов шевельнулся.

– Я не буду звонить... должен решить сам. Извините, если... А еще вопрос можно? Совет собирается из-за случая с космонавтами?

Банглин вдруг улыбнулся по-настоящему: улыбка у него была хорошая, добрая и немного грустная.

– Я же сказал, не преувеличивайте проблемы до масштабов, способных потрясти человечество. Нет, Совет будет решать множество задач, и лечение пораженных излучением ученых – одна из них. Но для вас, – Банглин погасил улыбку, – для вас она остается главной. Это именно тот экзамен, не сдать который вы не имеете права. Всего вам доброго.

Виом погас.

«А ведь он решил, – понял Наумов. – Он решил, это заметно. И Зимин решил – по-своему, и Молчанов... А я... Я – врач? Чего я боюсь больше всего: принять неправильное решение или оперировать? Не знаю... не знаю!»

Наумов убрал одну из прозрачных стен кабинета и подошел к образовавшемуся проему.

Как странно: один говорит – проблема серьезней, чем ты думаешь, и он прав. Другой – не преувеличивайте масштабы проблемы, такие тысячами встают перед человечеством, и он тоже прав! Наверное, все дело в том, что проблема, мизерная для всего рода людского, оборачивается макропроблемой для одного человека, перед которым она встала, превращается в такую ношу, что выдерживает далеко не каждый. Но черт возьми, каким же образом из тысяч субъективных мнений формируется одно объективное знание? Маленькая задачка, слишком ординарная для цивилизации, и как же она велика, когда выходишь на нее один на один!.. Как сделать, чтобы не ошибиться? Как спасти двоих, стоящих на грани вечности, и уберечь живых, рискующих жизнью каждый день, идущих на подвиг и не знающих этой своей добродетели? Как?..

Над черным острием вулкана на другой стороне бухты всплыл узкий серп месяца – чаша амриты, из которой боги извечно пили свое бессмертие. Бухту пересекла зыбкая, блестящая рассыпанным жемчугом полоска. Кричала птица, вздыхал ленивый прибор...

Наумов подставил лицо прозрачному свету, а в ушах вдруг раздался басовитый гул юпитерианских недр, свисты и хрипы радиопомех, писк маяков и исчезающий, задыхающийся человеческий голос: «Падаю! Не могу... Прощайте!..»

Спасти тех, кто сейчас идет на штурм Юпитера и кто пойдет завтра... и спасти двоих, перегруженных чужим знанием, – на каких весах это измерить? И если спасти облученных, если поставить задачу – любой ценой спасти космонавтов, то кто-то снова будет падать в Юпитер?..

«Падаю!.. Не могу... Прощайте!..»

«А я могу?!» – крикнул Наумов в лицо ночи. Неслышно крикнул, сердцем, страстно желая, чтобы пришло к нему ощущение будущей удачи. Кто он – без права на ошибку? Мыслящая система, загнанная в тупик логикой трезвого расчета. Но, с другой стороны, имеет ли он право на ошибку? Выходит, цена ошибки – тоже человек? Его жизнь и смерть? Кто-то сказал:

С своей тропы ни в чем не сступая,
Не отступая, быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль...

Быть самим собой – не в этом ли главное твое достоинство, человек?

Проклятая птица под окном перестала кричать, но она могла себе позволить снова и снова будоражить ночь криком. Лишь Наумов не мог позволить себе криком показать свое отчаяние и бессилие. Или, может быть, наоборот – силу?..

Он позвонил домой и сказал, что остается готовиться к операции.

Колебания его не умерли, но умер прежний Наумов, не испытывавший неудач и поражения и потому еще не знающий, что такое жизнь...

Операция «Терпение»

Сбашни открывался вид на всхолмленную искусственными землетрясениями, обугленную излучением давних ядерных взрывов равнину полигона, на котором царили два цвета: черный и оранжевый. Черный – от сгоревших лесов и трав саванны, оранжевый – от проплевшин ржавого песка. На Земле все больше черного и красного и меньше зеленого и голубого. А природа все терпит, терпит, и нет конца этому терпению...

Каудери обратил внимание на то, что склоны невысоких холмов кое-где отбрасывают яркие блики, подобно разбросанным в черной пустыне зеркалам, и полковник из бригады инженерного обеспечения пояснил:

– Это регистрирующая аппаратура, господин генерал. Датчики частиц, всеволновые измерители и все такое прочее...

Каудери кивнул, угрюмое лицо его с бойницами глаз не дрогнуло. В последний раз кинув взгляд на белесое небо, на плавающий над горизонтом багровый шар солнца, бросающий алые стрелы на приземистые купола дотов, он резко повернулся и шагнул в кабину лифта.

Через две минуты скоростной лифт унес его с двухсотметровой высоты наблюдательной вышки на полукилометровую глубину поста управления полигоном.

Пост представлял собой квадратный зал, три стены которого пестрели циферблатами и индикаторными панелями, а четвертая – экранами разного калибра и назначения. За пультами управления сидели всего пять человек – операторы связи, инженеры технического контроля и начальник полигона. Испытания проходили в условиях дикой секретности, поэтому в зале не было даже обычных военспецов, представляющих различные рода войск.

На лицах обслуживающего персонала, свыкшегося с постоянным риском ошибки в расчетах, лежала печать тщательно скрываемого страха, неуверенности и ожидания чего-то ужасного и непоправимого, от чего нет спасения и чему нет названия.

Очередная группа РУМО,⁴ подумал Каудери, не отвечая на приветствия. Все равно о результатах испытаний станет известно – и даже раньше, чем об этом думают разини из корпуса спецопераций. Если мощность гравитационной бомбы хотя бы вполовину такова, как обещали яйцеголовые,⁵ то твердь земная отзовется не хуже, чем «Нью-Йорк таймс» на появление прыщика на носу тещи президента. Толчок отметят все сейсмостанции мира, а заодно станут известны и координаты эпицентра, и – прости-прощай секретность.

– Все готово, сэр, – доложил длинный и худой, как антенна высокочастотной радиосвязи, генерал Баум, командующий испытаниями. – Старт по команде или вы?..

– По расписанию, – отрывисто бросил Каудери, со вздохом облегчения опускаясь в центральное кресло.

Генерал Баум остался стоять рядом, молча радуясь, что инспектором Пентагона оказался старый знакомый – педантичный, неразговорчивый, вечно угрюмый бригадный генерал Генри Каудери, слывший самым объективным из генералов комиссии по контролю за вооружением.

– Кто летчик? – спросил Каудери, поглядев на часы. До старта В-III оставалось еще пятнадцать минут.

– Майор Киллер.

– Дайте его на связь.

– Он, наверное, уже в самолете...

⁴ Разведуправление министерства обороны США.

⁵ Ироническое прозвище ученых.

Каудери повернул голову к Бауму, и генерал, пожав плечами, дал команду оператору. Через две минуты на экранчике видеофона появилось взволнованное, слегка удивленное лицо майора.

«Совсем юнец! – подумал с долей досады и разочарования Каудери. – Еще не взлетел, а уже чувствует себя национальным героем!»

Полковник Тиббетс, наверное, когда-то тоже чувствовал себя героем, когда сбросил атомную бомбу на Хиросиму... И ничуть не терзался, узнав, чем кончился его налет... Судя по виду, майора Киллера тоже не станет мучить совесть, такой сбросит, не задумываясь, все, что угодно и куда угодно...

– Вот что, сынок, – пробормотал генерал. – Тебе уже все объяснили, не буду повторяться. В случае... сам понимаешь, всякое может случиться... В общем, желаю удачи.

– О'кей, генерал, – несколько развязно ответил пилот. – Все будет о'кей! – Удивление в его глазах не ушло.

– Тогда с нами бог, сынок! Не промахнись.

Киллер pokrивил губы, и оператор поспешно вырубил связь, опасаясь за не слишком сдержанный язык майора.

Спустя несколько минут с одного из аэродромов Невады стартовал стратегический бомбардировщик В-III с первой гравитационной бомбой на борту. Операция «Терпение» началась.

В посту зажглись все экраны, и генералы вместе с немногочисленной свитой могли теперь видеть пустыню Мохаук (бывшую плодородную саванну Мохаук) во всем ее великолепии, со всех ракурсов и высот, хотя изображения на экранах почти ничем не отличались друг от друга: на них были все те же черные с красным увалы, холмы и хаос черно-бурых теней.

И над всем этим мрачным миром, невольно воскрешавшим в памяти картины Дантова ада, раскинулся голубой невесомый купол неба с багровым шаром солнца, стремящегося скрыться за горизонтом до начала «эксперимента».

– Две минуты до цели, – доложил инженер радарного сопровождения. – Высота тридцать четыре пятьсот.

– Он что же – с такой высоты и будет бросать? – поинтересовался Каудери, расстегивая воротничок: ему вдруг стало жарко.

– Нет, бомба автоматически отделяется на высоте девяти километров и планирует на цель самостоятельно. – Баум подумал и добавил: – Самолет как раз будет выходить из пикирования.

– Мы его увидим?

– Что?.. Нет, только на экране радара.

– Хорошо. Как далеко эпицентр?

Баум ухмыльнулся одной половиной лица.

– Триста километров. По расчетам, сейсмические волны от бомбы образуются только поперечные, пойдут в глубь земли, а к нам придет один-два балла, пустяки.

– Я не о том, – буркнул Каудери, недовольный, что позволил посторонним усомниться в собственной храбрости. – Жаль, что ничего не будет видно с вышки.

– Мы все увидим на экранах. – Баум пустился в объяснение тонкостей работы систем контроля, но в это время инженер оповестил:

– Самолет над целью! Ноль с момента пуска!

– Один, два, три... – начал отсчет оператор за пультом...

На счете «тринадцать» черная равнина на экране вдруг встала вертикально, в месте падения супербомбы поднялся гигантский черный столб, окутанный странной светящейся сеткой. Это были электрические разряды. Вздрыгнул пол центра управления, динамики донесли страшный вопль потревоженной взрывом атмосферы.

Экраны погасли один за другим, динамики смолкли, и в наступившей тишине люди услышали отдаленный подземный гул, последовавший за первым толчком. А затем снова качнулся

пол зала, новый мощный толчок расколол пульт и стену напротив, и началось светопреставление!

– Ничего не понимаю! – кричал, стоя на коленях у пульта, генерал Баум. – Мощности бомбы мизерная, такого эффекта не должно было быть!..

– С базы передают – там творится нечто невероятное! – вторил ему оператор связи. – Рушатся дома, землетрясение силой до десяти баллов!

В зал ворвался полковник охраны.

– Все навверх, живо! Господин генерал, надо немедленно покинуть пост! Здесь нас задавит в два счета, не поможет и двухметровая броня!

– Они передают – землетрясение распространяется по всей Америке! – рыдал сквозь грохот ломающихся конструкций и бьющейся аппаратуры связист. – Города погребены под обвалами, идет цунами... Все, нет связи!

– Этого не должно было быть, не должно! – причитал генерал Баум, ползком направляясь к шахте лифта. За ним, цепляясь за неровности пола, потянулись объятые ужасом операторы и инженеры, в глазах которых росло безумие.

«Не должно!» – подумал Каудери, хватаясь за протянутую руку полковника. Он вдруг вспомнил когда-то прочитанный им доклад ученого-эколога Артура Блисса на ассамблее ООН по вопросам охраны экологической среды. «За последние тридцать лет, – докладывал Блисс, – увеличилось не только количество землетрясений, но и их сила и соответственно ущерб, наносимый человечеству. Замечена тенденция роста количества землетрясений из года в год, и невольно напрашивается вывод – не связано ли это с деятельностью человека?»

Вот и ответ.

Каудери смотрел на единственный уцелевший экран, на котором ворочались жуткие багрово-черные тени: землетрясение словно нарочно пощадило его: мол, смотрите, что вы натворили. Генерал не мог отвести взгляда.

Реакция природы на нашу «цивилизационную» деятельность когда-нибудь должна была превысить безобидный уровень. Мало мы ее били, кромсали, резали и рвали своими взрывами? Ядерными, термоядерными, нейтронными, лазерными... А теперь и гравитационными! Последняя капля... Надо же, как «удачно» подобрали яйцеголовое название испытаниям – «Терпение»! Вот и лопнуло терпение природы... Господи, неужели это конец?!

Зал разорвала еще одна трещина, и генерал Баум с воплем исчез в ее алой глубине вместе со свитой. Та же участь постигла и полковника безопасности вместе со взводом охраны.

«Все кончено. Все!..» – Каудери в оцепенении смотрел, как сближаются стены. Со всем миром покончено! Происходит очищение цивилизации!.. В огне и разгуле стихий родится новый мир, который, возможно, будет счастливей... Что ж, тем лучше, не надо теперь постоянно ждать конца света и мучиться этим ожиданием. Права была жена, предупреждая, что вся жизнь военного эксперта – ожидание конца...

Все, ждать больше нечего!

Отколовшаяся от стены плита придавила генерала к полу, и он закричал...

* * *

...и почувствовал, что его трясут за плечо. Он открыл глаза и увидел над собой испуганное лицо жены.

– Проснись, Генри, что с тобой?

– Я... кричал? – вяло спросил Каудери, возвращаясь к действительности из кошмарного сна. – Который час?

– Три часа ночи.

Генерал откинул одеяло и сел в кровати, через пижаму помассировал сердце, посидел, глядя на выключенный ночник.

– Опять снилось, что я на полигоне, – пробурчал он наконец. – На испытании бомбы... будь она неладна!

– Но ведь ты же отказался от инспекции. – Успокоенная жена присела рядом, кутаясь в плед.

– Отказался, – усмехнулся Каудери. – И в результате я – генерал в отставке. Разве это меняет дело? Кто-то другой в это время... Кстати, который час, ты сказала? Ага, вот мои часы, упали... Так, пять минут четвертого. А в три вылет... сейчас самолет над пустыней... Дай бог, чтобы ее терпение оказалось беспредельным!

– Чье? – не поняла жена. – Чье терпение?

В тот же момент слабо дрогнул пол комнаты, качнулась и упала с тумбочки ваза с цветами.

– Что это?! – шепотом спросила жена.

– Что? – глухо повторил генерал и вдруг с ужасающей отчетливостью представил себе, как за тысячи километров от Индианаполиса, в центре черно-оранжевой пустыни вырастает ослепительно белый, с желтым, смерч и голубизна неба сменяется багрово-черной, грохочущей, ядовитой для всего живого мглой...

Волейбол-3000

Этот парень привлек внимание Устюжина едва ли не с первого своего появления в зале. За двенадцать лет тренерской работы Устюжину пришлось повидать немало болельщиков волейбола – игры красивой, зрелищной и элегантной. Он видел разные лица: заинтересованные, радостно увлеченные, спокойные, иногда скучающие или откровенно равнодушные – у случайных гостей, и все же лицо юноши поразило тренера сложной гаммой чувств: оно выражало жадный интерес, напряженное ожидание, горечь и тоску, мерцавшую в глубине темно-серых внимательных глаз.

Юноша приходил на каждую тренировку сборной «Буревестника», появлялся в зале обычно за полчаса до начала и устраивался на верхней смотровой галерее зала, стараясь не очень привлекать внимание. Опытный глаз Устюжина отметил его рост – метра два или около этого, широкие плечи, длинные руки, и у тренера даже мелькнула мысль проверить юношу на площадке, однако с началом каждой тренировки он забывал о своем желании и вспоминал только после очередной встречи с поклонником волейбола, не желавшим, судя по всему, чтобы его замечали.

Через месяц Устюжин так привык к этому болельщику, что стал считать его своим. Случай познакомиться с ним пришел в руки неожиданно.

В субботу, отработав с женской сборной «Буревестника», Устюжин заметил своего заочного знакомого у выхода из зала и подошел:

– Здравствуйте, давайте знакомиться: Устюжин Сергей Павлович, тренер. Вас заметил давно, с месяц назад. Студент?

Юноша, ошеломленный появлением незнакомого человека, кивнул:

– Медицинский, второй курс.

– А на вид вам больше двадцати.

– Двадцать шесть. Я работал, потом поступил...

– Ясно. Как вас звать?

– Иван... Иван Погуляй.

– Знаменательная фамилия. – Устюжин усмехнулся, продолжая изучать парня. Теперь, стоя рядом, он понял, что недооценил его рост. Пожалуй, два десять – два пятнадцать, прикинул он с долей удивления. Неплохо! И все же чего-то ему не хватает... и взгляд у него напряженный, будто он боится... Чего?

– У меня предложение, Ваня, – продолжал тренер. – У вас идеальное сложение для волейбола. Не хотите заняться волейболом? Может быть, вы станете...

Устюжин замолчал, увидев, какое впечатление произвели его слова на молодого человека.

Лицо того побледнело, потом жарко вспыхнуло – до слез, губы дрогнули, раскрылись, напряглись.

– Если не играли раньше, не беда, – поспешил Устюжин. – Главное, что вы любите волейбол, это я уже заметил. За год мы с вами войдем в дубль-состав «Буревестника», даю слово.

Юноша покачал головой, сжав губы так, что они побелели, повернулся и пошел к выходу. Устюжин молча смотрел ему вслед, сразу все поняв: парень хромал. Нога не сгибалась в колене, и он относил ее чуть в сторону и ставил на полную ступню, все быстрее и быстрее, раскачиваясь из стороны в сторону, будто чувствуя взгляд.

Кто-то за спиной сожалеюще цокнул языком. Устюжин вернулся в зал и задумчиво присел на горку поролоновых матов, вспоминая отчаянное лицо и глаза парня, в которых бились боль, и ярость, и отчаяние.

Вернувшись домой, Иван дал слово больше на тренировки студенческой сборной не ходить, поужинал без аппетита, односложно отвечая на вопросы матери, потом заперся в своей комнате и долго стоял у окна, прижимаясь лбом к холодному стеклу и вспоминая минутный разговор с тренером. В душе царило странное спокойствие да сожаление, и он даже удивился этому, хотя тут же подумал: «Реакция? Или я действительно смирился с положением, привык? Угораздило меня прийти сегодня. Но кто же знал, что тренер подойдет с таким предложением! Неловко вышло... И все же как сказал тогда хирург после операции? „Терпение – это та скала, о которую разбиваются волны человеческого безрассудства“. Слова Дюма-отца. Оба они условно правы. Терпение и еще раз терпение – вот моя дорога, и лет через тридцать-сорок, к пенсии, – тут Иван усмехнулся, – я найду способ лечения раздробленного коленного сустава. А тогда милости прошу приглашать в сборную...»

Остаток дня он провел в библиотеке. Дома почитал на ночь «Трех мушкетеров», ощущая себя таким же ловким и сильным, как д'Артаньян, разделся, собираясь лечь спать, и в это время почувствовал, что не один в комнате.

Оглядевшись – тишина, мягкий свет торшера, тени от шкафов с книгами, тиканье маятника старинных часов, – он, сомневаясь в своей трезвости, тихо спросил:

– Кто здесь?

– Простите, – раздался из воздуха мягкий приглушенный голос. – Разрешите вас побеспокоить?

– Пожалуйста, – хрипло ответил Иван, откашлялся. – Входите.

– Спасибо. – В комнате без всяких световых и шумовых эффектов появились двое незнакомцев в плотных белых комбинезонах. Оба были высокими, под стать Ивану, хорошо сложенными, с живыми человеческими лицами, на которых легко читались смущение и озабоченность. Оба держали в руках тонкие черные стержни с пылающими алым светом шариками на концах.

Иван поборол искушение закрыть глаза и потрясти головой и жестом радушного хозяина указал гостям на диван:

– Прошу садиться.

– Не пугайтесь, ради всего святого! – сказал один из незнакомцев тем же приятным голосом. – Нас проинформировали, что вы любите волейбол.

– Люблю, – улыбнувшись, сказал Иван и пошевелил искалеченной ногой; ситуация забавляла, сон был любопытен и навяян, очевидно, взволновавшей его встречей с тренером.

– Извините, – вмешался второй, на лице которого отразилось беспокойство. – Мы понимаем, физический дефект не позволяет вам реализовать себя в настоящем, но все же – вы были бы не против?

Иван пожал плечами:

– Если бы не... дефект, как вы говорите, я бы, конечно, играл.

– Тогда все в порядке. – Гость облегченно вздохнул.

– А откуда вы? – любопытствовал Иван. – Из какого уголка Галактики?

Незнакомцы переглянулись.

– Мы такие же земляне, как и вы, – сказал первый. – И все сейчас объясним. Но сначала позвольте провести небольшое медицинское обследование – я правильно выразился?

– Правильно-то правильно. – Иван покачал головой. – Только в больницу я не...

– Этого не потребуется. Станьте так: ноги на ширине плеч, руки опустите, дышите ровно и глубоко.

Иван повиновался, удивляясь тому, что начинает верить в реальность происходящего, хотя временами спохватывался и улыбался в душе: сон ему нравился.

Гость провел концом стержня окружность в воздухе, и вместо стены с ковром Иван увидел длинный зал с рядами вычурных пультов, то и дело меняющих форму и цвет. От одного

из пультов протянулись к нему десятки световых нитей, коснулись тела, головы, рук, ног... стало трудно дышать. Иван мотнул головой, шагнул с места, пытаясь набрать в грудь воздуха, и почувствовал, что его поддерживают сильные руки.

– Все отлично, – извиняющимся тоном сказал один из гостей, второй в это время складывал гибкий черный шнур, пока тот не превратился в знакомый стержень с шариком на конце.

– А теперь поясним суть нашего появления. Дело в том, что вы являетесь потенциальным игроком в волейбол планетарного класса «хронопризрак», наблюдатель не ошибся. И у вас есть возможность участвовать в Олимпийских играх трехтысячного года по вашему летоисчислению. Вы не хотели бы принять в них участие?

– В качестве кого? – с иронией произнес Иван. – В качестве судьи?

– Игрока сборной команды Земли, – ответил гость без улыбки.

– Каким образом? Я же калека!

Незнакомцы снова обменялись беглыми, как бы летящими улыбками – видимо, это был их постоянный способ общения: они понимали друг друга с полувзгляда. Иван побледнел. Во рту мгновенно стало сухо. Он понял, что все с ним происходит наяву.

– Ну да, конечно, медицина у вас не чета нашей... А я вернусь обратно?

– Разумеется, с точностью до миллисекунды.

– Тогда согласен.

Первый из гостей протянул руку:

– Смелее.

Комната имела привычные стены и черный матовый пол, но вместо потолка над головой пушистая пелена, похожая на облако белого пара.

– Не делайте резких движений, – раздался из этой пелены вежливый баритон. – Сядьте на пол.

Иван повиновался, оглушенный мгновенным переходом из своей вполне реальной квартиры с вещами, которых касался не раз, в комнату, сам вид которой говорил о другом времени.

Его охватила сладкая истома, тело потяжелело, каждая его клеточка налилась сонным теплом, щекочущие невидимые пальцы пробежали по коже, захотелось потянуться, принять удобную позу и спать...

Сколько времени длилось это состояние, он не знал. Пробуждение наступило внезапно: просто захотелось встать, размяться, тело было отдохнувшим, полным сил и энергии, но очень хотелось есть. Иван встал, постоял с минуту, ожидая команды, потом медленно обошел комнату, прислушиваясь к своим ощущениям. И вдруг понял, что его искалеченная нога... сгибается в колене! Он замер, боясь поверить в случившееся, осторожно шагнул, перенес всю тяжесть тела на больную ногу – никаких болезненных ощущений! Нога сгибается так же легко, как и до травмы; мало того, она стала сильнее!

Иван подпрыгнул на месте и чуть не достал головой до белой пелены потолка, повисшей от пола не менее чем в четырех метрах. «Однако! – подумал он. – Медицина у них действительно на высоте! И никаких машин... если только я не нахожусь внутри одной из них».

– Как вы себя чувствуете? – напомнил о себе баритон.

– Отлично! – искренне отозвался Иван, краснея от мысли, что вел себя не совсем сдержанно: за ним, несомненно, наблюдали.

– Пройдите в следующий зал.

Иван хотел спросить, где дверь, но тут одна из плотных, металлических на вид стен исчезла, будто ее и не было, открыв вход в соседнее помещение.

Комната напоминала зал вычислительного центра: все пространство занимали ряды странных пультов, уже виденных им однажды, а напротив висел над полом, ни на что не опи-

раясь, гладкий черный диск. Из его глубины всплыла световая стрела и развернулась над ним в светящуюся надпись: «Внимание! Нулевой цикл».

В зале никого не было и стояла тишина, но стоило Ивану шагнуть вперед, как рядом с диском возник, словно выпрыгнул из-под пола, высокий молодой человек в свободной белой рубашке и голубых брюках. У него было открытое веселое лицо, загорелое до черноты, с внимательными ярко-зелеными глазами, держался он очень естественно и был гармоничен в каждом жесте. Иван невольно вздохнул, понимая, в какую эпоху попал: в то, что это не сон, он уже поверил.

– Зовите меня Даниилом, – улыбнулся незнакомец. – Хотя я всего лишь виомфант и не нуждаюсь в имени. Проходите, садитесь.

Диск превратился в кресло. Иван сел. Удобно, мягко. В душе зашевелилось любопытство.

– Виомфант – ваша профессия?

Даниил засмеялся:

– Я всего лишь машина, искусственный интеллект третьего поколения, инк, как говорят в обиходе, и нахожусь в действительности за сорок километров от этого места, а то, что вы видите, – «призрак», фантом.

Иван вспотел и больше не делал попыток заговорить. Даниил извлек из воздуха легкий шлем с двумя штырями у висков, протянул Ивану. Шлем был ощутимо материален.

– Это ваш. Я отвечаю за вас во всех аспектах, от здоровья до накопления информации, знаний быта и профессиональных. Кстати, физика тела вас удовлетворяет? Нигде не «жмет»?

Говорил «призрак» по-русски безупречно, хотя Ивану все время чудился странный акцент – не то в интонации, не то в ударениях; в общем, даже машины говорили здесь хорошо, видимо, русский язык в третьем тысячелетии стал основой разговорного языка для всего человечества.

– А вас? – ответил вопросом на вопрос Иван.

Даниил снова засмеялся:

– Наверное, больше, чем вас лично, потому что вы ко многому не привыкли, а кое о чем и не догадываетесь. Ничего, сейчас пройдет нулевой цикл – быт, особенности языка, жизненно необходимая информация, и все станет на свои места. Небось хотите посмотреть, какой стала Земля?

Иван молча натянул шлем. Что-то щелкнуло в наушниках, и он «поплыл» в дебри неведомых знаний...

Через три сеанса гипноучебы Иван освоился с жизнью Земли трехтысячного года настолько, что не мыслил иной, а прошлую свою жизнь считал чуть ли не мифом. Но тут пошли тренировки в волейбол не только мысленно, через информационно-психологические комплексы, но и нормальные, на площадках и в залах, и он полностью отдался своей страсти, не имевшей выхода в реальности двадцатого столетия.

Волейбол тридцатого века отличался от волейбола двадцатого не только количественно-цифровыми показателями высоты сетки, размером площадки и так далее, но и качественно, соответственно всем раскрывшимся возможностям человеческого тела и технического гения человека. Единственное, что напоминало Ивану знакомую ему спортивную игру, – традиционно сохранившаяся форма игрового поля с размерами площадок десять на десять метров, сетка, разделявшая площадки, и мяч, напичканный, правда, современной молекулярной техникой – для облегчения судейства. Конечно, сетка была натянута гораздо выше, чем в его время, верхняя ее кромка устанавливалась на высоте трех метров шести сантиметров от пола, но все же это была нормальная волейбольная сетка.

Однако, во-первых, изменилось инженерно-техническое сопровождение игры: сила тяжести на площадках устанавливалась равной девяносто трем сотым, вся зона игры охватывалась специальным барьером, и над ней свободно плавали в воздухе плоские диски кибер-

судей; каждая ошибка игрока классифицировалась мгновенно, и тут же звучала определенная музыкальная гамма, по которой зрители без судьи-информатора могли узнавать вид ошибки.

Во-вторых, и это было главным, игра проходила как в пространстве, так и во времени! То есть игрок по желанию при подаче мяча мог посылать его не только в определенную точку площадки противника, но и «сместить» мяч «по оси времени» в будущее в пределах десяти секунд, для чего площадки ориентировались еще и в хронополе. Если мяч при подаче перемещался и во времени, то игроки подающей команды имели право тут же подать мяч повторно, но уже без смещения во времени, что всегда и делалось всеми командами без исключения. Зрительно это выглядело так, будто мяч при подаче исчезал в никуда и возникал в пространстве игры в тот момент, когда кончалось время его посылки в будущее... Пока отыгрывалась обычная подача, могла прийти первая – со сдвигом во времени, и надо было успеть отреагировать, принять подачу, выдать пас и нанести нападающий удар, и были случаи, когда над площадками летали сразу два мяча и обе команды выпускали на поле седьмого игрока, так называемого «засадного». Поэтому остановок в игре почти не было, напряжение матча не спадало от начала до конца сета, завораживая болельщиков волейбола внезапностью и красотой комбинаций.

К концу третьей недели интенсивных тренировок по спецпрограмме с использованием уплотнения времени Иван вошел в основной состав сборной команды Земли по волейболу. До начала Олимпийских игр оставалось чуть более трех месяцев.

Волейбольный турнир Олимпиады проходил на Земле, в спортивном зале комплекса «Россия», старинном сооружении, начало которому дали спортивные постройки Москвы далекого двадцать первого века.

Иван, стоя на километровой башне обозрения, смотрел на панораму города трехтысячного года, по привычке называя эту цифру, в то время как по современному календарю шел тысяча восемьдесят третий год, и думал, что фантасты его родного времени не ошиблись в главном: Земля Идеальной эры представляла собой сплошной город-лес, именно лес, первобытный, с буреломами, чащами и даже непроходимыми топями. Это не означало, конечно, что за лесом не ухаживали, но наряду с ухоженными парками, рощами, садами, очищенными от лесного мусора дендрариями, выращенными вокруг комплексов зданий, существовали неприступная тайга, джунгли, сельва и болота. Человек тысяча восемьдесят третьего года экологически чистой эпохи предпочитал видеть Землю естественной, такой, какой она была до него, разве что помогал быть ей красивой и первозданной, направляя эволюцию природы так, чтобы выгодно было обоим: и природе, и человеку.

Здание спортивного комплекса выделялось среди зеленого оазиса гигантским языком оранжевого пламени: архитекторы ландшафта вписали этот язык в пейзаж с таким мастерством, что издали, с расстояния десятка километров, казалось, что горит настоящий костер, вернее, олимпийский факел.

В воздухе то и дело «проявлялись» фигуры людей: человек давно научился с помощью мысленного усилия управлять механизмами мгновенного перемещения в пространстве сквозь десятки и сотни тысяч километров, научился и Иван, хотя привыкнуть к этому не мог. Люди спешили в спортзалы комплекса, несмотря на совершеннейшие видеопередачи с мест спортивных событий во все уголки Солнечной системы. Иван отметил сей факт для себя: болельщики на Земле не перевелись, просто возможности их выросли во сто крат, хотя пригласительных билетов, как всегда, не хватало.

Иван мысленно вызвал отсчет времени – в медцентре восстановления и подготовки ему «разбудили» собственные биочасы – было без семи минут десять по среднесолнечному времени, что соответствовало и времени Москвы. Пора, подумал он, невольно ощущая сожаление: время его пребывания в будущем, в сказке, как он повторял про себя, подходило к концу. А что ждет его на Земле ушедшего двадцатого века, он страшился даже и представить. Снова иска-

леченная нога? Муки неполноценности? Участливые взгляды друзей?.. Впрочем, как говорил некий мудрец, все будет так, как должно быть, даже если будет иначе. То, что он пережил, – не пережить никому из его современников, и надо будет просить друзей, чтобы они оставили в памяти хотя бы эмоциональную сторону его приключения. Того же Даниила; судя по встречам, Иван ему понравился...

Иван сосредоточился и оказался в метре над белым кругом финишного поля, ближайшего к тому месту, куда он стремился попасть, мягко спружинил на ноги. Рядом возникали из ничего десятки улыбающихся людей: юношей и девушек, женщин и мужчин в расцвете лет, уступая место новым, прибывающим на соревнования. Впечатление было такое, будто шел дождь из разноцветных тел и испарялся, не достигая земли. «Испарился» и Иван, ступив на синий квадрат конформного лифта, вознесшего его в комнату психомассажа, где передевалась сборная команда Земли по волейболу.

Переодеваясь и отвечая на приветствия товарищей, спешащих в объятия эмоционтектора бодрости, Иван вспоминал реестр сборных, участвующих в Играх. Команд было шестнадцать, пять из них из Солнечной системы: сборные Земли, Луны, Марса, Астрономического союза и сборная внешних планет, остальные – сборные поселений людей из других звезд. Еще во время знакомства с командами по видео Иван с трепетом ждал встречи с другими разумными существами, однако в этом вопросе прогнозы его любимых писателей не оправдались: по всей видимости, человеческая цивилизация была уникальна во Вселенной. Во всяком случае, человек, проникший за тысячу лет звездоплавания к центру Галактики, братьев по разуму не обнаружил.

Эта игра со сборной Марса была предпоследней и самой трудной: сборная Марса по волейболу была чемпионом Галактического спорсоюза тысяча восемьдесят второго года, и землянам предстояло в этом поединке доказать, что Кубок предыдущих Игр принадлежит им по праву.

Иван волновался, несмотря на защитный барьер психомассажа и месяц аутотренинга, мысли его все чаще возвращались в родное время, он гнал их прочь и... ничего не мог с собой поделать. Возвращаться не хотелось.

Товарищи понимали, что с ним происходит, ибо человек третьего тысячелетия научился, кроме всего прочего, реагировать на чувства, ощущать боль соседа, сочувствовать, сопереживать, устанавливать мысленный контакт, хотя в последнем случае вступали в силу этические нормы мыслесвязи: никто не «читал» мысли собеседника без его разрешения на контакт; товарищи по команде понимали Ивана и с присущим им тактом «не замечали» его состояния. Он помощи не просил, не ждал, следовательно, мог сам справиться со своими переживаниями.

В десять минут одиннадцатого старший тренер-организатор сборной Земли построил игроков, вздохнул и сказал:

– Веселиться вы умеете, вижу. В нашем активе пять побед, так вот постарайтесь, чтобы их стало на одну больше.

Все засмеялись. Иван же вдруг почувствовал, как тает в душе айсберг напряжения. Он знал, что в других командах тоже есть выходцы из прошлого, в том числе и в команде Марса – Сергей Павлов, живший в двадцать втором веке: по правилам Игр разрешалось укреплять команды игроками прошлых веков, прошедшими адаптацию и давшими согласие на временное перемещение; парадоксы времени исключались, наука тридцатого столетия вычеркнула время из списков врагов человечества. Иван был знаком и с Сергеем, и с другими выдающимися игроками, преодолевшими бездну времени, и от мысли, что возвращаться в свое время придется не ему одному, зависть к остающимся и неудовлетворение собственным положением отодвинулись на задний план.

Иван видел, чего ждали от него товарищи и тренеры, в него верили, и единственным способом отблагодарить их за эту веру мог быть только спортивный стресс – полная самоотдача в игре.

Конечно, и среди современников Олимпиады было немало великолепных спортсменов, в совершенстве владевших всеми приемами волейбола трехтысячного года, но надо было, кроме всего, еще и любить волейбол, как любил Иван, жить игрой, забывая обо всем на свете, отдавать всю страсть, пыл, силы и эмоции, уметь подчинять тело до риска аутотравмы, чтобы понять тех, кто выловил эту находку из глубины времен. А что физические данные людей того времени и современников не были равны – никого не волновало. Медицина и физиология к тому времени «разбудили» многие «спящие» центры в мозгу человека, и разбудить их у Ивана не представляло сложности.

Игру он начал в четвертом номере у сетки, в нападении – угрозе. Подавала сборная Москвы. Первый мяч был послан, как и ожидалось, в будущее, второй – на заднюю линию обороны площадки землян. Мяч принял игрок второй защитной линии Гвендолин, разводящий игрок-координатор во втором номере – Стан подкорректировал передачу и выдал мягкий скользящий пас невысоко над сеткой, так называемый классический полупрострел. Иван, подпрыгнув над блоком, пробил мяч почти вертикально вдоль сетки, в первую линию площадки сборной Марса. Но тут пришла первая подача, посланная в первый номер площадки землян и, как оказалось, на шесть секунд в будущее. Ошибся в приеме Сергей, при передаче нападающему во второй номер переиграл Иван, и мяч был утерян. «Белый балл». подача осталась у марсиан, а игрокам сборной Земли засчитывалось лишь одно очко – половина оценки. Забей они оба мяча – заработали бы «красный балл» – очко и подачу.

С этого момента у землян явно не пошла игра. Резко, непонятно. Словно утратились навыки игрового контакта и пропали куда-то реакции и чутье времени.

Иван не сразу почувствовал неудовлетворение игрой, лишь с трудом переправив мяч через сетку, он с досадой посмотрел на недовольного игрой Стана и определил, что в отлаженном механизме команды что-то испортилось. В это время из воздуха «выпрыгнул» мяч прошлой подачи марсиан. Гвендолин с опозданием упал, мяч угодил в сетку. Сергей в прыжке выполнил «хобот», но блок противника обмануть не смог. Трибуны стотысячного зала игровых видов спорта зашумели. Иван посмотрел на Стана и пожал плечами:

– Попробуем сменить режим первой подачи?

– Не спеши, – хмуро ответил Стан. – Надо отыграть хотя бы стандартную перебежку, я не чувствую настроения команды.

Тренер наблюдал за игрой внешне спокойно, отвечая на советы запасных игроков односложными «да» и «нет». Он тоже видел, что команда потеряла игровое настроение, но не мог определить причины. Минутный перерыв, однако, брать не стал, сначала надо было разобраться в причине плохой организации защиты самому, ребятам на площадке сделать это труднее.

Первый сет они проиграли со счетом двадцать четыре – тринадцать.

В середине второго тренер взял минутный перерыв.

– Вы что? – негромко, но резко спросил он игроков, разгоряченных и злых. – Перегорели? Или сетка высоковата? Где стиль команды? Почему хроноимпульсы однообразны? Ведь они поймали ваш ритм хроноподачи, а вы продолжаете в пятисекундном ритме. Смените режим, играйте второй, третий варианты вперемежку, сбейте их с толку. Они не лучше вас, но тактику выбрали лучшую. Поняли? Иван, посиди отдохни, вместо тебя поиграет пока Сосновский.

– Замена в сборной команде Земли, – гулко возвестил голос судьи-информатора. – Вместо номера один – Ивана Погуляя продолжает игру номер девять – Януш Сосновский.

Иван сел рядом с тренером и вытянул ноги, вытирая полотенцем лицо и не глядя на товарищей, делавших вид, что ничего особенного не произошло. Тренер присмотрелся к его хмурой физиономии и хмыкнул.

– Устал?

– Не знаю, – помедлив, ответил Иван. – Что-то мешает играть, а вот что именно – не пойму.

Несколько минут молчали. Игра чуть-чуть выровнялась, но отрыв в очках был слишком велик, и надежда выиграть сет была призрачной.

– А ты попробуй сыграть выше своих возможностей, – тихо проговорил тренер. – На пределе! И перестань думать о возвращении. Я правильно тебя понял?

Иван вспыхнул. Тренер понимающе кивнул и сжал его плечо твердыми пальцами:

– Ты не первый мой гость из прошлого, Иван. В прошлогоднем чемпионате Союза планет у нас играл Виктор Афанасьев. Твой не только современник, но и земляк. Уходя, он сказал: «Теперь уверен, что проживу свой век не зря – я видел свою мечту, значит, работал и мечтал правильно».

– Я этого не отрицаю, – пробормотал Иван.

Второй сет сборная Земли тоже проиграла. Тренер выпустил Ивана на площадку только в третьей партии при ничейном счете, жаждущего борьбы и полного желания совершить невозможное.

О себе Иван уже не думал, сердце забилося ровно и сильно, исчезла скованность, пришло ощущение полета и сказочной удачи, тело словно потеряло вес и стало легкоуправляемым. Он сразу увидел игру, мгновения полета мяча растягивались для него в секунды, в течение которых он успевал прикинуть траекторию полета, подготовиться к приему первого мяча, найти партнера, принять мяч и выдать пас с точностью автомата.

Сначала он, играя в защите на второй линии, достал «мертвый» мяч, посланный нападающим соперником в угол площадки. Громадный зал ахнул и отозвался волной аплодисментов, но Иван их не слышал.

– Меняем темп, – сказал он Стану. – Максимум – третий вариант с переходом на второй при обычной перебежке в первой зоне.

Стан отмахнулся было, потом оглянулся на Ивана, словно не узнавая, и передал остальным игрокам:

– Ребята, играем третий с полупереходом, предельно!

И они заиграли.

Гвендолин из центра сразу выдал Ивану пас во вторую линию для джамп-темпа. Это был очень сложный для исполнения нападающих удар: Иван взвился в воздух, повернулся на лету на девяносто градусов, показав противнику левую руку в замахе и тем самым обманув блок, и с сухим звоном вбил мяч в центр площадки марсиан – при нанесении завершающего удара «перемещать» мяч во времени запрещалось. Зал зашумел и снова замер.

В третьем номере Иван вместе со Станом и пятым игроком провели великолепную скоростную трехходовую комбинацию «зеркало», причем ситуация осложнилась появлением мяча прошлой подачи, так что на площадке в своеобразной петле времени замкнулись сразу все семь игроков, в том числе и «засадный», и два мяча.

Сначала Иван принял подачу, вспомнил положение рук подающего игрока марсиан две секунды назад и переместился на место, куда, по его расчетам, должен был прийти посыл первой подачи. Стан в прыжке выполнил «юлу» – имитацию нападающего удара – и направил мяч вдоль сетки, а закончил комбинацию пятый игрок команды, чисто срезав мяч на взлете во втором номере. В то же время, когда этот мяч еще только летел вдоль сетки, Иван в падении достал второй мяч прошлой подачи. Гвендолин мягко, кончиками пальцев пропустил его за собой, и седьмой игрок, мрачноватый Кендзобуро, обманным ударом «сухой лист» отправил

его со второго темпа в угол площадки соперника. Действие длилось не более трех секунд, мячи уже впечатались в площадку сборной Марса, а Иван, Кендзобуро, Стан и Гвендолин еще находились в воздухе.

Зал снова зашумел, выдохнул одновременно и замолчал до конца игры, словно боясь шумом аплодисментов нарушить таинство игры.

Иван нападал с любого номера, согласно смене вариантов, с задней линии, с центра. Он угадывал появление мяча в хронополе до десятых долей секунды, перепрыгивал и пробивал блок, доставал в защите такие мячи, которые лишь теоретически считались доставаемыми. Он блокировал нападающих в труднейшем исполнении аутконтроля – ловящим блоком, угадывал направление удара в четырех случаях из пяти.

Это была игра на вдохновение. Она зажгла остальных игроков команды, и они творили чудеса под стать Ивану, разыгрывая комбинации хладнокровно и уверенно, как на тренировке. Если играют команды, равные по классу, то именно такая игра, четкая, слаженная, когда партнеры понимают друг друга по жесту, по взгляду – мысленный контакт карался так же, как и техническая ошибка, потерей мяча, – когда все их движения подчиняются ритму и кажется, будто на площадке всего один игрок, чье многорукое тело перекрыло все поле, и мяч каждый раз натывается на него, с удивительным постоянством отскакивая к согласующим игрокам-координаторам, такая игра только и может дать положительный результат. И земляне, проиграв первые два сета, выиграли остальные три.

Зал еще секунду немо дивился на освещенные квадраты игрового поля, на обнимавшихся игроков сборной Земли, а потом словно шторм обрушился на Дворец спорта.

– Спасибо! – сказал тренер с грустным восхищением, обнимая Ивана последним. – Мы не ошиблись в тебе, брат! Спасибо! Думаю, едва ли я когда-нибудь еще увижу такую игру. Лишь после такой отдачи ты имел право... – Он не договорил.

– Я понял, – кивнул Иван. – Лишь играя на пределе, я имел право увидеть то, что увидел.

В этот момент Иван любил всех, и возвращение домой уже не вызывало в нем отчаяния, несмотря на перспективу остаться в своем времени калекой на всю жизнь.

Его дружно оторвали от пола и подкинули в воздух.

На буфете часы пробили десять часов вечера.

Иван очнулся и поднял голову, не узнавая привычной обстановки. Он сидел на корточках на полу, в плавках, с полотенцем в руках. «Странно, – подумал он с недоумением, – странно, что я это помню! Они же должны были „ампутировать“ в мозгу всю информацию о будущем. Забыли? Или все снова сводится к банальнейшему из объяснений – сон?!»

Иван встал, сделал шаг к двери, и... жаркая волна смутения хлынула в голову, путая мысли и чувства: он не хромал! Нога сгибалась свободно и легко, мышцы были полны силы и готовности к действию. Тот душевный подъем, который сопутствовал ему во время пребывания в далеком трехтысячном году, не покинул его. Значит, все это... случилось наяву?!

Он присел, пряча запыхавшее лицо в ладонях, с минуту находился в этой позе, потом с криком подпрыгнул, достал головой потолок – дом был старый и потолки в нем высокие, – остановился и подумал: «А если они и в самом деле забыли? На радостях? Чего не бывает в жизни. Может быть, возвращением ведает тот же виомфант Даниил, а он всего-навсего робот, машина, взял да испортился... У меня же остались все знания и навыки спортсмена, который может родиться только через тысячу лет! И если я начну в своем времени проявлять эти чудовищные способности, я изменю реальность, говоря азимовским языком. Ну и влип! Никому ведь не скажешь, не пожалуешься и не посоветуешься... Что же делать?»

Иван снова подпрыгнул, вымещая на теле растерянность и злость, и в этот момент в комнату без стука вошла мать.

– Ваня! – прошептала она, схватившись рукой за горло. – Прости, что без разрешения, мне показалось... ты прыгал?! Ты уже не... что с тобой?

Иван обнял ее за плечи, привлек к себе.

– Все в порядке, мам, не пугайся. Я скрывал от тебя, боялся проговориться раньше времени... просто я тренировался, лечился, и... нога начала понемногу сгибаться.

Признание звучало фальшиво, но мать поверила.

Два дня Иван скрывал от всех свое физическое превосходство и мучительно размышлял, что делать дальше. Старые переживания, свойственные ему в «доисправленной» жизни, вернулись вновь, но теперь он решил их иначе: комплекс неполноценности превратился в комплекс превосходства и мучительное нежелание возвращаться к прежней жизни. Душа Ивана превратилась в ад, где добродетель боролась с низменными сторонами личности, и он все чаще ловил себя на успокаивающей мысли, что ничего плохого не случится, если он останется «суперменом», просто придется жить тихо и по возможности не проявлять своего превосходства. Омар Хайям со своими нравочениями типа:

Ад и рай – в небесах, утверждали ханжи.

Я, в себя заглянув, убедился во лжи.

Ад и рай – не круги во дворце Мироздания,

Ад и рай – это две половины души —

заглох совсем.

Конечно, оставался еще волейбол. Ивана тянуло на площадку все сильней и сильней, знания и возможности требовали отдачи, выхода в реальность, но показать себя в игре современников – значило раскрыть инкогнито, расшифровать себя неизвестному наблюдателю, который когда-то выявил его среди болельщиков, и тогда о нем вспомнят там, в будущем, и вернуться, чтобы исправить недосмотр... Иван приказал себе забыть не только о волейболе трехтысячного года, но и вообще о существовании этой игры, и решился на бегство, хотя бы временное, из города, в глубине души сознавая, что способов бегства от самого себя не существует.

На третий день борьбы с самим собой, притворяясь хромым, он заявился в деканат и отпросился на две недели для «лечения на море», придумав какую-то «чудодейственную» бальнеолечебницу под Одессой. Декан дал разрешение, не задав ни одного вопроса, чем облегчил мучения Ивана, и сомнения беглеца разрешились сами собой.

Вернувшись домой, он сочинил матери «командировку», с удивлением прислушиваясь к себе: лгать становилось все легче, язык произносил ложь, почти не запинаясь. Уложив вещи в спортивную сумку, позвонил на вокзал, узнал, когда отходит поезд на юг, в сторону Одессы, и полчаса унимал сердце, понимая, что возврата к прежней жизни нет: он уже переступил невидимую черту, отделяющую совесть от цинизма.

Но он недооценил своего прежнего «я». В троллейбусе нахлынули воспоминания, навалилось душное, жаркое чувство утраты, болезненного смятения, неуютной потери смысла жизни, пришлось сойти за три остановки до вокзала, пряча пылающее лицо от любопытных взоров окружающих.

– Ваня! – позвал вдруг кто-то с другой стороны улицы, выходящей прямо на набережную. Голос был мужской и знакомый, но Иван не хотел ни с кем разговаривать и с ходу свернул в дыру в заборе: справа шла стройка двенадцатиэтажного жилого дома.

Его окликнули еще раз, пришлось прибавить ходу. Иван обошел штабель кирпичей, нырнул в подъезд и, не останавливаясь, одним духом, словно убегая не от настырного знакомого, а от самого себя, поднялся на самый верх здания. Никто его не остановил, принимая то ли за проверяющего, то ли за члена кооператива дома. Двенадцатый и одиннадцатый этажи еще

достаивались, и он вышел на балкон десятого, выходящий на улицу и реку за ней. Внизу шел нескончаемый плотный поток пешеходов, не обращающих внимания на привычный пейзаж стройки, равнодушный ко всему, что происходит вне данного отрезка маршрута и конкретной цели бытия.

Иван поставил сумку на пол балкона и бездумно уставился в пропасть, распахнутую обрывом проспекта. Не хотелось ни думать, ни двигаться, ни стремиться к чему-то, жизнь тягуче двигалась мимо, аморфная и не затрагивающая сознание, раздражающее нервы стремление к цели растворилось в умиротворении принятого исподволь решения, как облако пара в воздухе...

Сколько времени он так простоял – не помнил.

Очнулся, как от толчка, хотя никого рядом не было. Взгляда вверх было достаточно, чтобы понять – случилось непредвиденное, грозящее отнять многие жизни тех, кто шел сейчас под стеной здания по своим неотложным делам: четырехсоткилограммовая плита перекрытия, как в замедленной киносъемке, соскользнула с края крыши, пробила ограждения лесов и зависла на мгновение, задержавшись за железную штангу, чтобы затем рухнуть вниз с высоты в тридцать метров.

«Сейчас грохнется!» – сказал кто-то чужой внутри Ивана, хотя мозг, натренированный на мгновенную реакцию в трехтысячном году, уже рассчитал варианты вмешательства, способность изменить реальность события. Требовалось немного: по-волейбольному прыгнуть с балкона вперед и вверх и «заблокировать» плиту так, чтобы результирующий вектор ее последующего падения уперся в реку. Все. И сделать это мог только один человек в мире – Иван Погуляй, с его новыми «сверхчеловеческими», по оценке современников, возможностями.

«Не делай глупости, – шепнул ему внутренний голос. – Никто не знает, что ты это можешь, никто никогда не догадается, ты не виноват, что техника безопасности здесь не работала. Ты для этого ушел из дома? Только жить начинаешь по-человечески...»

Мгновение истекло. Плита сорвалась с железной стойки лесов.

«Если бы еще была возможность уцелеть самому, – добавил внутренний голос, – а то ведь разобьешься в лепешку!..»

В следующее мгновение Иван прыгнул, как никогда не прыгал даже во время прошедших Игр, вытянул руки, безошибочно встретил плиту в нужной точке и направил ее по дуге в реку, тем самым «заблокировав» чью-то смерть...

И в этот момент что-то произошло. Мир вокруг исчез. Иван оказался внутри серого кокона с дымчатыми стенами. Из стены вышел человек и оказался Устюжиным, тренером «Буревестника».

С минуту они смотрели друг на друга. Потом Иван кивнул:

– Я так и думал, что вы и есть наблюдатель.

– Вы правы. – В глазах Устюжина появилось сложное выражение вины, горечи и холодной жестокости. – Итак, Иван Михайлович, вы вернулись. Поговорим?

– Поговорим, – согласился Иван. – Хотя я в глупейшем положении. Как случилось, что меня вернули с памятью?

Устюжин помрачнел, глаза у него и вовсе сделались как у больного без надежды на выздоровление, тоскливыми и всепонимающими.

– Редчайший случай в моей практике. Виомфант Даниил солгал, что отпустил тебя прежним! Эти автоматы имеют не только интеллект, но и эмоциональную сферу, так что от людей их отличают только способы размножения и существования. Не знаю, чем ты ему так понравился, что он смог солгать! Специалисты еще не разобрались.

Иван тихо присвистнул.

– Не ожидал!

– Мы, к сожалению, тоже. Но виноват во всем я, что не проконтролировал возвращения и не начал искать тебя в тот же день.

– И вы появились, чтобы исправить ошибку? – Иван развел руками и улыбнулся. – Я готов. Попытка к бегству не удалась, и к лучшему. Я ведь хотел уехать отсюда и жить полным сил. Но едва ли я смог бы прожить таким образом долго.

– Я знаю. – Выражение глаз Устюжина не изменилось. – Все гораздо сложнее. Мою ошибку исправить труднее, чем твою. После того, что произошло, у нас с тобой есть три варианта: в порядке исключения, потому что вина лежит на всех нас и больше всего на мне, Совет разрешил тебе самому выбирать свою судьбу. Это первый прецедент подобного рода, который послужит нам уроком. Что касается меня, то я отстранен от работы наблюдателя и буду скоро отправлен в другое время и на другую работу. Итак, вариант первый: игрок сборной Земли трехтысячного года... к сожалению, без права возвращения в свой век. Сейчас ты поймешь, почему. Второй: наблюдатель хомоаномалий Земли всех времен, и тоже без права возвращения домой. – Устюжин поднял измученные внутренней болью глаза. – И третий... оставить все, как есть.

Иван удивился:

– Не понял! Жить здесь таким?!

– Не жить, Иван Михайлович. Жить тебе осталось всего полчаса. Сейчас ты увидишь падающую железобетонную плиту и прыгнешь в последний раз в жизни, используя все навыки волейболиста, ей навстречу, чтобы сбить с траектории и спасти тех, кто идет вниз, ни о чем не подозревая.

Молчание повисло внутри пространственного кокона, тяжелое и холодное, как ржавая болотная вода. Двое молча смотрели друг на друга и решали одну и ту же задачу, каждый по-своему, поставленные волей жестоких обстоятельств в абсолютно неравные условия, перед нравственным выбором одного. Потом Иван спросил пересохшими губами:

– Вот, значит, как... и выхода... нет?

Устюжин понял:

– Нет. История должна подчиниться закону детерминизма, как и пространство-время. Мы не можем произвольно изменять историю, а падающая плита – это не безобидное явление, это исторический факт, повлекший тяжелые последствия. Остановим мы плиту – и мир будущего изменится, потому что изменится реальность биографических линий большого количества людей. Начни мы исправлять прошлое – и будущего бы не было. Конечно, в мире за время существования человечества свершилось много жестоких событий: войны, стихийные бедствия, катаклизмы, и многое можно было бы повернуть не так, но потомки – ветви, а мы – их корни. Они станут такими, какими ты их видел, если и мы останемся теми же, с грузом наших ошибок, и сомнений, и лучших моральных качеств. Итак, что ты выбрал?

– Что тут выбирать, – пробормотал Иван. – Выходит, из-за меня вы идете на нарушение закона? Конечно, играть в сборной Земли и жить там... разве я заслужил? Но объясните, что это за работа – наблюдатель хомоаномалий?

– Все просто. Спустя полтысячи лет после твоего рождения на Земле возникнет служба, назовем ее «Хомо супер», которая начнет искать аномалии талантов людей во всех веках, чтобы генофонд человечества, фонд гениев и творцов «работал» в полную силу, с отдачей своего потенциала человечеству. Я работаю здесь, в Рязани двадцатого века, другие наблюдатели сидят в других временах, такие же люди, как и все. Я не «пришелец из будущего», а такой же рязанец, как и ты, мне просто повезло, что я работаю в свое, родное время.

– Поиск гениев? – переспросил Иван, оглушенный открытием. – Я-то здесь при чем?

– Хочешь, чтобы это сказал я? Гениев, кстати, обогнавших свое время, не так уж и мало, просто мы знаем далеко не всех. Реализуют свои возможности лишь яркие индивидуальности или те, кому помогли фортуна, случай, обстоятельства, условия. Самые громкие примеры ты,

наверное, знаешь: индеец майя Кецалькоатль – Пернатый Змей, Джордано Бруно, Леонардо да Винчи, Эйнштейн.

Иван скептически усмехнулся:

– Неужели и я в этой шеренге?

Устюжин не улыбнулся в ответ:

– Напрасно иронизируешь, ты тоже гений – гений спорта, гений волейбола, если хочешь, очень редкое явление. Среди сфер искусства, культуры, политики, науки и техники сфера спорта – самая не насыщенная гениями. Талантливых спортсменов немало, гениев – единицы. Бегун Владимир Куц, хоккеист Валерий Харламов, прыгун Боб Бимон, футболист Пеле, борец Иван Поддубный. Список можно продолжить, но он мал. Ты выбираешь профессию наблюдателя?

Иван качнул головой, закрыв глаза и снова вспоминая свою последнюю игру в волейбол трехтысячного года.

– А что будет, если я... не прыгну?

Устюжин отвел глаза:

– Будут... жертвы. Но ведь ты мог и не зайти сюда, мог просто ускорить шаг и пройти мимо. Так что выбор твой оправдан.

«Вы это искренне говорите?» – хотел спросить Иван, но передумал, он и так понял тренера.

– Ясно. Однако, чтобы стать наблюдателем хомоаномалий, нужно иметь призвание. К тому же профессия наблюдателя требует таких качеств, как терпение и умение оценить человека с первого взгляда. И главное: у долга и совести альтернативы нет, не может быть. Я струсил, это правда, но уйти сейчас в будущее, зная результат такого бегства... это... предательство!

Устюжин отвернулся, помолчал и сказал глухо:

– Я не ошибся в тебе, брат. Прости за вмешательство в твою судьбу. Прощай.

– Прощайте. – Иван задержал руку тренера в своей. – Не поминайте лихом. Еще один вопрос, он почему-то мучает меня: как будут играть в волейбол еще через тысячу лет после тех Игр? Ведь волейбол в трехтысячном – не предел.

– Не предел, – согласился Устюжин. – Например, в четырехтысячном году произойдет слияние многих игровых видов спорта с искусством, игры будут напоминать красочные представления-турниры со множеством действующих лиц... а волейбол станет хроноконформным: во время игры будет трансформироваться не только мяч, но и пространственный объем игры, и время, сами игроки.

Иван вскинул заблестевшие глаза:

– Хотел бы я поиграть в такой волейбол...

Думайте, думайте...

Невыключенный

Все-таки это была слежка.

Бросив взгляд на зеркальце заднего вида, Панов свернул в переулок и остановил машину возле трехэтажного здания поликлиники. Серого цвета «девятка», следовавшая за ним от дома, в переулок заезжать не стала, но остановилась за углом. Сомнений не оставалось: «девятка» преследовала зеленый «Фиат» не зря, ее пассажиры явно не хотели выпускать из виду водителя «Фиата», Станислава Викторовича Панова, бывшего инженера-электронщика, а ныне директора издательства «Алые паруса», тридцати лет от роду, холостого, москвича в четвертом поколении.

Началась эта история спустя два дня после выписки Панова из больницы, куда он попал в результате аварии, вдребезги разбив издательский джип «Судзуки». И хотя сам Панов уцелел, все же несколько дней ему пришлось провести в больнице с диагнозом «сотрясение мозга средней тяжести». К радости всего издательского коллектива (Панова, прямо скажем, любили – за доброе отношение и уважали – за деловую хватку), через неделю с момента аварии он выписался из больницы, а через два дня у него начались нелады со здоровьем, точнее, с психикой, потому что ему вдруг начали мерещиться разные странные картины.

Сначала показалось, что исчез дом на Сухаревской площади, в котором размещалось агентство Аэрофлота. Станислав в общем-то никогда не обращал особого внимания на этот старый пятиэтажный особняк довоенной постройки, но все же помнил, что на фасаде дома располагались еще три вывески, в том числе мемориальная доска с надписью: «В этом доме в 1927–1937 гг. останавливался писатель Николай Васильевич Овчинников».

Заметив исчезновение здания, Панов, сомневаясь в своей трезвости, осторожно спросил у матери, не помнит ли она, когда снесли агентство Аэрофлота, и был поражен, услышав ответ, что отродясь такой дом на Сухаревской площади не стоял. На всякий случай Панов прогулялся вокруг площади, разглядывая знакомые с детства строения, церковь, скверик в Даевом переулке, полюбовался на бетонный пяточок справа от Сретенки, где когда-то находился исчезнувший таинственным образом особняк и где теперь стояла шеренга коммерческих палаток, и решил, что у него сработал эффект ложной памяти, инициированный травмой головы.

Однако следующее подобное срабатывание ложной памяти заставило Панова призадуматься. С его рабочего стола пропала солидная монография отечественного специалиста по маркетингу и информационным технологиям профессора Зелинского, которой Панову приходилось пользоваться довольно часто. Проискав ее безуспешно в офисе и дома, Станислав вызвал секретаршу Татьяну и велел посмотреть книгу в издательстве. Каково же было его удивление, когда после часа поисков выяснилось, что такой монографии никто не помнит! Мало того, главный бухгалтер издательства утверждал, что ее не существует вообще! То есть похожая по тематике книга имела место быть, но написана она была не Зелинским, а американцем Хаббардом. Панов был уверен на сто процентов, что книгу Хаббарда раньше в глаза не видел, хотя, по уверениям всех сотрудников от секретарши до главбуха и главного редактора, пользовался ею всю сознательную издательскую жизнь.

И, наконец, третий раз Панов почувствовал себя неуютно, когда увидел по телевизору чествование знаменитого киноартиста, которому исполнилось семьдесят лет и которого Станислав, знавший всех отечественных звезд кино и театра, никогда до этого не встречал. Звали киноартиста Юрий Яковлев.

После этого случая Панов провел целое расследование и выяснил множество любопытных деталей, не совпадающих с его опытом жизни и мировоззрением. Так, оказалось, что Великая Отечественная война закончилась девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года, а не в декабре сорок четвертого, как утверждали учебники истории, которые он изучал в школе. На юге Россия граничила не только с Китаем, но и с Монголией, которой в памяти Панова вообще не существовало; по тем же учебникам истории Великое государство Моголов распалось раз и навсегда еще в тринадцатом веке после столкновения с Русью, часть его отошла к России (тогда Великой Руси), а часть – к Китаю.

Кроме того, Панов был весьма озадачен, узнав, что существует всемирная компьютерная сеть Интернет. В его памяти хранилась информация о создании таких сетей в Соединенных Штатах Америки и в Японии, засекретивших свои разработки для усиления обороноспособности своих стран. И последнее, что подвигло Станислава пойти к психиатру, было «открытие» им факта высадки американских космонавтов на Луну. Он совершенно точно знал, что первыми высадились на спутнике Земли русские и немцы!

Психиатр ничуть не удивился рассказу Панова. Похоже, он вообще разучился удивляться чему-либо в этой жизни, ежедневно встречаясь с больными разных категорий, сдвинутыми «по фазе» на почве стрессов от широчайшего спектра причин. Однако случай с Пановым его заинтересовал, и он пообещал помочь молодому человеку, пригласив его посетить поликлинику через день. Именно после посещения врача Станиславу и стало казаться, что за ним наблюдают. Серая «девятка» с тремя пассажирами заставила его окончательно утвердиться в своих подозрениях, хотя по логике вещей и слежка вполне могла быть плодом раскаленного воображения Панова, заболевшего одной из форм психического расстройства после травмы головы.

Кабинет психиатра на втором этаже был закрыт, на его двери красовался листок бумаги с надписью: «Врач не работает». Недоумевая по данному поводу, Панов спустился в регистратуру и спросил у дежурной сестры:

– Извините, вы не скажете, почему не работает психиатр?

– Он заболел, – сухо ответила молодая регистраторша, перебирая карточки. Подняла голову, увидела растерянное лицо посетителя, и взгляд ее смягчился.

– Он в реанимации. Вчера его машина свалилась с моста на железнодорожные пути.

– Он... жив?! – пробормотал ошеломленный неожиданным известием Панов.

– Пока жив, но вряд ли в ближайшее время выйдет на работу. Если вам срочно нужен психиатр, то сходите в районную поликлинику на Жукова.

– Спасибо. – Панов повернулся, чувствуя себя так, словно это он свалился на машине с моста, и вдруг встретил взгляд молодого человека у двери, тут же сделавшего вид, что интересуется доской объявлений в коридоре. Сердце защемило. Панов понял, что этот парень – один из пассажиров «девятки». Прикинув свои возможности – Станислав, хотя и занимался спортом, никогда ни с кем не конфликтовал, ни от кого не защищался и даже, став достаточно известным издателем, не окружил себя телохранителями, – он подошел к регистратуре.

– Извините еще раз, могу я от вас позвонить?

Дежурная заколебалась, но все же подала Панову на стойку старенький телефон.

– Только побыстрей, пожалуйста.

Станислав набрал было номер офиса, но передумал и позвонил Саше Фадееву, своему другу с двенадцати лет. Саша занимался восточными единоборствами, работал инструктором в московском СОБРе и был единственным человеком, который мог бы помочь Панову в сложившейся ситуации.

Уговаривать его не пришлось. Выслушав сбивчивую речь Панова, Фадеев прервал Станислава коротким: «Жди» – и повесил трубку. В поликлинике он появился буквально через полчаса, хотя ехать ему надо было с другого конца города.

При его появлении молодой человек, усиленно изучавший старые плакаты на стенах коридора, вышел на улицу, и Панов торопливо отвел Фадеева к раздевалке, выглянул в окно.

– Того парня в черном видел?

– Рассказывай, только не спеши, – спокойно сказал Фадеев, мельком посмотрев в окно.

Панов подумал, заставил себя успокоиться и сообщил Александру все, что знал сам, свои открытия, впечатления, переживания, ощущения и страхи.

Фадеев выслушал его внешне без эмоций, никак не реагируя на бледные попытки друга пошутить над самим собой. Он вообще был очень сдержанным и серьезным человеком, хотя юмор ценил и понимал. Однако обстоятельства складывались далекими от смешного, ситуация требовала каких-то объяснений и решительных действий, и Фадеев, не ответив на вопрос Панова: «Надеюсь, ты не считаешь меня психом?» – принялся действовать.

– Я выйду первым, – сказал он. – Ты через пару минут. Проходи к своей машине, но не садись, ныряй в кабину моего синего «Крайслера».

– А ты?

– Я поеду на твоей. Держи ключи от моей и дай свои. Езжай в спортзал ЦСКА, паркуйся за углом у ограды, где идут ремонтные работы, помнишь? Я тебя догоню.

Они обменялись ключами, и Фадеев, одетый в спортивный костюм и кроссовки, исчез за дверью центрального входа в поликлинику. В окно Панов увидел, как он задержался на крыльце, где стоял тот самый парень с цепким взглядом, заговорил с ним, и вдруг что-то произошло. Панову показалось, будто Александр похлопал парня по плечу, а потом обнял его и повел к машине Панова, с улыбкой жестикулируя свободной рукой, словно рассказывал анекдот.

Панов не стал забивать себе голову размышлениями о том, что случилось, он просто выскочил на улицу следом за Фадеевым, рванул, как заяц, через дорогу, сел в мощный «Крайслер» Фадеева и, не глядя на серую «девятку» наблюдателей в двадцати шагах, бросил машину вперед. Но все же успел заметить, как из «девятки» выскочили двое парней, устремились к его «Фиату», в кабине которого скрылся Фадеев, «дружески» разговаривающий с их приятелем. Что было дальше, Станиславу увидеть не удалось, об этом ему стало известно впоследствии от Фадеева.

Александр подошел к молодому человеку в черном, протянул ему руку, будто старому знакомому, воскликнул:

– Серега! Сколько лет, сколько зим! Ты как здесь оказался?

Парень с удивлением оглянулся и совершенно автоматически протянул в ответ свою руку, а когда понял, что перед ним незнакомый человек, и хотел ответить: вы обознались, – Фадеев сделал мгновенный выпад указательным пальцем в точку на шее, попадание в которую практически гарантирует шоковое состояние. После чего они обнялись, как друзья, и Александр повел «старого друга» к машине Панова. Приятели молодого человека опомнились, когда Фадеев уже усадил парня в «Фиат» и завел двигатель.

Действовали они решительно. Увидев, что ситуация выходит из-под контроля, двое из них достали пистолеты и с ходу открыли огонь по «Фиату», а третий сразу завел двигатель «девятки» и погнал машину вслед за отъехавшим «Крайслером» Панова. Но они все же не смогли перехватить ни того, ни другого, промедлив в самом начале, не ожидая от объекта слежки такой прыти и не просчитав действия прибывшего на помощь Фадеева. Пули из пистолетов пробили дверцы «Фиата», боковые стекла, но миновали Александра. Пригнувшись, он выехал со стоянки напротив поликлиники следом за «девяткой» наблюдателей, догнал ее на перекрестке и с ходу ударил на повороте в бок, так что «девятка» развернулась и въехала в витрину магазина хозтоваров. Преследовать «Крайслер» с Пановым и изрешеченный пулями «Фиат» она уже не могла.

* * *

Допрашивал захваченного «языка» Фадеев у себя в тренерской комнате в спортзале ЦСКА, куда он прибыл через несколько минут после приезда Панова. Станислав в допросе не участвовал. Он просто сидел на скамеечке в пустом спортзале и тупо смотрел перед собой, перебирая в памяти факты своего умопомешательства. Ничего дельного в голову не приходило, объяснить случившееся одним только психическим расстройством было невозможно, и Панов тихонечко ждал, чем закончится беседа Фадеева с пленником. Не хотелось ни идти на работу, ни что-то делать, ни вообще двигаться.

Фадеев появился в темном зале спустя полчаса. Посмотрел на отрешенно-мрачное лицо Станислава, присел рядом на скамейку.

– Кто это? – вяло поинтересовался Панов.

– Ты кому-нибудь, кроме меня, рассказывал о своих открытиях? – ответил Фадеев вопросом на вопрос.

– Психиатру.

– И все?

– Заму на работе.

Фадеев помрачнел.

– Это плохо. Позвони ему, пусть приедет сюда, к нам.

– Зачем?

– Ему тоже угрожает опасность, надо предупредить человека. А матери не говорил?

– Не хотел тревожить.

Панов взял протянутый Александром сотовый телефон и попытался вызвать Андрея Климишина, друга и компаньона, занимавшего в иерархии издательства почти такое же по значимости, что и президентское, кресло коммерческого директора, ведающего распространением печатной продукции. Заместителем Панова он считался лишь условно.

Однако мобильный телефон Андрея не отвечал, а на рабочем месте его не оказалось. Секретарша Танечка испуганным голосом сообщила, что Климишина сбила грузовая машина и он находится в реанимации.

Фадеев, наблюдавший за Станиславом, заметил его остановившийся взгляд, отобрал телефон.

– Что случилось?

– Андрей в тяжелом состоянии... его сбил грузовик...

– Быстро работают, – сквозь зубы проговорил Фадеев. – Кому-то очень хочется остановить утечку информации.

– Какую утечку? – не понял Панов.

Александр пропустил вопрос мимо ушей.

– Расскажи-ка мне все с самого начала и поподробней. С чего все началось?

Станиславу очень хотелось отказаться, он устало махнул рукой, но в это время его взгляд зацепился за длинный белый транспарант на стене спортзала с рекламой кроссовок «Найк». Он кивнул на транспарант с бледной улыбкой:

– Давно здесь висит это полотнище?

– Давно, полгода. А что?

– А мне почему-то помнится, что вместо него болтался здоровенный плакат с надписью: «Привет участникам соревнований». Похоже, у меня действительно крыша поехала.

Фадеев несколько мгновений внимательно изучал лицо друга, потом встал со скамейки и, бросив на ходу: «Посиди, я сейчас», – вышел из зала. Вернулся он через несколько минут,

переодетый в строгий деловой костюм, придавший ему вид бизнесмена или государственного чиновника.

– Поехали.

– Куда?

– Увидишь. Звони на работу, скажи, что срочно уезжаешь на несколько дней по делам. Или отдыхать. Придумай что-нибудь.

– Но у меня куча дел, встречи, ярмарка в Питере на носу...

– Твои дела от тебя никуда не уйдут, давай звони.

Панов покорно включил телефон, скороговоркой передал секретарше «высочайшее решение» отдохнуть несколько дней на море и поплелся за Фадеевым, оглядываясь на смутивший его транспарант на стене зала. Догнал Сашу в коридоре.

– Что ты сделал с тем парнем?

– В милицию сдал, – усмехнулся Фадеев.

– Зачем он за мной следил?

– Долго рассказывать. Узнаешь в свое время.

– Куда мы все-таки направляемся?

– Поживешь пока у меня пару дней, потом сообразим, что делать дальше.

– А где моя машина?

– В ремонте, – снова усмехнулся Александр. – Не беспокойся, будет как новая, только цвет поменяет. Так, значит, по-твоему выходит, что первыми высадились на Луне наши и немцы, а не американцы?

– Ну да, в тысяча девятьсот семьдесят первом году.

– А кто же тогда вообще первым в космос полетел?

– Шутишь? Гагарин, конечно.

– Слава богу, хоть что-то остается неизменным в нашем безумном мире.

Они вышли из здания через служебный вход, свернули к летним кортам, огороженным высокой металлической сеткой, возле которых среди десятка автомобилей стоял пробитый пулями «Фиат». В это мгновение из двух джипов справа от «Фиата» выскочили какие-то люди в черных джинсовых костюмах, бросились наперерез идущим вдоль ограды Фадееву и Панову, выхватывая оружие. Позади них с визгом шин и тормозов остановился еще один джип с темными стеклами, из которого десантировалась еще четверка джинсованных парней, и Станислав с Александром оказались окруженными со всех сторон. И тут Фадеев показал, на что он по-настоящему способен.

Панов еще только подсчитывал окруживших их противников с пистолетами, не понимая, что происходит, а Саша уже действовал, мгновенно оценив обстановку и выбрав стратегию поведения.

– Ложись! – прошипел он, толкая Панова в спину. – Под машину!

Они бросились на асфальт, и тотчас же Фадеев открыл огонь из невесть откуда появившегося у него в руках пистолета-пулемета, целя по ногам преследователей.

Раздались крики, ответные выстрелы, пули забарабанили по кузову укрывшей их «Вольво», посыпались стекла, из пробитых шин со свистом вырвался воздух. Александр перестал стрелять, выдернул из кармана пиджака усик микрофона:

– Я в узле второй степени, просчитайте масштабы корректировки.

Что ответили Фадееву неизвестные абоненты, Панов слышать не мог, да и к словам друга прислушивался лишь краем уха, полностью занятый тем, что происходило вокруг. К тому же дилетанту понять странные переговоры Александра (это у него что – рация? откуда? с кем он говорит?..) было трудно, однако эти переговоры дали результаты уже в ближайшие секунды.

– Пятиминутка без последствий мне подходит, – сказал Фадеев. – Подготовьте линию по невыключенному, объект – Станислав Викторович Панов, тридцать лет. Да, я готов.

В то же мгновение стрельба стихла. Глаза Панова на короткое время перестали видеть, будто его внезапно бросили в подземелье или небо закрыли не пропускающие свет тучи. Затем солнце засияло вновь, и Фадеев вылез из-под машины, протягивая руку Станиславу.

– Шевелись, у нас всего пять минут на отступление.

Панов выбрался из-под «Вольво», огляделся, не веря глазам. Ни одного из молодых людей в черном вблизи стоянки не было видно, будто они испарились за несколько секунд. Не заметил Панов и следов перестрелки, хотя помнил шлепки пуль в корпуса машин и грохот лопающихся стекол. По территории спорткомплекса спокойно шли по своим делам совершенно незнакомые люди, не обращая внимания на озиравшегося Панова и сосредоточенного Фадеева, и эта их будничная целеустремленность подействовала на Станислава сильнее всего.

– Саша, что происходит? – прошептал он.

– Идем. – Фадеев сел в «Фиат» Панова, включил двигатель. – Скоро все узнаешь.

Они выехали с территории ЦСКА на Ленинградский проспект и направились к центру города, затем свернули на Беговую.

– Ты же говорил, что отдал машину в ремонт, – пробормотал Панов.

– Ты это точно помнишь? – с любопытством посмотрел на него Фадеев.

– Издеваешься? – рассердился Станислав. – Ты же сам сказал полчаса назад...

– За это время кое-что изменилось. Неужели не заметил?

Панов задумался. За последние полтора часа на него свалилось столько неожиданных известий, таинственных происшествий и необычных переживаний, что голова шла кругом и отказывалась работать.

– Когда мы сидели под машиной, мне показалось...

– Ну-ну?

– Показалось, что резко стемнело... а на небе – ни облачка... и эти ребята в черном исчезли...

– Да, ты абсолютник, – хмыкнул Фадеев, еще раз взглянув на ослотившегося приятеля. – Уникальный случай. Кто бы мог подумать, что рядом со мной... – Он оборвал себя, сворачивая на мост через железнодорожные пути. Бросил взгляд на зеркальце заднего вида, покачал головой. – Вот собаки! Быстро берут след!

Панов оглянулся, но в плотном потоке машин нельзя было выделить конкретных преследователей, и Станислав перевел взгляд на водителя.

– Кто за нами гонится, Саш? Что вообще происходит? За что меня хотят убить? И кто ты на самом деле?

– Ты задаешь слишком много вопросов. Доберемся до безопасного убежища, все выяснишь. Главное, что я твой друг.

«Фиат» свернул к Ваганьковскому кладбищу и остановился во дворе девятиэтажного дома.

– Выходим, быстро!

Они выскочили из машины и бегом направились к дому, но в подъезд заходить не стали, обогнули небольшое кирпичное строение котельной и нырнули в его распахнутую дверь, которая сразу же захлопнулась за ними. Пробежав короткий коридорчик, Фадеев толкнул фанерную дверь в тупике коридора, вошел в небольшой чулан с каким-то тряпьем и коробками и стал спускаться в открытый квадратный люк. Панов как во сне следовал за ним, ни о чем не спрашивая. Люк сам собой закрылся за ними, отрезая обратный путь. Лестница была деревянная, старая, затоптанная, словно ею часто пользовались много лет подряд, но ступеньки не скрипели, создавая впечатление монолитной конструкции. На глубине шести-семи метров она кончилась в подвальчике, заставленном бочками и ящиками, тускло освещенном единственной лампочкой в металлическом наморднике. Запахи пыли, ржавого железа, гнилого дерева наполняли помещение и создавали впечатление старости, ветхости, запустения и забытости.

Но Панов не успел проникнуться здешним унылым духом. С гулом отъехала часть стены подвала, в лицо брызнул яркий свет, Фадеев подтолкнул друга в спину, и Станислав шагнул в открывшийся проем, удивленно открывая глаза.

Помещение больше всего походило на зал Центра управления полетами: ряды пультов и столов с компьютерами и дисплеями разных размеров, какие-то шкафы с мигающими индикаторами у стен. Перед рядами пультов, спускающихся вниз, амфитеатром располагался гигантский – во всю стену – экран с двумя земными полушариями, покрытыми неравномерной сеткой, в узлах которой загорались и гасли цветные огоньки.

– Не останавливайся, – сказал Фадеев, понимая глянув на Панова. – Иди за мной.

Тот переступил невысокий порог, продавил телом какую-то невидимую упругую пленку и окунулся в мир других запахов (среди которых можно было уловить запах озона) и звуков – от тихих человеческих голосов до столь же негромких звоночков, зуммеров и писков.

Фадеев уверенно направился вдоль крайнего ряда пультов к правому углу зала и нагнулся к женщине в белом костюме у дисплея. Та кивнула, и Александр шагнул к открывшейся двери в стене зала, между двумя шкафами. Панов догнал его в коротком коридорчике, освещенном длинной светопанелью, кивнул на закрывшуюся за спиной дверь:

– Это что, Центр управления полетами? Очень похож. Я видел по телеку. Или какой-то вычислительный центр?

– Ну, нечто в этом роде, – кивнул Фадеев. – Ты не читал роман Азимова «Конец вечности»?

– Читал в детстве. А что? При чем тут Азимов?

– Он был посвящен в наши дела. Организация «Вечность» существует, хотя и не в том виде, в каком описал ее известный писатель-фантаст. То, что ты видел, это лишь кустовой терминал, один из районных центров анализа накапливаемых искажений реальности. Но не спеши, давай обо всем по порядку.

Фадеев остановился перед последней дверью коридорчика, поднял руку, прижимая ладонь к выпуклости на стене. Из черного окошечка над выпуклостью выстрелил бледный синеватый лучик света, заглянул ему в глаз и спрятался обратно. Дверь с тихим шипением отодвинулась в сторону, и молодые люди вошли в небольшой кабинет, похожий на сотни подобных ему кабинетов правительственных или коммерческих офисов. Стол с компьютером, стол для гостей с четырьмя стульями, два стеклянных шкафчика с книгами и хрусталем, шкаф для одежды, сейф, светопанели, ковер на паркетном полу, картина на стене (пейзаж в стиле Шишкина: ели, ручей, коряга поперек). Но взгляд Панова зацепился не за эти детали, а за окно, из которого на пол помещения падал сноп света. За окном виднелись небо с облаками, деревья, часть пруда. Это было очень странно, ведь Станислав четко помнил, что он находится глубоко под землей.

– Видекартинка, – раздался чей-то голос, и Панов наконец разглядел хозяина кабинета, сидевшего вполборота к столу за экраном компьютера.

Он был крупного сложения, с круглой бритой головой, тяжелым лицом и мощным лбом, под которым светились легкой иронией умные глаза.

– Присаживайтесь, – кивнул он на стулья. – У меня мало времени, поэтому обойдемся без восклицаний «не может быть!» и прочих эмоциональных выражений. Меня зовут Павел Феоктистович, я эвменарх данного регулюма. – Бритоголовый посмотрел на Фадеева. – Вы ввели его в курс дела?

– Не успел, – качнул головой Александр. – На него вышли охотники Фундатора, пришлось срочно бежать.

– Понятно. Тогда я обрисую ситуацию в двух словах, а вы потом ответите на все вопросы и поговорите обо всем подробней. Подумали, где можно будет применить его возможности?

– Все произошло слишком неожиданно, – признался Фадеев с беглой усмешкой. – Мы знакомы со Стасом уже два месяца, но я никак не думал, что он может так четко *видеть* изменения реальности.

– Как это – два месяца?! – округлил глаза Панов. – Я знаю тебя больше пятнадцати лет! Бритоголовый Павел Феокистович и Александр переглянулись.

– Случай интересный...

– Да, необычный, он *видит* все абсолютные изменения внешней Среды, но одновременно принимает относительные варианты своего восприятия за реальный исторический процесс.

– Итак, молодой человек, – сказал эвменарх, смерив Павла заинтересованным взглядом, – вы оказались в довольно необычном положении. Большинство нормальных людей принимают действительность как статическую основу бытия, пронизанную потоком времени. На самом деле Вселенная – исключительно зыбкий, изменчивый, непостоянный, текучий, многомерный континуум, непрерывно кипящий и содрогающийся от малейших вероятностных изменений в любой его точке, в любом материальном узле – регулюме, где возникает на короткое время довольно устойчивое образование – жизнь. Одним из таких регулюмов является планета Земля. Каждый ее житель воспринимает любое изменение не напрямую, а через особое «декодирующее» устройство – подсознание, поэтому ему кажется, что мир вокруг статичен и если изменяется, то эволюционно, согласно законам физики, законам природы. Одно лишь не учитывается: что Матрица Мира изменяется просто мгновенно от любого происшествия, от любого толчка, и одновременно с этим сознание человека получает заново сформированный пакет информации, образующий память. Для обычного человека такое изменение есть событие, «вмороженное» в память.

– Подождите, – остановил эвменарха Панов. – Я не совсем...

– Лучше всего мои рассуждения пояснить примером. Допустим, кто-то в нынешнее время хочет изменить реальность. Он спускается лет на пятьдесят в прошлое и убивает... ну, скажем, видного политического деятеля, того же Ленина, к примеру. Что произойдет для всех современников путешественника во времени? С одной стороны – изменится реальность, исчезнет весь пласт истории, связанной с данным историческим лицом, но с другой – для наших современников в момент убийства не произойдет ровным счетом ничего! Для них эти пятьдесят или сколько-то там лет окажутся спрессованными в давно промелькнувший отрезок времени, где *не* было никакого Ленина. Понимаете? Изменения воспримут только отдельные личности...

– Больные?

– Можно сказать и так, – улыбнулся Павел Феокистович, – невыключенные. Мы их называем иначе – абсолютниками. Они хранители траекторий исторического процесса, способные воздействовать на Вселенную. При соответствующей подготовке, разумеется.

– Почему меня хотели убить?

– Потому что вы свидетель изменений, произведенных исполнительной структурой регулюма – Фундатора.

– Кто он такой?

– Он не кто, а что – система реальной власти на Земле, способной менять правительства любого государства, законы, по которым эти государства живут, и даже, если потребуется, природные условия.

– А кто тогда вы?

– Хороший вопрос, – развеселился эвменарх. – Мы – теневая структура...

– Мафия, что ли?

– Нет, не мафия, скорее служба безопасности регулюма, отвечающая за устойчивость и жизнеспособность всей его сложной системы под названием Человечество. К сожалению, у кормила Фундатора сейчас стоят жестокие, эгоистичные, агрессивные, не терпящие возраже-

ний люди, уверенные в своей непогрешимости и безнаказанности, и нам пришлось уйти в подполье, в результате чего реальность стала меняться не в лучшую сторону и продолжает скатываться в пропасть распада.

– Распад СССР – тоже дело рук Фундатора?

– Вы хорошо схватываете суть проблемы. Все негативные процессы в мире так или иначе инициированы Фундатором, хотя исполнителями являются конкретные личности и конкретные группы людей.

Бритоголовый наклонился к экрану компьютера, что-то набрал на клавиатуре, сказал, не поднимая глаз:

– Остальное вам объяснит наш агент влияния и ваш друг Александр. Всего хорошего.

Фадеев встал, похлопал задумавшегося Панова по плечу, и тот с запозданием поднялся.

– Спасибо...

Бритоголовый не ответил.

В коридорчике они остановились. Александр вдруг рассмеялся. Станислав с недоумением взглянул на него.

– Ты что?

– Просто вспомнил, где мы находимся – под Ваганьковским кладбищем.

– Ну и что?

– По-моему, это символично, ведь ты, считай, заново рождаешься на свет там, где другие заканчивают свой земной путь.

– Куда мы теперь?

– Теперь мы домой. Подожди меня, я закажу кое-какие изменения реальности, чтобы нас не перехватили охотники, и мы отправимся в ресторан, где отпразднуем рождение нового абсолютника.

– Постой, – ухватил Панов друга за рукав. – А разве Фундатор не умеет делать то же, что и вы, – изменять реальность в свою пользу? Что, если он примет контрмеры?

– Может и принять, но мы попробуем его опередить, у нас очень хороший отдел по разработке всяких «случайных совпадений».

Александр подошел к одному из пультов с экраном, за которым работал какой-то седой старик в белом костюме, поговорил с ним, показав на стоявшего у стеночки Панова, и направился к выходу.

– Все в порядке, можем не беспокоиться за свою судьбу.

Они вышли из зала в подвал котельной, все так же создающий впечатление заброшенности и запустения, поднялись в цокольный этаж строения, и в это время дверь на улицу распахнулась и ворвавшиеся в коридор котельной люди в черных джинсовых костюмах открыли по друзьям огонь из пистолетов. Станислав с ужасом увидел, как пули впились в грудь и в голову Фадеева, хотел закричать и не успел: тяжелая холодная тень накрыла котельную, дом рядом, кладбище, весь город, придавила всех людей так, что они на мгновение застыли, и исчезла.

А вместе с ней куда-то делся и подвал с засадой и убитым Фадеевым. Панов оказался в коридоре поликлиники, откуда полдня назад начал с Александром свое бегство от охотников Фундатора. Вокруг сновали озабоченные люди – больные, медсестры, старшеклассники, проходящие обследование, а у стены коридора стоял парень в черном джинсовом костюме и старательно изучал плакаты на стене.

Сглотнув ставшую горькой слюну, Панов на деревянных ногах вернулся к окошку регистратуры и попросил разрешения позвонить. Трубку на том конце провода сняли через минуту, однако раздавшийся в ней голос показался Станиславу незнакомым:

– Говорите.

– Саш, это я, – заторопился Панов. – Можешь приехать в поликлинику на Бирюзова?

– Кто говорит? – осведомилась мембрана.

– Стас... Панов... Саш, это ты? Извините, мне нужен Александр Фадеев...

– Очевидно, вы ошиблись номером. – В трубке затукали гудки отбоя.

Панов подержал трубку возле уха потеющей рукой и вдруг отчетливо осознал, что Фундатор нанес упреждающий удар: рассчитал и провел такое изменение реальности, в котором не было Фадеева.

– Что с вами? – полюбопытствовала дежурная регистраторша, глянув на побледневшее лицо Станислава. – Вам плохо?

– Ничего, пройдет... – пробормотал он, опуская трубку на рычаг.

Телефон вдруг зазвонил, заставив вздрогнуть обоих. Медсестра подняла трубку, и ее брови постепенно поползли вверх.

– Молодой человек, вы случайно не Стас Панов? – окликнула она отходившего Панова.

– Да, это я...

– Вас к телефону.

Панов с недоверием взял трубку, прижал к уху и услышал тот же незнакомый голос:

– В этой реальности ваш друг не существует. Я тот, кто может его заменить. Ждите в поликлинике и никуда не выходите, пока я не приеду.

– Как я вас узнаю?

– Не беспокойтесь, узнаете.

В трубке послышались частые гудки. Станислав, еще не веря в избавление от страха за свою жизнь, посмотрел на суровую медсестру в окошке регистратуры и подумал, что, похоже, ему все-таки удастся стать абсолютником. Если только охотники Фундатора не доберутся до него раньше людей эвменарха.

Мир вокруг, подверженный любой прихоти властителей, постоянно изменяющийся в результате разборок между различными властными группировками и структурами, действительно был слишком текуч и неустойчив, но люди этого не видели и не чувствовали. Кроме таких уникалов, как Панов. Время от времени они появлялись на Земле, и тогда за ними начиналась настоящая охота, ибо тот, на чьей стороне оказывался абсолютник, получал значительное преимущество перед остальными.

Всего этого Панов не знал, его путь в изменяющейся от малейшего толчка Вселенной только начинался.

Приговоренные к свету

На этого молодого человека в безукоризненном темно-синем костюме обратили внимание многие посетители ресторана «Терпсихора», принадлежащего известному в прошлом певцу Алексею Мариничу. Ресторан открылся недавно, однако быстро снискал славу одного из самых модных мест тусовок московской богемы.

Молодой человек пришел один, в половине восьмого, когда завсегдатаи ресторана еще только начинали подтягиваться к началу ежевечерней программы: здесь часто выступали известные певцы, актеры и танцевальные группы, а иногда пел и сам хозяин, не утративший голоса и артистического обаяния. Обычно это случалось по просьбам присутствующих в конце недели, когда Маринич отдыхал в кругу близких друзей. Нынешним вечером он также собирался расслабиться в своем ресторане и спеть несколько песен в стиле ретро, что особенно ценилось женской половиной посетителей.

Юноша в синем костюме занял столик в хрустальном гроте, поближе к оркестровой раковине, где любил сидеть хозяин ресторана, заказал минеральную воду и стал ждать, разглядывая постепенно заполняющую зал публику. Он был довольно симпатичен, высок, много курил и явно нервничал, то и дело бросая взгляд на часы. К десяти вечера его нетерпение достигло апогея, хотя глаза оставались темными, полусонными, если не сказать – мертвыми, но волнение выдавали руки, ни на секунду не остающиеся в покое. Молодой человек барабанил пальцами по столу, перекадывал из кармана в карман зажигалку, расческу, бумажник, платок, разглаживал скатерть на столе, поправлял галстук, стряхивал с костюма несуществующие пылинки,пил воду и в конце концов обратил на себя внимание официанта.

– Что-нибудь не так? – подошел к нему метрдотель. – Вы кого-то ждете, молодой человек?

Гость посмотрел на часы, сказал отрывисто:

– Еще бутылку воды, пожалуйста. Скажите, а Алексей Артурович скоро начнет выступление?

Метрдотель покачал головой.

– Сегодня он, к сожалению, выступить не будет, плохо себя чувствует. Так вы его ждете?

– Н-нет, – глухо ответил молодой человек, стекленея глазами. – Где его... можно найти?

Мне с ним надо... поговорить...

– Что с вами? – обеспокоился пожилой метрдотель. – Вы побледнели. Вам плохо? Может быть, вызвать врача?

– Мне надо... встретиться с Алексеем Артуровичем Мариничем... немедленно...

– Ничем не могу помочь. – Метрдотель пошевелил пальцем, подзывая секьюрити ресторана. – Посодействуйте молодому человеку дойти до машины.

– Вы меня обманываете. Алексей Артурович *должен* сегодня... быть здесь... меня предупредили...

– Он заболел, – терпеливо сказал метрдотель, хмурясь. – Кто вас предупредил, что он *должен* выступить?

– Он всегда... в десять часов...

Метрдотель кивнул, отходя от столика.

Двое плотных парней в черных костюмах и бабочках подхватили юношу под руки и повели из зала, но не на улицу, а через служебный коридор на второй этаж здания, где у Маринича был кабинет и где располагались хозяйственные службы ресторана. В комнате охраны парни усадили молодого человека, порывающегося сопротивляться, на стул, и начальник охраны подошел к нему вплотную.

– Обыскали?

– Так точно, Сергей Петрович, чист. Даже ножа нет.

- Зачем ты хочешь встретиться с Мариничем?
- Мне надо... это очень важно... его хотят...
- Ну?
- Его хотят... убить!
- Кто?
- Это я скажу ему... лично...
- Говори здесь, мы передадим.

Настенные часы в комнате тихо зазвонили, стрелки показали десять часов. В то же мгновение молодой человек вскочил, ударом ноги свалил начальника охраны, парня слева просто отшвырнул на пульт монитора телеконтроля, обнаружив недожинную силу, сбил с ног второго охранника и выбежал в коридор. Секьюрити подхватились, бросились за ним, и тотчас же раздался взрыв.

Начальник охраны, встававший на четвереньки, успел заметить в открытую дверь, как тело беглеца вспыхнуло фиолетово-сиреневым светом и разлетелось струями огня во все стороны. Ударная волна разрушила половину коридора, часть помещений по обе его стороны, комнату охраны и снесла дверь в кабинет хозяина ресторана, но Маринич не пострадал. Он действительно чувствовал себя неважно и спускаться в зал не хотел, просто намеревался посидеть в кабинете с друзьями и предложить им, как он любил говорить, «продукты от кутюр».

Взрыв был такой силы, что вздрогнуло и зашаталось все старое семиэтажное здание сталинской постройки. К счастью, стены его были толстыми и крепкими, пострадал лишь второй этаж да рухнула часть потолочного перекрытия третьего этажа. Из четырех охранников, дежуривших в тот злополучный вечер в спецкомнате контроля, уцелели двое, в том числе начальник службы секьюрити, который и рассказал прибывшим спецподразделениям о взорвавшем себя самоубийце, от которого остались лишь штiblеты, пуговицы да ключья костюма.

Слежку за собой Николай Александрович Зимятов, генерал-майор милиции, заместитель начальника ГУВД Москвы, заметил на другой день после взрыва в ресторане «Терпсихора». С его хозяином он был знаком давно, лет пятнадцать, они дружили семьями, ходили друг к другу в гости, встречались часто, а после того как Леша Маринич стал бизнесменом и приобрел ресторан, эти встречи и вовсе приобрели характер потребности, благо в ресторане встречаться было и удобно, и приятно.

В тот вечер Николай Александрович приехать к бывшему певцу на посиделки не смог, был с женой на даче, но утром, узнав о случившемся, примчался в Страстной переулок, где располагался ресторан, и застал Маринича в подавленном состоянии, уныло взиравшим на разруху в коридорах и залах своего детища, в которое вложил немалые средства.

После разговора с Алексеем Николай Александрович понял, что взрыв – не просто дело рук одной из преступных группировок, контролирующих ресторанный бизнес, а нечто другое. Маринич с мафией дела не имел, денег на ресторан ни у кого не одалживал – взял ссуду в банке, должен никому не был и собирался зарабатывать на жизнь честным путем, поэтому и ответил отказом представителям «частной охранной фирмы», предложившим «крышу». За немалые деньги, разумеется. Судя по взрыву, «охранникам» не понравилась самостоятельность новоиспеченного владельца ресторана, не повлияла на их решение и близость Маринича с генерал-майором милиции, и принадлежность публики ресторана к артистически-богемной среде, в которую входили известные артисты, певцы и музыканты. Взрыв показал, что Маринича хотели не припугнуть, а убрать, и решимость бандитов заставляла искать причины их такой уверенности и думать о наличии прикрытия группировки: эти люди (если можно было называть их людьми) никого не боялись.

И еще один нюанс смущал Николая Александровича: характер взрыва. Если верить словам начальника охраны ресторана, исполнитель *не имел* при себе взрывного устройства и тем

не менее взорвался! Но даже если допустить, что его просто неумело обыскали, объяснить *полное* исчезновение исполнителя никаким взрывчатым веществом было невозможно. От исполнителя не осталось буквально ничего! Только ботинки, пуговицы и ключья костюма!

Поговорив с удрученным Мариничем, Николай Александрович пообещал разобраться с происшествием по своим каналам, позвонил в управление и вызвал эксперта, хотя в здании уже работала следственная группа МВД. Но у генерала были свои резоны. От взрыва за версту несло спецификой *эксперимента*, списать его на мафиозную разборку интуиция не позволяла. Прямо из кабинета Маринича Николай Александрович соединился с ФСБ, позвал к телефону давнего приятеля полковника Щербатова и поделился своими соображениями по поводу происшествия в ресторане. После этого он попытался успокоить Маринича, а когда вышел на Сре-тенку, почти сразу же заметил слежку.

Вели его классно, методом «терпеливой очереди», с применением постоянной радиосвязи, однако Николай Александрович работал в милиции тридцать с лишним лет и опыт оперативной работы имел достаточный, чтобы знать все секреты службы наружного наблюдения.

Его продолжали «пасти» и дальше, несмотря на то, что ездил Николай Александрович на служебной «Волге» и мог привлечь к опознанию наблюдателей оперативную службу спецназовской «наружки». До вечера он дважды выезжал по делам в разные концы города и каждый раз обнаруживал слежку, хотя машины сопровождали его «Волгу» разные. В конце концов он не вытерпел и взял с собой на встречу с приятелем-чекистом машину оперативной поддержки, собираясь передать неизвестных наблюдателей в руки профессионалов. Однако с удивлением обнаружил, что никто за ним на этот раз не едет. Наблюдатели словно знали, когда можно «пасти» генерала, а когда нет, словно их заранее предупредили о принятых мерах.

Встречу ему полковник Щербатов назначил в кафе «Тихий омут» на Бережковской набережной, представлявшем собой нечто вроде катрана – места встреч высокопоставленных сотрудников спецслужб. Кафе принадлежало военной контрразведке и обслуживалось по высшему разряду, здесь можно было поговорить о делах и приятно провести время, поэтому оно никогда не пустовало.

Николай Александрович прогулялся вдоль узорчатой чугунной решетки парапета набережной, поглядывая на заходящее за рекой солнце, выслушал доклад старшего группы сопровождения, что все чисто и спокойно, признаков «чужого внимания» не наблюдается, и отпустил машину. Затем увидел выходящего из такой же черной «Волги» на стоянке возле кафе полковника Щербатова с двумя телохранителями и направился через дорогу к нему. Дальнейшие события произошли в течение нескольких секунд.

Вышедший в это время из кафе пожилой мужчина в хорошем светлом костюме достал сигарету, двинулся через дорогу к набережной и, встретившись на полпути с Николаем Александровичем, попросил огоньку. Машин по данному участку набережной ходило мало, но все же прикуривать посреди улицы было бы по крайней мере неосторожно, и генерал, задержавшись на мгновение, зашагал через дорогу дальше, не собираясь забирать зажигалку, и в тот же момент человек, попросивший огоньку, взорвался!

Взрыв был такой силы, что тело Николая Александровича взрывная волна отшвырнула на три десятка метров, вплющив в стену кафе. Чугунный парапет снесло в реку, две близстоящие машины перевернуло, а во всех домах, окружающих кафе, выбило стекла.

Генерал скончался, не приходя в сознание, на руках у полковника Щербатова, тоже изрядно помятого и поцарапанного. От самоубийцы, взорвавшего себя на глазах двух десятков свидетелей, не осталось ничего.

Очередная бутылка из-под пива со звоном грохнулась на крышу подъезда, и Потапов наконец осерчал настолько, что решил тут же разобраться с любителями выпивать и выбрасывать бутылки из окна вниз ради забавы.

В этот шестнадцатиэтажный дом на улице Рогова он переехал недавно, полгода назад, когда умер отец, доктор химических наук, бывший завлаб Курчатовского института, и квартира досталась Потапову в наследство. С отцом он особенно дружен не был, заезжал изредка, раз в два месяца, да встречался с ним иногда на его же даче в Горках, но мама такие встречи не одобряла, и Потапов сократил встречи с отцом до минимума, о чем сейчас жалел. Отец, по сути, был добрым человеком, а с матерью не ужился по причине увлеченности работой, отдавая ей (работе) все свободное время. Маме же хотелось, чтобы известный ученый-химик хотя бы изредка переставал быть исследовательской машиной и обращал бы на нее внимание чаще, чем два раза в год – в день рождения и на Восьмое марта. Прожив с мужем двенадцать лет, она ушла от него и забрала сына, и Потапов вырос в Бибиреве, в однокомнатной квартирке на улице Плещеева. Он не удивился, когда после похорон отца их с мамой нашел судебный исполнитель и прочитал завещание Потапова-старшего о передаче трехкомнатной квартиры в Щукино в собственность сыну. Вскоре Потапов переехал на новое место жительства, разобрал старье, которым была под завязку забита квартира отца, починил старую, но добротную, времен русского ренессанса, мебель, переставил все по-своему и впервые в жизни почувствовал себя человеком, не зависящим от квартирных условий.

Но ненадолго.

Сначала по вечерам в квартире над ним стали собираться молодые люди в возрасте от девятнадцати до двадцати двух лет, включая на полную мощь аудиоаппаратуру и не давая Потапову, да и соседям, естественно, отдыхать после трудового дня и спокойно спать. Длилось это безобразие с месяц, Потапов терпел, он и сам любил посидеть в компании друзей, хотя не так громко и скандально, потом в очередной загул компании в два часа ночи поднялся на третий этаж (сам он жил на втором) и мирно попытался объяснить молодым людям, что ведут они себя неправильно. Его слушать, разумеется, не стали, пообещали «набить морду», если он еще раз «посягнет на священное право человека отдыхать, как ему хочется», – парни, судя по всему, были начитанными, хотя и предельно инфантильными, – и Потапов рассвирепел. Драться, правда, с ними он не стал, хотя мог бы уложить всю компанию в течение нескольких секунд, а просто позвонил дежурному в управление, обрисовал ситуацию, и через полчаса к дому подкатил джип отдела с нарядом оперативников. Ребята были в черных спецкомбинезонах, с масками на головах, увешаны оружием, и глядеть на них было приятно. Еще через несколько минут компания веселящихся «хозяев жизни» – пятеро парней и две девушки – сидела в машине и икала от страха, не понимая, что происходит, а Потапов пошел спать. Потом ему рассказали, что девушек высадили возле отделения милиции, а парней отвезли за город и оставили в лесу, пригрозив в следующий раз всех «утопить в реке». С тех пор пьянки по ночам в квартире этажом выше прекратились. Зато кто-то начал регулярно сбрасывать на крышу подъезда пустые бутылки, банки, пластиковые пакеты и объедки, что в конце концов довело Потапова до белого каления, так как два окна квартиры выходили аккуратно на крышу подъезда, и осколки бутылок изредка залетали на кухню в открытое окно. Вдобавок ко всему мусор вонял, и запахи летом бродили по квартире еще те.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.